

55380

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE

1985.04.28

DISSERTATIONES

SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

SECTIO LINGUISTICA

XVI

SZEGED
1984

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE

DISSERTATIONES

SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

SECTIO LINGUISTICA

XVI

S Z E G E D

1984

PUBLICATIONES INSTITUTI PHILOLOGIAE ROSSICAE
IN UNIVERSITATE DE ATTILA JÓZSEF NOMINATA

REDIGIT

IMRE H. TÓTH

SERIEM PUBLICATIONUM EDENDAM CURAT

KÁROLY FÁBRICZ

HU	ISSN	0324—6523	ACTA UNIV. SZEGED A. JÓZSEF NOM.
HU	ISSN	0586—3737	DISS. SLAV.

ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ

И.А. Долгих

/Москва/

В русских лексикологических работах установилась традиция характеризовать толковые словари с помощью полного описания каждого толкового словаря в отдельности. Однако практика работы со студентами-филологами приводит к выводу, что лексикографические вопросы гораздо эффективнее осмысляются в том случае, когда они освещаются и разрабатываются не по словарям в отдельности, а по проблемам, в результате чего более четко вырисовывается разное решение одной и той же проблемы разными словарями.

В настоящей статье выделены в основном такие проблемы, по которым словари русского языка расходятся принципиально /хотя попутно затронуты и менее существенные расхождения/, а именно: проблема объема словника, проблема расположения слов, проблема количества и расположения значений, проблема толкования значений, проблема подачи иллюстративного материала, фразеологии, проблема стилистических и грамматических помет.

Объем словника. В Словаре Академии Российской -- 43257 слов, в словаре 1847 г. -- 114749 слов, в Словаре Даля -- около 200000, в Словаре Ушакова /СУ/ 85289, в Словаре под ред. А.П. Евгеньевой /МАС/ -- 82159, 2-е издание -- 90000, в Словаре под ред. С.И. Ожегова /СО/ -- 50100, 9-е издание -- 57000, в 17-томном словаре /БАС/ -- 120480. Разница в объеме словника зависит от задач словаря: является ли он нормативным или словарем-справочником, а также от хронологических рамок лексики, отраженной в словаре.

Словарь Академии Российской создавался как словарь нормативный. Включались только те слова, которые соответствовали взглядам Ломоносова на русский литературный язык. Из сло-

варя исключены все иностранные слова, для которых были старославянские или русские синонимы. Из греческих и латинских слов остались те, которые были употребительны в церковных и естественнонаучных книгах, поэтому иностранные слова составляют не больше 1/50 словника /греч. -- 342, лат. -- 107, фр. -- 92, нем. -- 74/¹.

Установка на исключение иностранных слов отмечается и в Словаре Даля, хотя этот словарь не является нормативным. Это объясняется народничеством В.И. Даля, его отрицательным отношением к иностранным словам. Известны его замены иностранных слов: ловкосилие /= гимнастика/, насыл /= адрес/, мироколица /= атмосфера/, глазом /= горизонт/.

Что касается советских толковых словарей, то позиция их такова: заимствования, прочно вошедшие в русский литературный язык, имеют полное право на место в словаре.

Более заметна разница между словарями в отношении к диалектизмам, с одной стороны, и к специальной лексике -- с другой. Словари тезаурусного типа вообще не делают никаких или почти никаких ограничений для включения диалектизмов в словарь. /Словарь 1847 г., Словарь Даля, Словарь под ред. Шахматова 1897--1907 г./. Если в словаре 1847 г. оказалось немного диалектизмов, потому что предполагалось их объединить в специальном словаре диалектизмов, то в Словаре Даля представлена лексика не только письменной, но и устной речи, в том числе очень широко -- областная лексика. Еще шире рамки у словаря Грота-Шахматова, так как основной задачей словаря акад. Шахматов считал регистрацию всех слов русского языка: и тех, которые употребляются народом в различных областях России, и тех, которые используются писателями, современными и прежними.

Напротив, словари нормативного типа исходят из принципиального положения о том, что словарь -- законодатель норм словоупотребления и орудие повышения речевой культуры, что

словарь должен отграничить правильное от неправильного, опираясь на следующие критерии: 1/ устойчивость языкового факта, 2/ распространенность, 3/ соответствие системным возможностям, 4/ эстетическое восприятие формы, 5/ авторитет источника, 6/ социальный престиж². Поэтому нормативные словари советской эпохи, начиная со словаря Ушакова, производили отбор лексики, допускаемой в словарь. Только часть областных слов включалась в словарь, получая при этом неперменную помету обл. В эту категорию зачисляются слова, которые вышли за рамки узко локальные и получили более широкое распространение. Смысл пометы заключается в том, чтобы предупредить, что слово может быть необщепонятным, а иногда и запретить областной вариант формы /например, "баловать" при литературном варианте "баловать"/. В предисловии к 17-томному словарю включение этой группы слов в словарь литературного языка мотивируется тем, что эти слова являются достоянием общенационального языка, а не только местных говоров. Будучи распространенными в разных говорах, они проникают в художественную литературу и становятся своеобразным стилистическим средством /коваль = кузнец, мизгирь = ядовитый паук, род тарантула, баять = говорить/. В эту же группу слов с пометой обл. включаются слова, отражающие крестьянский быт и при этом выходящие за пределы местного значения /лядина = пахотный участок на месте вырубki или пожарища; огребки = остатки сена после укладки стогов/. Это значит, что словарь фиксирует диалектные слова, для которых характерна тенденция к вхождению в литературный язык. В МАС-е тот же принцип в отношении диалектизмов, поэтому часть слов, которые в СУ идут с пометой обл., исключены на том основании, что они не общеизвестны /скалдырник, мокредь/, с другой стороны, добавлены такие, как баз, подколенник, подталина, так как они подтверждаются широким употреблением в художественной литературе /всего 56/. В БАС-е относительно много /60/ слов с пометой обл., потому что

он задуман частично и как справочное пособие к чтению классической литературы XIX века и включает областные слова, встречающиеся у отдельных писателей, а не обязательно у многих. В этом плане существенно отличается СО, в котором представлены только диалектизмы, широко распространенные в художественной литературе и используемые как стилистическое средство /бирюк = волк, козюля = гадюка -- у Л. Толстого, Тургенева, Успенского/, а также этнографизмы /современные: займка = отдельная усадьба на Урале и в Сибири, курень = дом в южной области России и у казаков/.

Установка на нормативность ограничивает включение не только областных слов, но и специальной лексики. В Словарь Академии Российской включалась только та терминология, которая имеет русское происхождение, для заимствованных же терминов подыскивались славянские или русские замены /звездословие = астрономия, рудословие = минералогия, книгохранилище = библиотека/. В СУ даются термины только очень широкого распространения. Однако в СУ увеличился удельный вес производственной терминологии, что отражает усиленный интерес к производству в советское время /плунжер = поршень в насосах; планшайба = приспособление на станке для зажима обрабатываемого изделия/. МАС принципиально не отличается от СУ в отношении специальных слов, словарь лишь очищен от некоторых узко специальных слов /сальтоморталист, скаполит, скамоний, скаляра и т.п./, которые МАС квалифицирует как слова не очень широкого распространения. В СО, помимо распространенности в неспециальных текстах, учитывался критерий общественной значимости термина, поэтому общие названия процессов производства и предметов производства и других специальностей включались в словарь, а видовые -- нет /например, подъемный кран включен, а виды подъемных кранов, напр., кран двойной, кран кабельный, мостовой, разливочный -- нет.³/ В результате в СО почти нет слов, которых неспециалист никогда не слышал. С

этой точки зрения резко отличается БАС, который содержит намного больше слов, незнакомых среднему носителю литературного языка и включенных потому, что то или иное слово встретилось в текстах отдельных русских классиков без пояснительных примечаний /абрис, авиз, бастр, блинт, абординовать, аксолотль/, а поэтому нуждается в объяснении. Хотя критерий типичного для БАС-а тоже был руководящим, однако в связи с установкой полнее осветить лексику, использованную в сочинениях классиков, специальной лексики здесь больше. Видимо, в будущем словаре будет еще больше терминов, так как в процессе подготовки нового академического словаря высказывается мысль, что в новом словаре должен быть представлен материал газет, журналов, научно-популярных книг и других средств массовой коммуникации: радио, кино, телевидения⁴, причем это должны быть по преимуществу термины, применяемые не в одной, а в ряде отраслей науки. Алфавитно-частотные словники по газетам "Правда" и "Известия" показали, что 75 слов из "Правды" и 135 слов из "Известий" не зафиксированы в БАС-е /кибернетический, оргтехника, партийно-правительственный, материально-технический, энергоблок, аэропорт, аэрофлот, бортмеханик, бортпроводница, глобальный, дубль, ревальвация, электронасос, ультрасовременный и др./⁵.

Очень сильно отличаются словники СУ и БАС друг от друга потому, что у них разные хронологические рамки включенной лексики. СУ ставил своей задачей отразить лексику советской эпохи, а БАС -- от Пушкина до наших дней. Такие широкие хронологические рамки /от Пушкина/ создавали много трудностей при осуществлении нормативного принципа, так как многое, бывшее нормой в эпоху Пушкина, уже устарело в наши дни, а пометы устар. не получало. Например, Гоголь употреблял прилагательное "таковский" в утвердительном смысле /"Это таковский человек"/, как и другие писатели его времени, а сейчас только с отрицанием, а между тем пометы устар. при утверди-

тельном употреблении в БАС-е нет.

Таких архаизмов, как "казеннокоштный", "кавыка", "казовый" -- в СО, конечно, нет, а в БАС-е они есть, так как он фиксирует все или почти все, что есть в художественной литературе XIX--XX вв. Многое из того, что идет в остальных словарях с пометой устар., в БАС-е ее не имеет /ватерпруф = непромокаемое пальто, авяние, виват! визитер/. Многое из того, что в БАС-е дано без пометы устар., давно уже устарело. Устарело даже кое-что из текстов советских писателей 20--30 годов /кинематограф = кинотеатр/. При обсуждении проекта ⁶ нового академического словаря высказывалась мысль о том, что для правильной нормативной характеристики нужен крен в сторону современной литературы, так как пушкинскому употреблению не всегда принадлежит право решающего голоса. В словаре должно быть представлено только то, из текстов пушкинской поры, что сохранилось и до наших дней. С этой точки зрения из советских нормативных словарей ближе всего к современной норме Словарь Ожегова и дальше всего 17-томный словарь.

Нормативный принцип реализуется не только в системе помет, характеризующих историческую соотнесенность слов в системе современного литературного языка /устар., старин., истор. дорев., ц-книж., нов./. Пометы нов. в БАС-е нет, а в СУ она используется очень широко, так как СУ ставил задачей зафиксировать все языковые новшества 20--30-х годов /даже "винт" = винтовка -- из красноармейского аргю, с цитатой из Бабеля попадает в СУ/. Нормативный принцип реализуется также в системе стилистических помет. Они вырабатывались при составлении СУ, первого словаря советского времени. Поскольку в это время шли жаркие споры о порче литературного языка под натиском диалектов и жаргонов, то в первую очередь была выделена помета простореч., которая применялась к словам, которые рассматривались в то время как свидетельство порчи языка. В основном это были заимствования из жаргонов /засыпаться, зашиться, шпана, братва/⁷. Пометой простореч. СУ предупреждал,

что эти слова недопустимы в нормативной речи. В отличие от нее, помета разг. означала, что слово употребляется в непринужденной, устной по преимуществу речи, но в пределах нормы /парень = молодой человек, ребята = молодые люди, учеба имели помету разг. в СУ, хотя в статьях того времени оценивались как нелитературные/. К основным пометам относятся также пометы: книж., науч., газетн., публиц., спец., поэт., народно-поэт. Кроме основных, в СУ даются дополнительные пометы: 1/ по степени сниженности /фамил., вульг./; 2/ по степени возвышенности /торж., ритор./; 3/ по характеру оценки /ирон., неодобр., шутл., бран., презрит., пренебреж., укоризн./. В целом система стилистических помет, выработанная СУ, послужила образцом для всех остальных толковых словарей советского периода. В МАС-е уменьшается количество слов со стилистической отмеченностью. Например, слова, которые в СУ имели помету книж., в МАС-е ее утратили: мыслитель, общественность, мытарство, наивысший, незлобивый, недостижимый, неимущий, недостижимый. В БАС-е стилистические пометы упрощаются и обобщаются: для исторических ограничений только устар., истор., церк., нов.; из стилистических помет остаются: простор., разг., народно-поэт., а также спец., обл., которые не являются собственно стилистическими. Пометы книж. и высок. в БАС-е не употребляются, помета разг. почти не употребляется, а из экспрессивных помет используются только пометы шутл., ирон., бран. Ограниченное употребление помет объясняется тем, что БАС отражает лексику за период почти в 150 лет и словарь не мог совместить при характеристике одних и тех же слов изменявшиеся стилистические оценки.

Нормативный аспект предполагает также определенную оценку текстов с точки зрения устойчивого, типичного для того, чтобы отделить от него индивидуальное, потенциальное, окказиональное. Поэтому существует правило для составления словарей: производные слова, образованные по законам словообразования, но не подтвержденные цитатами из картотеки, не

должны включаться в словарь. Если в картотеке есть лишь одна цитата, то это не должно рассматриваться как факт общелитературного языка. Индивидуальные отклонения от норм -- произвольные или непроизвольные -- тоже не имеют права на включение в словарь.

В СУ и БАС-е нормативный принцип сочетается с элементами историзма. В СУ это справки о происхождении иноязычного слова. В БАС-е элементы историзма представлены значительно шире: во-первых, пометы /устар., в старину, в Древней Руси/. Во-вторых, широкий ввод архаизированной лексики из текстов писателей допушкинской поры: Фонвизина, Державина, Радищева, Хераскова, если она встречалась в текстах писателей пушкинской поры. В-третьих, расположение устарелых значений в конце словарной статьи, если стерлось отношение между живыми значениями и устаревшим значением. В-четвертых, историзм сказывается в хронологическом расположении иллюстративных цитат. В-пятых, есть специальный справочный отдел в конце словарной статьи, в котором дается указание на первую фиксацию слова в словарях, откуда можно сделать вывод о времени появления некоторых слов в русском языке. Справочный отдел считается важным нововведением в словаре, но иногда исторические справки носят формальный характер. /Например, слово "мишка" используется у Крылова, а в справочном отделе дается ссылка на первую фиксацию в СУ, и значит, справка не ведет к истории слова, а уводит⁸.

Расположение слов. Качество толковых словарей зависит от того, отражается ли в словаре системный подход к лексике, который постепенно утврждается в лексике. До некоторой степени системный подход к лексике проявлялся уже раньше, при осуществлении гнездового расположения слов, так как оно предполагает объединение слов на определенной научной основе /См. Словарь Академии Российской, Словарь Даля и первые три тома БАС-а/. Основой для объединения послужили словообразователь-

ные связи. Но у гнездового способа расположения слов были и недостатки. В БАС-е он приводил к тому, что некоторые категории слов получали слишком абстрактное толкование. Например, прилагательное "желтый" имеет два значения: 1/ цвет и 2/ предательский. А наречие не имеет второго значения, и общее указание на связь с прилагательным оставляет семантическую структуру наречия без раскрытия. В относительных прилагательных тоже развиваются значения, которые могут быть раскрыты только тогда, когда прилагательное получает отдельную словарную статью, а не просто ссылку: "относящийся к существительному, обозначенному в производящей основе". Таким образом, отказ от гнездового расположения слов, начиная с 4-го тома БАС-а, создавал предпосылки для более детальной семантической разработки слов в словаре. Однако полугнездовой способ расположения слов остался и в БАС-е и в СО. Это выразилось в объединении /но не всегда/ глаголов СВ и НВ, прилагательных и образованных от них наречий на -о, -ски, -ьи. В СО к тому же в одной словарной статье с производящим словом толкуются уменьшительные существительные /"столик" в словарной статье "стол"/, отглагольные существительные даны вместе с глаголом /"чтение" в словарной статье "читать"/, относительные прилагательные в одной статье с производящим существительным /"автомобильный" под словом "автомобиль"/, собирательные существительные /хотя и не всегда/ в одной статье с производящим его словом /"воронье" под "ворона"/, отвлеченные существительные даются в одной статье с производящим прилагательным /"гнилость" под "гнилой"/, порядковые числительные в одной словарной статье с количественными /"пятнадцатый" под "пятнадцать"/, название лица женского пола в одной словарной статье с названием лица мужского пола /"учительница" под словом "учитель"/.

Идея системного подхода к лексикографии может быть реализована и в словаре с азбучным расположением, но это каса-

ется в основном однотипного расположения значений для слов одной семантической группы и единообразного их толкования,

Толкование значений. Существует четыре типа толкований значений: описательный, синонимический, перечислительный, отсылочный. При описательном дается описание существенных признаков понятия о предмете. /Ср. "Ружье" -- огнестрельное ручное оружие с длинным стволом/. При синонимическом значение определяется с помощью синонима /преобладает в переводных словарях/. /Ср. "бином" = двучлен/. Синонимический способ используется широко в Словаре Даля и в СО, частично -- в СУ и в БАС-е, когда надо уточнить описательное толкование. При толковании экспрессивно-синонимических значений этот способ является единственным и в СУ и в БАС-е /Ср. "трапеза" = еда/. Перечислительный способ определяет значение путем перечисления подклассов. /Ср. "дети" = сыновья и дочери/. Отсылочный способ используется при толковании производных слов, прямо соотносящихся с производящим словом. /Ср. "кухонный" = относящийся к кухне; "чтение" = действие по глаголу "читать"; "столик" = уменьш.-ласк. к "стол"; "чтимый" = прич.страд. к "читать"/.

Описательное толкование может быть энциклопедическим и филологическим. Для филологического словаря достаточно филологического определения. Например, энциклопедическое толкование слова "абажур" -- часть armатуры светильника, предназначенная для защиты глаз от действия источника света и создания требуемой освещенности путем отражения и рассеяния света, в то же время абажур -- элемент художественного оформления светильника. В отличие от этого пространного определения филологическое определение ограничивается указанием на следующие признаки: колпак на лампе для сосредоточения света и защиты глаз от света⁹. Указания: "применяется там-то", "имеет такой-то вес", "имеет такую-то длину" носят энциклопедический характер. Для некоторых понятий, а именно для обычных,

общеизвестных понятий, полное энциклопедическое определение выглядит очень искусственным и даже излишним. Например, "сидеть" -- находиться в неподвижном положении, при котором туловище, расположенное вертикально, поддерживается, опираясь на ягодицы. В таких случаях для словаря общелитературного языка достаточно самых общих указаний на основное номинативное значение слова, а иногда и просто иллюстрации. Первые тома БАС-а страдали элементами энциклопедизма, которые в последующих томах устранялись.

Движение от энциклопедизма к филологичности толкования можно проиллюстрировать на примере толкований названий животных в разных словарях¹⁰. В Словаре Академии Российской давались энциклопедические определения животных, включающие характеристику внешности, поведенческие особенности, образа жизни, места обитания. Короткие определения, да и то не всегда, давались домашним животным. Словарь 1847 г. вообще отказался от толкования, ограничиваясь указанием, что речь идет о животном, и латинским эквивалентом. Редко в Словаре 1847 г. дается указание на принадлежность к определенному отряду /например, "жаба" -- род лягушки/. СУ дает указание на семейство /"Барс" -- крупное хищное животное из семейства кошек/. В данном случае родовым признаком является класс хищных животных, а дифференциальными -- семейство и размер /"крупное"/. Иногда в СУ дается указание на образ жизни: хищник или травоядное или насекомоядное -- или на размер, цвет, шерстяной покров. Для домашних животных существенным признаком считается назначение. СО и БАС в отношении толкований животных принципиально от СУ не отличаются. Некоторые исследователи¹¹ предлагают включать в толкование значения животного и его ассоциативные признаки: хитрость -- для лисы, неповоротливость -- для медведя и т.д., но пока этого ни один словарь не делал, не считая эти признаки существенными. Как представляется, фиксировать данные потенциальные признаки в словарях следует, но, очевидно,

в скобках, а не в одном ряду с существенными признаками.

Правильное решение вопроса о том, какие признаки являются существенными для понятия о предмете и должны входить в словарное определение, зависит от системного подхода к лексике в плане изучения лексико-семантических групп слов. Требование единообразного толкования слов одной группы уже сформулировано в лексикографической теории, а прогресс в этой области зависит от лексикологической разработки лексико-семантических групп /ЛСГ/.

Пока что в словарях наблюдается много отступлений от такого единообразия. Например, в названиях сортов яблок обычно два значения: 1/ сорт яблок, 2/ разновидность яблони. В БАС-е оба значения выделены в словах: "апорт", "антоновка", "боровинка", а в слове "анис" второе значение пропущено¹². В СО в определениях лошади и коровы отмечается принадлежность к домашним животным, а в определениях козы, овцы, свиньи, осла -- нет. В определениях овцы и козы отмечается то, что это жвачные животные, а в определении коровы -- нет. В определениях лошади и свиньи отмечается, что первая -- однокопытное животное, а вторая -- парнокопытное животное, а в определении остальных приведенных выше слов нет никакого указания на строение копыта. В определении овцы есть указания на место в биологической классификации /"из семейства полорогих"/, хотя для домашних животных это не существенно и в лексикографической практике не принято фиксировать внимание на научных классификациях, а в остальных определениях такого указания нет. Только в определении свиньи и коровы есть указание на назначение этих домашних животных /"молочное" -- для коровы, "которую разводят для получения мяса, сала и щетины" -- для слова "свинья"/. В определении осла и свиньи есть указание на внешний вид /"крупное тело и короткие ноги" -- у свиньи, "большая морда и длинные уши" -- у осла/, тогда как в остальных определениях особенности внешнего вида не отмечены.

Системный подход может распространяться не только на слова одной тематической и лексико-семантической группы, он может охватывать и антонимические пары. Например, в антонимической паре "радостный" -- "грустный" существует параллелизм в употреблении¹³ /Ср. "радостное настроение, событие, лицо" -- "грустное настроение, событие, лицо"/. Однако в словарях, начиная со Словаря Ушакова, наблюдается разноречивость в разработке этих слов. Поэтому на настоящем этапе лексикографии унификация словарных определений является одной из актуальных проблем при составлении толковых словарей. Но не единственной. По-разному формируются определения для слов конкретной лексики, группирующихся в тематический класс, и для абстрактных значений, в основном производных, которые группируются вокруг общего семантического компонента, который пересекает слова разных тематических классов. Для них "составляющие определение части соотносятся как обобщенный смысл и ограничивающий его по-разному объем номинации"¹⁴/. Например, группа слов, объединенных семантическим компонентом "совокупность" и различающихся объемом номинации: "общество" /о людях/, "репертуар" /о произведениях, идущих в театре/, "набор" /о предметах/, "группа" /о людях/, "комфорт" /о бытовых удобствах/¹⁵. Неучет правил формулирования определения, намеченных выше, приводит, например, к такой ошибке: одно значение слова "булава" толкуется как длинная палка с набалдашником и не указывается, что это принадлежность парадной одежды; другое значение ограничивается указанием на то, что это жезл с шаровидным набалдашником, и не указывает, что это знак гетманской власти; третье значение определяется как короткая палица с шаровидным набалдашником и не указывает, что это оружие в Древней Руси. Таким образом, определения не вводят обозначаемое в соответствующую предметно-тематическую группу¹⁶.

Расположение значений. Перед составителями словарей возникает вопрос, что помещать на первом месте в словарной

статье, а что -- в конце словарной статьи. Здесь две возможности: 1/ основываться на логической связи между значениями, и в этом случае на первое место помещается исходное значение, из которого выводятся все остальные значения; 2/ основываться на большей или меньшей употребительности, и в этом случае на первое место ставится наиболее актуальное в современном узусе значение. Большая часть современных толковых словарей совмещает оба принципа, причем в особо сложных случаях один словарь отдает предпочтение одному принципу, а другой словарь -- другому. Например, у глагола "измельчать" все словари дадут значение: сделаться незначительным /"люди измельчали"/ после значения: сделаться малорослым /"лес измельчал", "скот измельчал"/. Но вопрос о том, что поместить на первом месте -- значение: стать меньше по размеру /"скот измельчал"/ или значение: стать неглубоким /"озеро измельчало"/, разные словари решают по-разному: БАС на первое место ставит "река мельчает", "река измельчала", а СУ и СО и МАС на первом месте дают "скот измельчал".

Аналогичное расслоение можно наблюдать, сравнивая словарную статью "базис", в которой БАС выдвигает на первое место значение: совокупность производительных сил и производственных отношений, а словари СУ, СО, МАС на первое место выдвигают исходное значение: основание сооружения, колонны, на второе место -- значение: основа чего-н. /"базис программы"/, а значение: экономическая структура общества уже на третьем месте. Сравнение этих двух словарных статей по разным словарям позволяет говорить, что БАС наиболее последовательно стремится выдержать принцип: наиболее употребительное, наиболее актуальное -- на первое место.

Сравнение других словарных статей, в частности слова "демонастрация", позволяет говорить, что СУ наиболее последовательно стремится выдержать принцип: на первое место -- исходное значение. Все словари, кроме СУ, дают на первом месте

значение: массовое шествие в знак выражения каких-либо общественно-политических настроений /"первомайская демонстрация", "идти на демонстрацию"/, как наиболее актуальное значение, тогда как СУ неизменно дает на первом месте исходное значение: демонстрирование, показ /"демонстрация физических опытов"/.

Намеченные выше принципиальные установки отражаются и на расположении устарелых значений. Сравнение словарных статей, в которых есть устаревшие значения, показывает, что здесь проявляются две возможности. Одна возможность: устаревшие значения помещаются на первом месте, так как еще воспринимаются как исходные для остальных значений. Например: "вкусить" /хлеба/ /устр./ воспринимается как исходное для "вкусить" /славы, счастье/, "клуб" /тонких веревок/ -- то же, что и клубок, воспринимается как исходное для "клуб" /пыли, дыма/, и поэтому во всех словарях подаются как первое значение. Вторая возможность: такие архаические значения, которые уже отрываются от остальных значений, даются в конце словарной статьи, а в СО и в новом издании МАС-а вообще не даются. Например, значение причины в слове "вина" /"И поведая нам вину В нашу светлую страну Твоего с земли прихода"/ или значение хлама, отбросов в слове "вздор" /"На шляпки, кружева и на другие вздоры Довольно денежек уходит у меня". С.Акс./.

Однако БАС чаще, чем СУ, дает архаические значения в конце словарной статьи, например, значение: отличный -- в слове "изрядный" /"пальто изрядное", "изрядное расположение духа"/ дается в конце словарной статьи, тогда как в СУ оно подано как первое значение. Это расценивается в рецензиях на БАС как полезное усовершенствование¹⁷.

Все словари помещают в самый конец областные и специальные значения, с той разницей, что СО областных слов почти не включает, а в БАС-е их больше всего. /Например, "заулок" = глухая улица, "засилье" = власть, "заказ" = заказник, "завертка" = портянка, веревочная петля для прикрепления огло-

бель к саням; и т.д./.

Подача иллюстративного материала. Есть принципиальная разница в подходе словарей к иллюстрированию материала. БАС отличается тем, что все значения подтверждаются цитатами из художественной литературы. Рецензенты даже отмечали для БАС-а чрезмерное увлечение пространными цитатами, особенно при иллюстрировании слов обычного употребления. Но это было установкой Семнадцатитомного словаря, стремившегося провести принцип историзма. В Словаре Ушакова значения лишь изредка подтверждаются литературными цитатами. Наряду с ними даются речения, представляющие собой сокращение литературного материала, представленного в картотеке. В Словаре Ожегова совсем нет литературных цитат, есть только речения, представляющие собой словосочетания, либо предельно короткие предложения, возникшие на основе сокращения картотечного материала. В Четырехтомном словаре так же, как и в СУ, представлена комбинация цитат с речениями. Задача речений -- показать семантическую и синтаксическую сочетаемость.

Основным источником всех советских толковых словарей является классическая художественная литература. В БАС-е даже в случаях толкования слов, характерных для современной прозы, используются для цитирования тексты из художественной литературы XIX века. Рецензенты усматривали в этом уклон в энциклопедичность и хрестоматийность. Публицистическая литература, в частности газеты, привлекаются в небольшой степени, так же, как и научно-популярная литература. Поэтому при подготовке Нового академического словаря, которая идет в настоящее время, ставится вопрос о расширении источников словаря за счет научно-популярных журналов, за счет газет и даже за счет школьных учебников¹⁸. В наибольшей степени современная советская литература представлена в МАС-е, что касается особенно второго издания /1981/.

Подача фразеологии. Существующие толковые словари включают фразеологию в разном объеме. Общеизвестно, что очень богато представлена фразеология в Словаре Даля, особенно многочисленны пословицы и поговорки. Что касается советских словарей, наиболее полно представлена фразеология в БАС-е. Однако более существенно различие в расположении фразеологии. Традиционным является расположение фразеологических единиц /ФЕ/ в конце словарной статьи, т.е. отдельно от лексики. Принципиальным отличием Семнадцатитомного словаря является помещение ФЕ, связанных с лексическим значением, внутри значения. Это новшество оценивается рецензентами как полезное усовершенствование¹⁹. /Например, "зеленый сыр", "зеленый чай" дано под первым значением; "зеленый корм", "зеленое удобрение", "зеленый пар" -- под третьим значением; "зеленый горошек" -- под четвертым значением; "молодо-зелено" -- под пятым значением/. В тех случаях, когда нет связи со значением, ФЕ выносятся в конец словарной статьи. /Например, "зеленая скука", "зеленая улица", "зеленое вино"/. Аналогичным образом включается фразеология в СО, с той разницей, что ФЕ, расположенные внутри значения, не выделены никакими специальными знаками, но в скобках дается отдельное толкование. В остальных словарях ФЕ вынесены в конец словарной статьи.

Подача грамматического материала. В толковых словарях нормативного типа постепенно сложился такой порядок фиксации грамматического материала: 1/ дается указание ударения в слове, 2/ приводятся варианты правописания и акцентологические варианты, 3/ указывается произношение, отступающее от правописания, 4/ при существительных указывается род и окончание родительного падежа ед.ч., а также формы, которые отступают от нормы, 5/ при прилагательных указываются родовые окончания и краткие формы. Формы сравнительной степени даются, когда они отступают от нормы, 6/ при глаголах указываются окон-

чания 1 и 2 лица настоящего времени, формы причастий и деепричастий, повелительного наклонения, прошедшего времени, вид глагола и его управление. Различия между словарями незначительны.

Проблема разграничения значения и оттенка значения или подзначения решается по-разному разными толковыми словарями, но этот вопрос требует отдельного обобщения.

Замечания

1. См. В.В. Виноградов. Толковые словари русского языка. В кн.: Избранные труды. Лексикология и лексикография. Л., 1977.
2. К.С. Горбачевич. Принципы нормализации языка в современной русской лексикографии. В кн.: Современность и словари. Л., 1978, с. 34.
3. Ф.П. Сороколетов. Лексикографический сборник. М., 1957, вып. I.
4. Ф.П. Сороколетов. Лексико-семантическая система и словарь национального языка. Современность и словари. Л., 1978, с. 15.
5. З.П. Рогожникова. Способы обработки источников для словарной картотеки. В кн.: Вопросы практической лексикографии. Л., 1979, с. 73.
6. А.М. Бабкин. Новый академический словарь. Проспект. Л., 1971.
7. С.И. Виноградов. Просторечие как категория нормативной оценки лексики в "Толковом словаре русского языка" Д.Н. Ушакова. В кн.: Литературная норма и просторечие. Л., 1977, с. 226.
8. В.В. Виноградов. Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания. ВЯ, № 6, 1966.
9. А.М. Бабкин. Новый академический словарь. Проспект. Л., 1971.
10. Е.Э. Биржакова. Об определениях животных в словарях. Лексикографический сборник. Л., Вып. 2, 1957.
11. См. упомянутую выше статью Е.Э. Биржаковой.
12. Г.П. Князькова. К проблеме отбора слов в словаре. В кн.: Современность и словари. Л., 1978, с. 32.
13. Л.С. Ковтун. О построении словарной статьи. Лексикографический сборник. Вып. I, 1957.
14. Е.Н. Толикина. Термин в толковом словаре /к проблеме определения/. В кн.: Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976, с. 55.
15. Там же, с. 49.

16. Е.Н. Толикина. О некоторых правилах толкового словаря. В кн.: Современная русская лексикография. Л., 1977, с. 70.
17. В.В. Виноградов. Указ. соч., ВЯ, № 6, 1966, с. 25.
18. Т.С. Карская. Научно-популярная литература и школьные учебники как источники словарных картотек. В кн.: Вопросы практической лексикографии. Л., 1979, с. 57--59.
19. В.В. Виноградов. Указ. соч., ВЯ, № 6, 1966, с. 25.

КОНСТРУКЦИЯ С БУДУЧИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М.А. Корчиц
/Гродно/

Содержанием нашей статьи является описание некоторых синонимических отношений деепричастной конструкции с буду-чи /в дальнейшем сокращенно: ДКБ/ с другими конструкциями в современном русском языке. В работах современных синтаксис-тов, посвященных анализу семантики и стилистических особен-ностей, ДКБ, вероятно, в силу своей редкой употребительности, не получили подробного научного описания¹.

В отличие от деепричастных оборотов, в которых грамма-тическим центром является деепричастная форма автосеманти-ческого глагола, ДКБ обычно представляет собой разновидность оборотов со сложным грамматическим центром, состоящим из двух или более структурных элементов. Сравним: 1. "Тяжелый парус поднимая, рыбак идет на дальний лов" /И. Бунин/; 2. "Будучи в Москве по служебным делам, Осьминов навестил свое-го учителя в самом конце апреля /Л. Леонов/; 3. "Просто Ко-маров, даже став руководителем, не превратился в человека, для которого личные эмоции не играют уже никакой роли" /А. Чаковский/; 4. "Будучи врачом, не имею права не знать ваши работы" /Ю. Герман/; 5. "Он /радист/ отчетливо выстуки-вал каждую букву, боясь ошибиться" /Б. Горбатов/; 6. "Едва он вошел в избу и, стараясь казаться беспечным, поздоровал-ся, Зина встала из-за стола, за которым шила рубашку малышу" /А. Иванов/.

В первых двух примерах деепричастные формы поднимая и будучи "находясь" благодаря своей автосемантичности, то есть достаточной семантической значимости, занимают позицию от-дельного члена предложения, вернее, грамматического центра

обособленного оборота. Без какого бы то ни было семантического восполнения они способны выполнять роль синтаксически главенствующего члена, которому подчиняются остальные члены деепричастной конструкции. В остальных предложениях центр деепричастных оборотов состоит из деепричастной формы глагола-связки и присвязочной части, выраженной именем существительным /3, 4/, инфинитивом /5/ и сочетанием инфинитива-связки с именем прилагательным /6/. В них деепричастия, являясь производными от лексически ослабленных глаголов, в составе оборота не могут быть полноценной лексико-синтаксической единицей и, вследствие своей функциональной несамостоятельности, употребляются в сочетании с полнозначным словом /словосочетанием/, с семантическим восполнителем. По морфологическому выражению и функциональной значимости компонентов эти грамматические центры подобны составным и сложным сказуемым. Правда, некоторые лингвисты рассматривают их как образования, существующие независимо от сказуемых, генетически не связанные с ними².

В определении значения, типологии и генезиса сложных деепричастных членов /центров деепричастных оборотов/ мы придерживаемся точки зрения В.А. Редькина³ и Л.В. Аникиной⁴, которая нам кажется правильной и убедительно доказанной. Суть ее заключается в следующем:

1. Между грамматически стержневым и зависимым компонентом словосочетания существуют комплективные /восполняющие/ отношения; зависимое слово является обязательным смысловым добавлением к информативно недостаточному связочному глаголу; само словосочетание представляет собой функционально и по смыслу неделимую единицу, выражающую одно понятие, /для наших примеров 5 и 6 об этом можно говорить лишь как о тенденции/.

2. Подобно слову и фразеологизму, словосочетание дан-

ной структуры имеет свою систему изменения, свою парадигму, аналогичную парадигме стержневого глагола-связки.

Значит, исходной формой деепричастных словосочетаний в приведенных нами примерах /3--6/, являются формы стать руководителем, быть врачом, бояться ошибиться, стараться казаться беспечным. Парадигма же имеет такой общий вид /для краткости ограничиваемся одним примером/: быть врачом /-ами/; есть, ∅ врач, суть врачи; был /-а, -о, -и/ врачом /-ами/; буду /-ешь, -ет, -ем, -ете, -ут/ врачом /-ами/; будь /-те/ врачом /-ами/; был /-а, -о, -и/ бы врачом /-ами/; бывший /-ая, -ее, -ие/ врачом /-ами/; быв, бывши, будучи врачом /-ами/. Форма будучи врачом в ряду других форм -- равноправный член парадигмы, закономерная деепричастная форма исходного словосочетания быть врачом.

Синтаксическая позиция членов парадигмы, их сочетаемость с другими словами в предложении зависит от формы стержневого слова, т.е. от грамматических категорий глагола-связки.

Так, исходная, "инфинитивная" форма может выполнять те же синтаксические функции, что и полнознаменательный инфинитив, -- быть любым членом предложения⁵, а также, как неделимое словосочетание, входить в состав членов предложения сложной структуры, например: "Мысль, что война может перестать быть "странной", делала расточительными даже заведомых скупердяев..." /И. Эренбург/. Спрягаемые формы словосочетания употребляются в роли сказуемого /"Дверь была тоненькая и хлипкая, а крючок -- проволочный". -- М. Горький/, а причастные и деепричастные используются в функции определений и обстоятельств или грамматических центров обособленных оборотов: "Можно быть скромным, не будучи мудрым, но нельзя быть мудрым, не обладая скромностью" /Посл./.

В справочных пособиях по синтаксису русского языка, учебниках для вузов и академических изданиях обособленные

конструкции со сложным грамматическим центром не рассматриваются. Но в практике преподавания синтаксиса мы встречаемся с ДКБ при изучении обособленных членов предложения.

Например, в Грамматике-60 отмечается, что обособленное согласованное определение, имеющее добавочный обстоятельственный оттенок, по значению соотносится с обстоятельством, выраженным деепричастным оборотом с будучи⁶. О возможности замены обособленных определений и приложений с обстоятельным значением оборотами с будучи говорится также в учебных пособиях А.Н. Гвоздева⁷, Д.Э. Розенталя⁸ и др. Как вспомогательный прием, такая трансформация рекомендуется школьными учебниками⁹. Но, как правило, при этом упоминаются лишь причинные, условные, уступительные и временные дополнительные оттенки, наличие которых в причастном обороте проверяется путем трансформационного анализа. Это положение подтверждается трансформацией нескольких примеров только с причинным или уступительным значением. Естественно, что у учителей складывается мнение, будто бы ДКБ -- единственное и вполне достаточное универсальное средство обнаружения именно добавочных значений в обособленных определениях.

Действительно, являясь конструкциями, имеющими одинаковое общее /полупредикативное/ и частное, дополнительное /какое-нибудь обстоятельственное/ значение, причастные и деепричастные обороты нередко функционируют как синонимичные эквиваленты. Однако это не значит, что любой причастный оборот с добавочным обстоятельным оттенком может быть трансформирован в ДКБ. ДКБ -- лишь разновидность деепричастных оборотов со сложным грамматическим центром, который не всегда соотносится с причастием. Так, причастный оборот предложения "Соня, не выносящая таких ужасов, тоже начинает плакать" /Л. Толстой/, хотя и имеет причинное значение, можно заменить оборотом с соответствующей однословной деепричастной формой, а не двусловной /"не вынося таких ужасов"/, потому что сочетание "будучи невыносящей" невозможно. Уже этот

факт свидетельствует, что прием замены причастного оборота синонимичной ДКБ не всегда дает ожидаемый результат.

Чтобы трансформация причастного оборота действительно стала эффективным способом определения добавочных значений, необходимо, как минимум, установить оттенки значения ДКБ и ее трансформационные возможности, непосредственно зависящие от структуры и морфологического выражения грамматического центра. Иначе такая операция будет не чем иным, как заменой одного неизвестного другим.

Все ДКБ с точки зрения структуры грамматического центра делятся на образования двух типов:

а/ деепричастные конструкции, во главе которых стоит деепричастная форма полнозначного глагола быть "находиться", "пребывать";

б/ конструкции, грамматическим центром которых является деепричастие-связка будучи в сочетании с присвязочной частью.

В конструкциях первого типа обязательным элементом деепричастного оборота является слово, указывающее на место нахождения субъекта. Обычно это имена существительные с логическими предлогами в, на, у, за, около, наречия и местоименные наречия: будучи в Африке, в деревне; будучи на Востоке, на фронте; будучи у берегов Норвегии, у посла; будучи за границей; будучи рядом, дома и др. В сочетании с этими зависимыми словами деепричастие будучи реализует свое значение "находясь", "пребывая". Примеры: "Где вы остановились, будучи в Москве?" /А. Адамов/.

Грамматический центр конструкций второго типа имеет несколько структурных разновидностей. Деепричастие-связка в них лишена или почти лишена конкретного лексического значения.

1-а: будучи + имя существительное. Присвязочная часть выражена именем существительным в тв. падеже /редко, как архаическая форма, встречается им. падеж/. Если субъектом

действия является человек, присвязочная часть обозначает присущие ему свойства, качества. Например: "...Там уже, будучи подростком, школьником, я чувствовал какую-то иную атмосферу..." /К. Москаленко/; "Не будучи ни режиссером, ни педагогом, ни искусствоведам, я рассматриваю эти вопросы с точки зрения актера..." /Н. Черкасов/.

Для качественной характеристики субъекта иногда употребляются и конкретные /предметные/ существительные в метафорическом значении: "Подобно губернатору, которого он приехал судить, он считался прогрессистом и, будучи уже тузом, не походил на большую часть тузов" /И. Тургенев/.

Абстрактные имена существительные в функции информативного восполнителя связки используются в тех случаях, когда подлежащее /субъект действия/ -- отвлеченное понятие: "Если таковым оказывается подлежащее, то, будучи существительным, оно не нуждается в трансформации" /Л. Мурзин/.

1-6: будучи + имя прилагательное. В деепричастных центрах данной разновидности именной компонент -- имя прилагательное -- выступает в полной и краткой форме, а также /редко/ в сравнительной и превосходной степени. Преобладает форма тв. падежа.

Конструкции, поясняющие подлежащее, выраженное одушевленными существительными, раскрывают различные внешние и внутренние качества действующего лица, его физические, нравственные, интеллектуальные особенности и т.д.: будучи умным, честным, наглым; будучи уверен, убежден, дружен, одарен; будучи моложе, умнее, ласковее и др. Конструкции, связанные с конкретно-предметными и абстрактными именами существительными, встречаются реже: будучи ответственным /матч/, неудобочитаемыми /комбинации согласных/, различными /слова/, необязательным /суффикс/, более крепкими /ветки/ и др. Например: "Пил он /Поль/ много, но будучи молодым и сильным, умел скрывать опьянение" /А. Уингтон/; "Будучи самостоятельным, свободным, слово в стихах вступает в другие, "словопорядко-

вые" связи, определяемые не синтаксисом, а ритмом" /И. Ковтунова/.

1-в: будучи + причастие. С деепричастной формой связи быть употребляется, как правило, страдательное причастие прош. времени сов. вида. Форма настоящего времени встречается редко. Значение процессуальности в них ощущается слабо, и обозначают они не действие, которому подвергается субъект /предмет или лицо/, а его признак, свойство, состояние, обусловленное ранее произведенным действием¹⁰: "Будучи же сорванным и поставленным в воду, он /цветок/ начинает неприятно смердеть" /А. Куприн/; "А я, не будучи избалован дружбой моих товарищей по ремеслу, забываю об Илье Аркадьевиче и Евгении Петровиче: хорошие были друзья" /И. Эренбург/.

1-г: будучи + наречие. В наших материалах встречается редко. Обозначает состояние субъекта: "Находясь в ресторане в компании иностранцев и будучи навеселе, Ранет подошел к официанту Максиму и ударил его по лицу" /Ю. Семенов/.

1-г: будучи + местоимение. Примеры употребления данной модели деепричастного словосочетания единичны: "...Я не в пример прочим, будучи еще таким, как ты, утешал родителей и наставников своим разумением" /А. Чехов/.

2: будучи + словосочетание. Вместо знаменательного слова в качестве присвязочной части часто используются количественно-именные словосочетания, устойчивые выражения, фразеологизмы и так называемые составные термины именного типа. Они раскрывают внутренние и внешние качества действующего лица, указывают на его род занятий, ученую степень, воинское звание, занимаемую должность, возраст и т.п.: "будучи одним из ученых, восьмидесяти лет, кандидатом технических наук, милым другом и др. Например: "Однако в то же время, будучи воином Красной Армии и гражданином Советского Союза, я не мог действовать самостоятельно" /И. Михайлов/. Для пояснения абстрактных существительных с будучи обычно используются

составные термины, имеющие классификационное значение: будучи членом предложения, знаменательной частью речи, родовым названием, кратким причастием и др. Например: "Союзные слова, будучи знаменательными словами, являются членами предложения в придаточной части" /Д. Розенталь/.

3: словосочетание + инфинитив. Грамматический центр конструкций данной разновидности имеет более сложную структуру. Позицию деепричастия-связки занимает словосочетание с модальным значением возможности/невозможности, готовности, способности, намерения, в состав которого входят будучи и существительное, прилагательное или словосочетание. К ним примыкает инфинитив /иногда инфинитивное словосочетание/, заключающий в себе основное лексическое значение деепричастного центра: не будучи в силах писать, не будучи в состоянии построить, будучи в готовности преследовать, будучи готов усвоить, будучи полон решимости уничтожить, будучи лишен возможности курить и др. Например: "Добрался он домой, не в силах будучи сказать ни одного слова" /Н. Гоголь/; "Симка испытал ощущение, сходное с ощущением курильщика, который, будучи долгое время лишен возможности курить, неожиданно видит перед собой брошенную кем-то недокуренную папиросу" /Э. Офин/.

Таким образом, по структуре главного члена ДКБ довольно разнообразны. Чтобы выяснить возможные синтаксические значения ДКБ, остановимся лишь на отдельных примерах.

Учитывая некоторые формальные показатели обстоятельственных значений, общее лексическое значение и реальные смысловые отношения с глаголом-сказуемым, а также пользуясь методом замены синонимичными конструкциями, в частности, придаточным предложением, можно обнаружить следующие синтаксические значения ДКБ.

1. Значение причины: "Петр Григорьевич, будучи застенчивым человеком, ораторствовал только дома" /В. Кожевников/.
-- Ср.: "Петр Григорьевич ораторствовал только дома, потому

что был застенчивым человеком".

2. Значение условия: "Не будучи своевременно остановлен, этот процесс может выйти из-под контроля" /"Правда"/. -- Ср.: "Если своевременно не остановить, этот процесс может выйти из-под контроля".

3. Значение следствия: "Работая много, поэтому будучи крепка сложением, сельская девушка при сытной пище будет довольно плотна..." /Н. Чернышевский/.

4. Значение уступки: "Будучи кратким, донесение тем не менее говорило о многом" /Б. Иллеш/. -- Ср.: "Хотя донесение было кратким, оно тем не менее говорило о многом".

5. Значение состояния субъекта: "Это объясняется тем, что пехотинец идет на позиции, уже не будучи так хорошо обучен" /К. Москаленко/ -- Ср.: "Это объясняется тем, что пехотинец идет на позиции уже не так хорошо обученным".

6. Значение времени /с оттенком уточнения, конкретизации/: "Позже, уже будучи в партии, он понес за это наказание -- получил строгий выговор" /В. Кочетов/. -- Ср.: "Позже, когда был уже в партии, он понес за это наказание..."

Перечисленные обстоятельственные значения для ДКБ могут комбинироваться и накладываться на основное значение. В наших материалах имеются примеры, в которых сочетаются два или более дополнительных значения. Например, в предложении "Будучи, как говорят в народе, уже на сносях, жена Павла Жука помогала мужу зажигать бакены и неожиданно, прямо в лодке, разрешилась от бремени" /А. Анненков/, кроме указания на состояние субъекта действия, ДКБ выражает также временное, условное и уступительное значения. Естественно, что такие ДКБ свободно заменяются несколькими синонимичными трансформами.

Кроме того, каждый из структурных типов описываемого оборота, в зависимости от своего конкретного лексического наполнения и морфологического выражения грамматического

центра, может быть лишен добавочных обстоятельственных от-
тенков. Например, деепричастный оборот в предложении "Мои
коллеги, будучи в шестьдесят четвертом году в Москве, слы-
шали от русских онкологов, что хирург... был тяжело ранен"
/Ю. Герман/ соотносительен с такими образованиями: а/ "в
шестьдесят четвертом году в Москве" /обстоятельства времени
и места/; б/ "были в шестьдесят четвертом году в Москве"
/распространенное однородное сказуемое/; в/ "бывшие в шесть-
десят четвертом году в Москве" /обособленный причастный обо-
рот/; г/ "находясь в шестьдесят четвертом году в Москве"
/обособленный деепричастный оборот/; д/ "когда были в шесть-
десят четвертом году в Москве" /придаточное предложение вре-
мени/; е/ "которые были в шестьдесят четвертом году в Моск-
ве" /определятельное придаточное предложение/. Но только два
из них /деепричастный оборот и придаточное предложение вре-
мени/ являются синтаксическими синонимами ДКБ в строгом по-
нимании данного термина.

Сопоставим обстоятельственные значения причастных и
деепричастных оборотов, отмеченные в работах И.В. Фурашова¹¹
и П.Д. Богданова¹², со значениями ДКБ в виде таблицы /см.
следующую страницу/.

Таблица показывает, во-первых, что по количеству обсто-
ятельственных значений ДКБ немногим уступает оборотам с ав-
тосемантическим деепричастием. Во-вторых, все отмеченные на-
ми значения ДКБ характерны деепричастному обороту вообще.
В-третьих, большинство дополнительных значений деепричастных
оборотов и ДКБ наблюдается и у причастных конструкций, что
является основой возникновения синонимических отношений при
одинаковом лексическом наполнении.

№ п/п	Дополнительное значение	прич. оборот	дееприч. оборот	ДКБ
1.	Причина	+	+	+
2.	Следствие	+	+	+
3.	Условие	+	+	+
4.	Уступка	+	+	+
5.	Способ действия	+	+	+
6.	Сост. субъекта	+	+	+
7.	Время	+	+	+
8.	Уточнение	-	+	+
9.	Цель	-	+	-
10.	Сравнение	-	+	-
11.	Сопоставление	-	+	-

Каковы же трансформационные возможности самой ДКБ?

1. ДКБ -- придаточное предложение. Как свидетельствуют уже приведенные выше примеры /см. перечень значений ДКБ/, придаточное предложение -- синтаксический эквивалент, наиболее четко определяющий синтаксическое значение деепричастных оборотов с будучи. Легче всего придаточным предложением заменяются ДКБ, имеющие причинное, условное, уступительное или временное значения. При этом грамматический центр ДКБ преобразуется в сказуемое придаточной части.

2. ДКБ -- обособленное определение. ДКБ, присвязочная часть которых выражена страдательным причастием, синонимичны причастным оборотам. При трансформации деепричастие будучи опускается, изменяется соответственно форма причастия. Например: "Будучи отделены от своих хозяев, они /паразиты/ обна-

руживают лишь весьма ограниченную способность к активному передвижению" /П. Вайс/. -- Трансформа: "Отдаленные от своих хозяев, они обнаруживают лишь весьма ограниченную способность к активному передвижению". Грамматический центр типа будучи + прилагательное, будучи + существительное /слово-сочетание/ в таких случаях изменяет лишь форму связки: "Помощник Пдгорова, будучи инспектором /бывшим инспектором/, имел возможность разъезжать по всей стране" /А. Гуляшки/.

3. ДКБ -- обособленное приложение. Как уже отмечалось, у многих ДКБ присвязочная часть выражается именем существительным, указывающим на профессию, род занятий, должность и т.д. действующего лица. Синтаксическое сжатие этих оборотов, изъятие будучи одновременно с изменением формы имени существительного ведет к образованию обособленных приложений /с союзом "как" или без него/, сохраняющих добавочное причинное значение. Например: "Будучи летчицей, она /инструктор/ поняла мое состояние и схватилась за ручку управления" /М. Чечнева/. -- Ср.: "Как летчица, она поняла мое состояние и схватилась за ручку управления".

4. ДКБ -- деепричастный оборот. Деепричастные обороты, эквивалентные ДКБ с временным, условным, причинным значением, могут быть образованы в результате синонимичной замены деепричастия-связки, о чем говорилось выше, а также полнозначного будучи: "Григорий, будучи /находясь/ дома, избегал встреч с Анисьей" /М. Шолохов/.

5. ДКБ -- обособленное уточняющее обстоятельство. Временная ДКБ, уточняющая предшествующее обстоятельство, в результате редукции связки будучи преобразуется в обособленное обстоятельство именного типа с аналогичным значением. Например: "В первые годы, уже будучи колхозным конюхом /уже колхозным конюхом/, набрасывал Касьян на нее седло покрасовать перед миром, когда выгонял табун в ночное" /Е. Носов/.

6. ДКБ -- обособленная именная конструкция. Данная раз-

новидность синонимичных конструкций соотносится с ДКБ, грамматический центр которых состоит из вспомогательных словосочетаний будучи не в силах, будучи не в состоянии и инфинитива /или его фразеологических эквивалентов/: "Мать припала к его груди и плакала навзрыд, будучи не в силах сдержать свое отчаяние" /И. Новиков/. -- "Мать припала к его груди и плакала навзрыд, не в силах сдержать свое отчаяние".

В данном случае и ДКБ и ее трансформация обозначают причину. Вообще же система значений и стилистические особенности употребления этой конструкции, синонимичной по отношению к ДКБ, еще не изучены, хотя она давно уже употребляется в произведениях русских и советских писателей. Например: "Пьер с удивлением посмотрел на него, не в силах понять, что ему нужно" /Л. Толстой/; "Теперь оба они, покраснев от напряжения, держали руки на одном уровне, не в состоянии пересилить друг друга" /К. Симонов/.

7. ДКБ -- необособленное обстоятельство. Деепричастно-связке иногда синонимично необособленное обстоятельство, сохраняющее синтаксическое значение ДКБ. Это наблюдается тогда, когда ДКБ имеет временное значение. Например, предложение "Несколько статей, которые Сорокин напечатал, еще будучи студентом, для него более чем достаточно" /ЛГ/ может быть преобразовано таким образом: "Несколько статей, которые Сорокин напечатал еще студентом, для него более чем достаточно". Исходная ДКБ и ее трансформация в данном случае синонимичны, так как форма творительного падежа в сочетании с наречиями "еще" или "уже" содержит указание на определенный период.

7-а. ДКБ -- компонент сказуемого. Трансформация грамматического центра ДКБ со значением состояния действующего субъекта может занимать позицию именной части составного сказуемого, присоединяясь к лексически ослабленному глаголу движения, перемещения, например: "Пришла Александра Карповна в

отряд, будучи уже разведчицей" /П. Брайко, О. Калининко/. -- "Пришла Александра Карповна в отряд уже разведчицей". Ср. пример из Грамматики-60¹³: "Он два года прослужил на действительной в армии, приехал оттуда младшим лейтенантом" /К. Симонов/.

8. ДКБ -- однородное сказуемое. Так как грамматический центр ДКБ -- это деепричастная форма парадигмы исходного словосочетания быть + присвязочная часть, то, естественно, он свободно заменяется соответствующей спрягаемой формой, занимающей позицию однородного сказуемого. При этом часто утрачиваются дополнительные обстоятельственные оттенки. Только в тех случаях, когда между имеющимся сказуемым и трансформой ясно ощущаются причинно-следственные отношения, можно говорить о синонимии сказуемого /трансформы/ и ДКБ. Например: "Будучи одним из создателей буровой установки, он /Фисенко/ последние три года почти непрерывно разъезжал по разным полярным областям, усвершенствуя свое техническое дитя..." /В. Санин/. -- Трансформа: "Он был одним из создателей буровой установки, и поэтому последние три года почти непрерывно разъезжал по разным полярным областям, усвершенствуя свое техническое дитя".

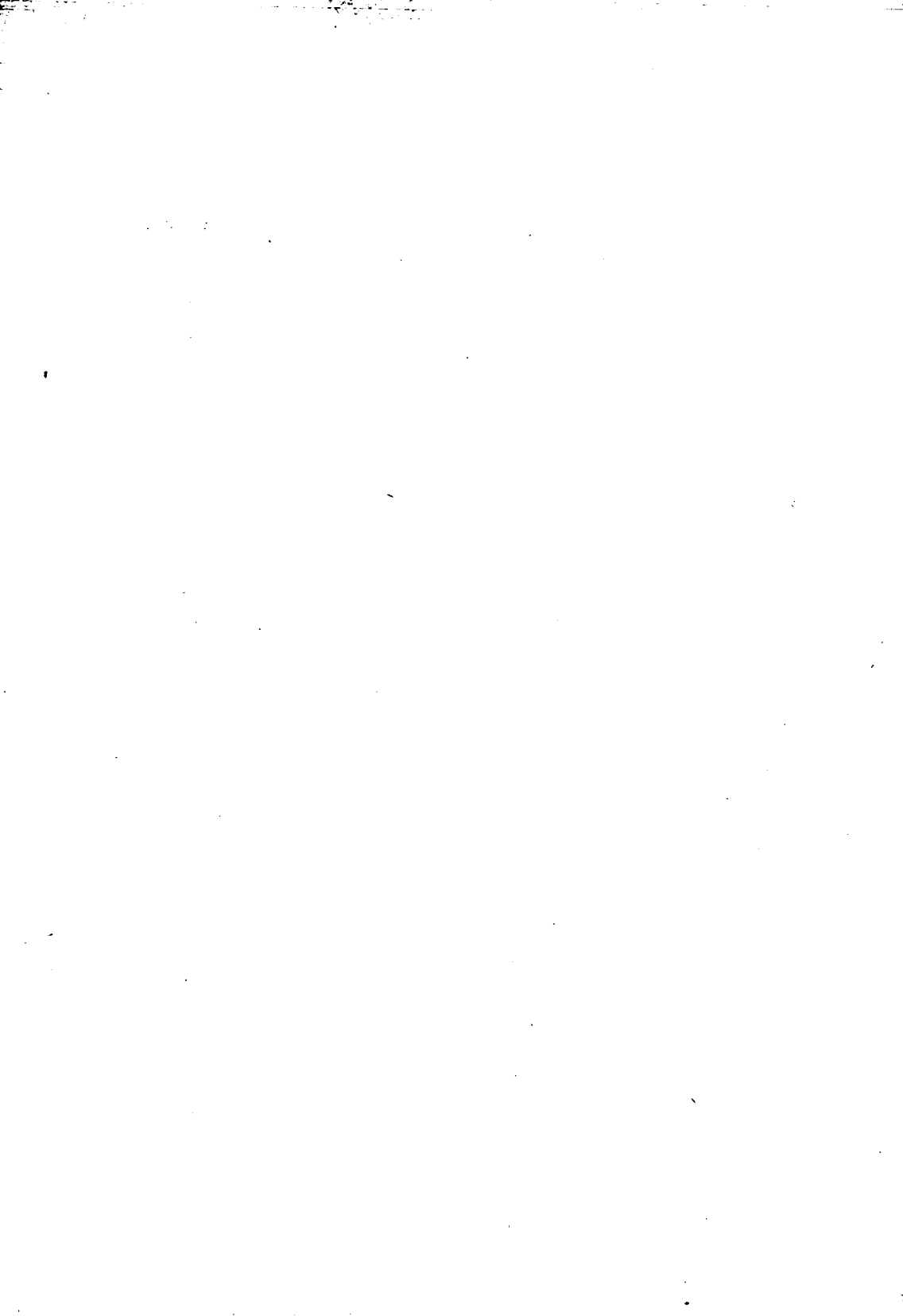
В целом трансформация ДКБ бывает трех типов: а/ трансформация или замена связки /будучи одним из создателей -- являясь одним из создателей/; б/ изъятие связки /еще будучи студентом -- еще студентом/; в/ изъятие связки и трансформация присвязочной части /будучи летчицей -- летчица/. Полнозначное деепричастие заменялось синонимом /будучи в Москве -- находясь в Москве/. Перспективным для дальнейшего изучения, на наш взгляд, является образование трансформ путем изъятия будучи, так как этот процесс в некоторых случаях ведет к возникновению разнородных конструкций, например: будучи в Москве /где?/ в Москве; будучи студентом -- /когда?/ уже, еще студентом.

Проведенный общий анализ трансформ, синонимичных ДКБ, свидетельствует о многозначности и больших трансформационных возможностях конструкции с будучи. Придаточные обстоятельственные предложения, обособленные определения, приложения и обстоятельства, необособленные и обособленные, однородное составное сказуемое, присвяточная часть сказуемого -- вот те конструкции, которые по семантике и синтаксическому значению могут быть соотносительны с ДКБ. Поскольку ДКБ многозначна, необходим тщательный анализ формальных средств обозначения каждого из обстоятельственных значений, чтобы конструкция с будучи действительно могла служить эффективным средством распознавания дополнительных оттенков причастных оборотов.

Замечания

1. Г.В. Валимова. Особые случаи употребления деепричастий. -- В кн.: "Русское языковедение", вып. I, Ростов-на-Дону, 1945; Ив. Васева. К вопросу о синтаксических функциях деепричастий и деепричастных конструкций в современном русском языке /Обстоятельственные значения деепричастий/. София, 1963; Л.А. Тюшина. Синтаксические функции деепричастных конструкций в современном русском языке. АКД, М., 1951.
2. В.А. Добромыслов, Д.Э. Розенталь. Трудные вопросы грамматики и правописания. Изд. 2, вып. I, М., 1958, с. 163 --164; Г.А. Золотова. К вопросу о способах выражения членов предложения. -- РЯШ, № 1, 1958; И.А. Каншин. Причастные и деепричастные конструкции в роли членов предложения /К вопросу о выражении членов предложения неделимыми сочетаниями слов/. -- РЯШ, № 2, 1956.
3. В.А. Редькин. Подчинительные связи слов и словосочетания. -- В кн.: Грамматика современного русского языка. М., 1970, с. 486--540.
4. Л.В. Аникина. О соотносительности составного сказуемого и других составных членов предложения в современном русском языке. -- В сб.: Ученые записки МОПИ им. Н.К. Крупской. т. 257, вып. 16, Русский язык. М., 1949; В.И. Чернов. О компонентах сказуемого с инфинитивной формой связи. -- В сб.: Ученые записки МОПИ им. Н.К. Крупской, т. 278, вып. 17, Русский язык. М., 1970.
5. Г.А. Золотова. Указ. соч., с. 23.
6. Грамматика русского языка. т. 2, Синтаксис. М., 1960, с. 642.
7. А.Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык. ч. 2, Синтаксис. М., 1961, с. 154, 158.
8. Д.Э. Розенталь. Вопросы русского правописания. Практическое руководство, изд. 2, 1965, с. 122.
9. С.Г. Бархударов, С.Е. Крючков. Учебник русского языка. ч. 2, Синтаксис. изд. 15, М., 1968; Д.Э. Розенталь. Русский язык. Пособие для поступающих в вузы. М., 1967, с. 161.
10. Л.Л. Буланин. Трудные вопросы морфологии. Пособие для учителей. М., 1976, с. 158.
11. И.В. Фурашов. Обособленные согласованные определения в современном русском языке. Владимир, 1975.

12. П.Д. Богданов. Обособленные члены предложения в современном русском языке. Орджоникидзе, 1977.
13. Грамматика русского языка. с. 431.

О ВЗАИМОСВЯЗИ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

И. Пете

Пространство, наряду со временем -- одна из основных всеобщих объективных форм существования материи¹. Пространство характеризуется протяженностью и объемом, время -- длительностью. Формы существования материи в пространстве и времени отражают в разных языках пространственные и временные отношения, средства выражения которых в современных языках, как правило, дифференцировались. Время, однако, как единица меры длительности, в представлении первобытного человека долгое время не различалось от пространства. История языка сохранила немало фактов, свидетельствующих о первоначальной нерасчлененности представления человека о пространстве и времени². Эта первоначальная нерасчлененность понятий пространства и времени в современном русском языке проявляется в следующих случаях:

1. Пространство и время в своем генезисе связаны с представлением о движении, которое не может происходить иначе, как в пространстве и времени. Всякое движение во времени есть всегда движение, совершающееся в пространстве, т.е. материя, пространство, время и движение неразрывно связаны между собой. Представление о подвижности, течении и самого времени человек с давних пор передает теми же глаголами, которыми обозначается движение предметов в пространстве. Такие глаголы в разных языках могут обозначать приближение, движение и уход /чего-, кого-н./ в пространстве и времени. Ср.:

Идет /приближается, пришел, прошел/ дождь	--	Идет /приближается, пришло, прошло/ лето
Мальчик пробежал мимо нас	--	Время незаметно пробежало
Пароход уплыл	--	Немало времени уплыло с тех пор
Она пошла в кино	--	Ей пошел двадцатый год

Конь мчится	--	Время мчится
Ребята бегут	--	Дни /годы/ бегут
За деревней тянутся поля	--	Дело тянется месяца
Обоз дотянулся до села	--	Год дотянулся до конца
Он растянулся на диване	--	Работа растянулась на неделю
Вся вода утекла	--	Годы утекли
Крыта протекала	--	Отпуск медленно протекал
Он стукнул меня по спине	--	Ему сорок стукнуло
В бою с врагами истек ты кровью /Горький/	--	Срок паспорта /договора истек
Чтобы миновать болота, мы сделали большой обход	--	Опасность миновала
Он перевалил сено с возу на воз	--	Ему перевалило за сорок

Глаголы близиться, продлиться, исполниться не употребляются в современном русском языке для обозначения движения в пространстве. Дифференциация средств обозначения пространственных и временных отношений в венгерском языке достигает большей степени, чем в русском, поскольку в русском языке имеется больше глаголов, обозначающих пространственное, а также временное движение. В венгерском языке, например, глаголы 'протечь', 'истечь', 'уплыть', 'сплыть', 'стукнуть' не употребляются для обозначения движения времени. Ср.: Во время ливня весь песок с дорожек сплыл /Ушаков/ -- Было да сплыло /разг./³.

Глаголы стоять, остановиться, пропасть также могут обозначать действия пространственного и временного понятия. Ср.:

Его машина стоит перед школой	--	Стояли жаркие дни
Машина остановилась	--	Время как бы остановилось для нее
Бумаги пропали	--	Весь день пропал

2. Для уточнения временных понятий, обозначаемых существительными, могут употребляться прилагательные пространственного значения. К таким прилагательным относятся: далекий, близкий, ближайший, короткий, глубокий, длинный. --

Он приехал глубокой ночью. В ближайшие дни мы должны закончить работу. Как будет выглядеть Москва в не/далеком будущем? Мой дедушка умер в глубокой старости. В еще более отдаленном будущем намечено строительство Беломорской ГЭС /Неделя, 1968/ 35, 5/. В самое короткое время я прочитаю эту книгу. Зимой дни короткие.

Прилагательное длинный в русском языке редко употребляется с существительными, обозначающими отрезки времени. Вместо него обычно употребляется прилагательное долгий: длинный/долгий день, длинный/долгий перерыв, длинное/долгое путешествие.

Сочетания собраться в далекий/длинный, долгий/ путь, собраться в дальнюю дорогу указывают одновременно на протяжение пути во времени и пространстве.

Прилагательные долгий, длительный, продолжительный, мгновенный, кратковременный, моментальный, скоростный, внезапный, предстоящий и др. не употребляются для обозначения пространственного расстояния. /В пространственном значении прилагательное долгий встречается только в устойчивых сочетаниях: Волос долог, да ум короток/, Путь недолгий /во времени/, но к нему надо готовиться.

3. Н а р е ч и я и устойчивые предложные словосочетания наречного характера с пространственным значением могут использоваться в функции сказуемого для утверждения наступления или прекращения того или иного момента времени. Напр.: Самое тяжелое еще впереди/уже позади. До праздника еще далеко. Полночь уже близко. Экзамен уже не за горами. Беда за плечами. Учебный год на носу. В обстоятельственной функции такие наречия усиливают значение обстоятельства времени. Напр.: Далеко за полночь он пришел домой.

Наречия дальше, дольше и больше, которые часто переводятся на венгерский язык одинаково: 'tovább', могут быть синонимичными. Ср.: Молчать дальше было нельзя /Диковский. Осечка/ -- Молчать больше было нельзя -- Молчать дольше было нельзя.

'Tovább nem lehetett hallgatni'. Наречие дальше в значении наречия дольше употребляется в разговорной речи с глаголами без сравнения. Ср.: Я живу дальше вас от центра -- Мне дольше ехать на работу, чем тебе -- Я дольше/дальше/ больше не могу терпеть.

Наречие дальше при обозначении временных отношений употребляется в первую очередь в значении 'затем, после, в дальнейшем' и 'продолжая начатое, ближе к концу' обычно с глаголами, обозначающими сознательное, запланированное действие. /В этом значении местоимение дольше не употребляется/ Напр.: Скажите, почему вы не учились дальше? Что будет дальше? Дальше так продолжаться не может ... /Катаев. Квадратура круга/, Аня, нажав на гашетку, почувствовала, что стрелять дальше нельзя /Симонов/.

Вместо наречия дальше с глаголами состояния и говорения /в отличие от венгерского языка/ употребляется глагол продолжать: продолжать спать /рассказывать, убеждать кого-н. в чем-н., молчать, сидеть, спорить, говорить/. -- Огонь обжигал руки и лицо, но моряк настойчиво продолжал тушить пожар /М. Нахабина, Р. Толстая. Русский язык для всех/.

Наречие больше -- преимущественно в отрицательных предложениях -- может употребляться в значении временного наречия 'дольше', обычно с глаголами непроизвольного действия. При этом часто речь идет о нарушении какой-н. нормы поведения. Ср.: Больше /дальше, дольше/ так продолжаться не может. В следующих предложениях употребляется только наречие больше: Не плачь больше. Больше никогда не солгу тебе. Нет смысла держать вас больше тут. Не думай об этом больше. Не смейся больше над ней. Не разговаривайте больше. Не играй больше. Не мешай мне больше. Не ходи к нему больше. Не груби родителям больше. Не толкайтесь больше. Не подсказывай больше. Не болтайте больше. Не бегайте больше. В венгерских эквивалентах вместо наречия tovább употребляется наречие többé. Конструкции с наречиями to-

vább -- többé часто выражают смысловые различия. Ср.: Ne sirj többé -- Не плачь больше -- Ne sirj tovább -- Прекрати плакать, Не подсказывай больше -- 'Ne sugj többé' -- Прекрати подсказывать 'Ne sugj tovább/Hagyd abba a sugást! Не кури больше -- Прекрати курить, Не разговаривай больше на уроках -- Прекратите, перестаньте разговаривать. Такие конструкции, однако, могут быть и синонимичными. Ср.: Прекрати опаздывать -- Не опаздывай больше! Прекрати /перестань/ встречаться с ним -- Не встречайся с ним больше!

Наречие дольше употребляется в современном русском языке во временном значении. Напр.: Я дольше вас в этом доме живу /Ушаков/, Этот путь дольше того /Ушаков/. Мальчик старался как можно больше растянуть наслаждение прицеливания /Катаев.Белет .../.

Пространственная протяженность может быть обозначена через временную продолжительность, которая необходима для ее преодоления. Напр.: жить в получасе ходьбы от школы, жить в десяти минутах езды на автобусе от центра, жить на сутки езды от Москвы, Многие фермы ... отстоят на сутки езды одна от другой /И. Гончаров. Фрегат "Паллада"/.

Временная продолжительность может быть обозначена через пространственное измерение. Напр.: Дальше время и жизнь изменились уже только метрами /Симонов. Дни и ночи/.

Особенностью русского языка является употребление неопределенных местоимений с пространственным значением во временном значении. Напр.: Позвоните мне где-нибудь в 20-х числах, где-н. в 4 часа 'valamikor 4 óra körül'. Заснул он только в самую глубокую ночь, где-то перед петухами /Н. Рыленко. Родные места/. Потом Лебедев вернется домой ... и где-то в районе двенадцати часов ночи /valamikor 12 óra táján/ уснет крепким и здоровым сном праведника /В. Аграновский. Заметки о современном студенчестве/.

Наречное местоимение тут — в отличие от венгерского языка — в русском языке также может выступать в временной функции, имея значение 'в это время, тогда. 'akkor, ekkor'. Напр.:

/Девочка/ вместе с братцем прибежала домой. А тут и отец с матерью пришли /А.Н. Толстой. Гуси-лебеди/, Так до обеда время и пройдет. Тут старухи уснуть лягут, а я по саду гуляю /А.Островский. Гроза/. Наречие здесь в книжной речи с устаревшим оттенком также может употребляться во временном значении: Здесь Чичиков закусил губу и не нашелся, что и отвечать /Гоголь/. Наречие там в разговорной речи может иметь значение 'потом, затем': Между тем Прикажут Ольге чай готовить; Там ужин, там и спать пора /Пушкин. Евгений Онегин/. Там видно будет, что делать /Ожегов/.

Просторечные временные наречия покуда, покамест первоначально имели пространственное значение⁴: Рыхлая почва готова, сейте, покуда /= пока/ весна /И. Никитин/. Я тебе покамест /= пока/ ничего не скажу, дай -- подумаю /Горький/.

4. С у щ е с т в и т е л ь н ы е пространственного значения в качестве образного средства могут употребляться для обозначения времени. Напр.: Теряя сознание, уже на пороге смерти, я тяжело застонал /В. Беляев. Старая крепость/, Весна на пороге. На рубеже нашей эры Цейлон стал важным центром транзитной морской торговли /БЭС, т. 46, 476/, на ранних ступенях развития, на склоне жизни /лет, дней/, в промежутке между обедом и ужином /ср. в промежутке между стеной и шкафом -- паутина/.

Отдельные существительные предметного значения могут служить для выражения времени. "Обычно такое значение получают существительные, представляющие собой названия предметов и явлений первостепенной важности, с которыми человеку приходится постоянно сталкиваться в его повседневной деятельности"⁵. Напр.: До университета я жил на хуторе. Перед лекцией я успел просмотреть старый конспект; бык на пятой траве /в диалектах = пятилетний бык/ ср. в венгерском языке: harmadfű csikó; О детство! Смех и горе. Десятой травой на хуторе Загорье Порос участок мой /Твардовский/.

В некоторых славянских языках месяцы названы по признаку явлений природы, сельскохозяйственных работ или ощущений чело-

века в тот или иной период времени. В украинском, древнерусском языках, например, листопад 'ноябрь', серпень 'август'. В хорватском языке studeni 'ноябрь', listopad 'октябрь', srpanj 'июль', в польском языке listopad 'ноябрь', sierpień 'август', в немецком языке Herbst 'осень' имеет диалектное значение 'сбор винограда', в английском языке harvest имеет значение 'жатва, сбор /яблок, меда/, 'урожай' и 'осень' /устн./.

5. Взаимосвязь пространственных и временных отношений проявляется также в том, что большинство первообразных предлогов в русском языке наряду с пространственными отношениями выражает и временные отношения. "Временные значения предлогов возникают в сочетании с существительными, обозначающими различные периоды и измерения времени, а также с существительными, обозначающими явления, события, действия, протекающие во времени"⁶. Из первообразных предлогов только предлоги у, над, из-за, из-под не указывают на временные отношения. А.М. Пешковский отмечает, что при передаче временных значений с помощью предлогов предложно-падежные формы не требуют для себя, в отличие от пространственных отношений, какой-н. определенной группы глаголов⁷.

О былой взаимосвязи средств выражения пространственных и временных отношений свидетельствует и возможность описания этих средств по системе т р о й н о г о противопоставления. Ср.: в университет -- в университете -- из университета, на завод -- на заводе -- с завода, до ноября -- в ноябре -- после ноября, перед полуднем -- в полдень -- после полудня⁸.

6. О былой нерасчлененности в языке выражения пространства и времени свидетельствует также тот факт, что слова в р е м е н н о г о значения или их корни в терминах, в пословицах, в поговорках, в сложных словах могут употребляться в пространственном значении. Напр.: до сих пор = 'до этого времени' и 'до этого места', Сколько с е й ч а с времени? -- С е й ч а с за огородами и службами начинались господские поля

/Салт.-Щ./, Во дворе, с е й ч а с же за воротами, дворник Ермолай жалобно побренкивал на балалайке /Чехов, Беззаконие/, долгота дня -- восточная долгота, У нее язык долог, откладывать что-н. в долгий ящик, долгогривый конь, долгоязыый па-рень.

В древнерусском языке существительные, обозначающие времена года или время суток, употреблялись для обозначения стран света: полночь/полуночь 'север', полунощный 'северный', полдень 'юг', полуденный 'южный' /ср. в венгерском языке слово dél имеет значения 'полдень' и 'юг'/ -- Вот могущий вождь пол у н о щ н о г о флага /Пушкин/; Сражен пол у н о ч - н ы м орлом, бежит в стыде народов притеснитель /Жуковский/; Изгнание твое пленяло втайне очи, привыкшие к снегам угрюмой пол у н о ч и /Пушкин/; Среди пол у д е н н ы х зыбей, под небом Африки моей /Пушкин/; Ты пахни в лицо, ветер с по - л у д н я /А. Кольцов/.

7. Под влиянием дифференциации выражения временных и пространственных отношений некоторые слова, образованные от основ с пространственным значением, употребляются т о л ь к о для обозначения времени. Напр.: покуда, покамест, впредь /ср. впе-реди/, прежний, поздний /ср. позади/, в дальнейшем /ср. даль-ний/.

Замечания

1. См. М. Бунге. Пространство и время в современной науке. "Вопросы философии", 1970, № 7,
2. См. М.В. Крылова. О выражении в языке понятия диалектического единства пространства и времени. "Научные труды Ташкентского гос. ун-та", Вып. 268, Языкознание и литературоведение, 1964, с. 33.
3. См. Pete István. Az időviszonyok kifejezése az orosz nyelvben a magyar nyelv tükrében. Вр., 1976, с. 5-7. /Способы выражения временных отношений в русском языке в зеркале венгерского языка/.
4. См. Б.С. Ардентов. Лекции по спецкурсу. Выражение времени в русском языке. Кишинев, 1975, с. 4-8.
5. М.В. Крылова. Словосочетания из существительных с временным значением с существительными и прилагательными. /К вопросу о переходе свободных словосочетаний в фразеологические/. М., 1955, АКД, с. 4.
6. См. Х.А. Артыкова. Пространственные и временные значения, выражаемые первообразными предложениями русского языка и их эквиваленты в таджикском языке. Душанбе, 1969, АКД, с. 10.
7. А.М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, с. 169.
9. См. описание пространственных отношений по системе тройного противопоставления в работе: Иштван Пете. Способы выражения пространственных отношений в русском языке в зеркале венгерского языка. Dissertationes Slavicae, IX. Szeged, 1973, с. 240. Е.С. Скобликова подчеркивает, что "разнородные формы, выражающие момент времени, оказываются спаянными в единой системе четких структурно-семантических противопоставлений... 'Момент времени' обозначается путем указания на его соотношение с определенным временным 'ориентиром' -- на совпадение с этим ориентиром, на предшествование ему, на следование за ним". Ср.:
по чаю, перед чаем -- во время чая, за чаем -- после чая,
до начала игры -- в начале игры -- после начала игры.
см. согласование и управление в русском языке. М., 1971, с. 112-115.
См. еще описание системы временных отношений в работах М.В. Всеволодовой. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. МГУ, 1975; Система временных значений в современном русском языке. В сб.: "Русский язык для студентов-иностранцев", № 14, М., 1974, с. 18-40.

К ВОПРОСУ О Т.Н. ОБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ

В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Э. Саламин

1. Т.н. объективная модальность является одним из наиболее полно и подробно описанных аспектов категории модальности в советском языкознании. /О разных аспектах модальности см. /16/, /17/./ Объективная модальность простого предложения в современном русском языке наиболее полно и подробно описана Н.Ю. Шведовой /18/, /5/, /12/. Как известно, в основе синтаксической концепции Н.Ю. Шведовой лежит парадигматический принцип: в парадигму простого предложения, понимаемого как абстрактная синтаксическая структура, входят формы, которые различаются между собой признаками синтаксического времени и объективной модальности. Категории синтаксического времени и объективной модальности образуют неразрывное единство: категорию предикативности, конструирующую предложение. В категории предикативности выражено нерасчленяемое значение синтаксического времени и объективной модальности специальными грамматическими средствами, глаголами и синтаксическими частицами. Согласно этой концепции объективная модальность выражается противопоставлением синтаксического индикатива /реальность/ синтаксическим ирреальным наклонениям /ирреальность/.

Таким образом, объективная модальность понимается исключительно грамматически, вернее, синтаксически, и собственно грамматическое строго ограничено от всего того, что граничит, взаимодействует с грамматикой или лежит вне сферы синтаксических наклонений. Синтаксический индикатив /реальность/ характеризуется временной определенностью, а синтаксические ирреальные наклонения /ирреальность/ -- временной неопределенностью. Следовательно, объективная модальность неразрывно связана с категорией синтаксического

времени и значениями временной определенности/неопределенности.

2. Анализ собранного нами материала привел нас к выводу о том, что целесообразно более широкое понимание объективной модальности, правомерен такой подход к ней, по которому кроме грамматических форм имеются в виду и их семантические аспекты при определении категории реальности/нереальности. Далее, оказалось целесообразным создать не двойное, а тройное противопоставление по объективной модальности: реальность/потенциальность/нереальность.

Кроме категории времени, объективная модальность связана также со значениями временной локализованности/нелокализованности действия /ситуации/. Анализ связи категории модальности с категорией определенности/неопределенности показал, что объективная модальность неразрывно связана с другими функционально-семантическими категориями, реализующими отнесенность высказывания к действительности. Из этих категорий ниже будет рассмотрена соотношенность объективной модальности с категориями временной локализованности/нелокализованности и определенности/неопределенности. Совместный анализ функций временной локализованности и определенности мы сочли возможным потому, что локализованность ситуации во времени может рассматриваться как одно из пересекающихся полей в рамках более широкой сферы детерминированности/индетерминированности /3, 54/.

Ниже рассматривается функционирование неопределенных местоимений в зеркале категории модальности и временной локализованности/нелокализованности в русском языке в повествовательных /невопросительных/ предложениях глагольного строя.

3. Исследования показывают, что в повествовательных предложениях, содержащих реальность осуществления действия, обычны аффиксы -то/не- и кое, выражающие наименьшую степень неопределенности, реальное существование предмета, о котором идет речь. Следовательно, реальное существо-

вание предмета коррелирует с наименьшей степенью неопределенности.

По концепции А.В. Бондарко, важнейшими семантическими разновидностями несовершенного настоящего времени являются актуальное и неактуальное настоящее. Настоящее актуальное выражает "конкретное /локализованное во времени/ действие, протекающее в момент речи", а настоящее неактуальное не содержит указания на отнесенность действия к моменту речи и может обозначать действия "повторяющиеся, обычные, обобщенные /абстрактное настоящее/" /1, 92--93/ и /2, 64--79/.

Сочетание семантического признака конкретности, временной локализованности действия с признаком отнесенности действия к моменту речи сужает неопределенность сообщаемого факта: сообщаемое является неопределенным или для говорящего, или для собеседника. Местоимения с -то/не- указывают на предмет, неопределенный для говорящего; формы с кое- -- для слушающего, и противоречат семантике форм с -нибудь, -либо, указывающих на предмет вообще неопределенный /9, 111/. Напр.: Вон там что-то на косогоре чернеется... Вот смотрю: из леса выезжает кто-то на серой лошади... /Лермонтов/.

Соотнесенность реальной модальности актуального настоящего с наименьшей степенью неопределенности подчеркивается фактом невозможности примеров типа: \emptyset Вон там что-нибудь/что-либо на косогоре чернеется; Вот смотрю: из леса выезжает кто-нибудь/кто-либо на серой лошади. Следовательно, конкретность действия, одновременность его с актом речи и полная неопределенность, соотнесенная и с ирреальностью, взаимно исключают друг друга.

Собранный нами языковой материал показывает, что неактуальное настоящее не ограничивает функционирования неопределенных местоимений, поскольку в его семантике отсутствует указание на отнесенность действия к моменту речи, для него характерна нелокализованность действия во време-

ни или нейтральное отношение к временной локализованности/нелокализованности. В таких предложениях обычно появляются местоимения как с аффиксами типа -то, так и с аффиксами типа -нибудь. Напр.: ... в вопросе и побуждении, как и в суждении, всегда высказывается что-то о чем-то... В "Аналитике" дается следующее определение суждения: "Суждение есть речь, что-нибудь о чем-нибудь утверждающая или отрицающая" /Колшанский/.

В отличие от актуального настоящего, модальность неактуального настоящего, в специальной литературе относимая также к реальной, соотносима с выражением разных степеней неопределенности, как это наглядно показывают вышеприведенные примеры. Модальность таких предложений, на наш взгляд, можно считать потенциальной.

4. Исходя из соотношения категории определенности/неопределенности и настоящего актуального можно объяснить функционирование неопределенных местоимений с аффиксом типа -то в формах прошедшего совершенного, т.е. реального действия, локализованного во времени до момента речи, напр., Кто-то постучал -- Ø Кто-нибудь постучал; Он /Казбич/ что-то нам закричал по-своему и занес над ней кинжал... он посмеялся -- такой хитрый -- и сам задумал кое-что /Лермонтов/.

Прошедшее несовершенное, не выражающее, но и не исключающее локализованности во времени, подобно настоящему неактуальному, также не ограничивает употребления неопределенных местоимений. Если форма прошедшего несовершенного имеет значение конкретного, единичного действия, которое по существу не что иное, как ушедшее в прошлое настоящее актуальное, то при нем, так же как и при настоящем актуальном, типично употребление неопределенных местоимений с аффиксами типа -то. Напр.: Вдруг свет появился в одном из окон нижнего этажа, перешел в другое, в третье ... Кто-

то шел со свечкой по комнатам. "Неужели Лиза? Не может быть!..." Лаврецкий приподнялся... /Тургенев/.

Если же форма прошедшего несовершенного употреблена в значении повторяющегося, обычного действия, то это значение, подобно потенциальной модальности неактуального настоящего, чаще всего актуализирует семантический признак "расчлененность" неопределенных местоимений с аффиксом -нибудь /14, 85/; однако при этом возможны и формы с -то. Напр.: Кто-нибудь из друзей регулярно навещал/навещает его /'безразлично кто, один из...'/ . См. также следующие примеры: Да притом Григорий Александрович каждый день дарил ей что-нибудь /Лермонтов/. Обыкновенно вечерами хозяин уезжал куда-то и увозил с собой гуся и кота /Чехов/.

5. Известно, что будущее время занимает особое положение в системе глагольных времён: история развития различных языков свидетельствует о том, что будущее время как более абстрактное часто возникало значительно позже по сравнению с настоящим и прошедшим временем. В объяснении этого факта мы согласны с Б.А. Серебренниковым, который пишет: "Действие, выражаемое формами настоящего времени, может быть непосредственно наблюдаемо, действие плана прошлого может быть лично пережито говорящим, составлять содержание его опыта и т.д., тогда как будущее время предполагает действие планируемое, фактически еще неосуществившееся и нереальное, которое необходимо представить абстрактно" /15, 47/. Единственный момент, который, с нашей точки зрения, следует уточнить -- это оценка действия будущего времени как "нереального". По нашему мнению, действиям будущего времени не соответствует ни категория реальности, ни категория нереальности, а именно: им присуща категория возможности, потенциальности. Такого же мнения придерживаются многие исследователи, в частности, Н.С. Поспелов /10/ и И.П. Распопов /11, 36--37/.

Поскольку действия будущего времени выражают рождающуюся, еще неосуществившуюся действительность, они связаны как с категорией реальности, так и с категорией не-реальности. Доказательства этой двойной связи можно найти во многих языковых фактах, в частности, и в функционировании неопределенных местоимений в предложениях, передающих действие будущего времени.

Специфическую, выражающую двойную связь /с реальностью и ирреальностью/, семантику будущего времени доказывает, как нам представляется, и выражение т.н. намеченного действия формой настоящего времени. "Действие осуществится в будущем, но намерение, готовность, решимость его осуществить или уверенность в том, что оно произойдет, проявляются уже в настоящем... этой формой обозначаются такие действия, которые зависят от воли субъекта, -- только такие действия и могут быть запланированы, намечены" /2, 154--155/, напр., Завтра я уезжаю. Намерение, готовность к действию в настоящем как бы имплицитно подразумевает реальность действия, поэтому возможна форма настоящего времени в значении будущего. Если намерение, готовность к действию не выражаются, реальность действия как бы стирается и вместо формы настоящего времени выступает форма будущего времени /в модальном значении потенциальности/, напр., Завтра я уезжаю. Родители проводят/будут провожать меня на вокзал. Ср. Завтра я уезжаю. Ø Родители меня провожают на вокзал. К этому следует добавить, что для реализации настоящего в значении будущего "нужно, чтобы сказуемое-глагол обозначало определенное реальное действие, а не отвлеченное состояние /Завтра я еду, праздную, читаю лекцию, освобождаюсь от дел..., но не Завтра я люблю, расстраиваюсь, сомневаюсь... /" /19, 97/.

Рассмотрим теперь функционирование неопределенных местоимений в предложениях, содержащих действия в будущем времени. Анализируя возможные группировки темпоральных

форм русского глагола, Т.П. Ломтев различает шесть типов. Для нас интересен именно шестой тип, в который входят структуры предложений, допускающих только форму будущего времени в тех случаях, "когда они содержат в своем составе следующие выражения: ... когда-то еще, ср.: Когда-то еще будет смерть, а вы уже страшаете такими словами. Когда-то еще будет весна; когда-нибудь, ср.: Когда-нибудь, -- сказала Лиза -- когда-нибудь мы выпьем с тобой настоящего вина. Он когда-нибудь поймет это" /8, 74--75/. Аффиксы -то и -нибудь одинаково возможны при форме будущего времени, выражающего потенциальность, но, напр., при форме прошедшего времени совершенного вида, однозначно выражающего реальность, возможны только формы когда-то, как-то раз, выражающие меньшую степень неопределенности, напр.: Когда-то мы выпили с тобой настоящего вина -- Ø Когда-нибудь мы выпили с тобой настоящего вина.

В специальной литературе отмечается, что с разными модальными значениями наиболее тесно связано будущее время. Основа этого явления также лежит в своеобразном потенциальном значении будущего времени, которое как бы образует мост между ирреальностью и реальностью. На связь будущего времени с волеизъявлением указывает, напр., то, что в некоторых языках будущее время образуется с помощью вспомогательного глагола "хотеть".

На соотношение значений волеизъявления и потенциальности указывает и частная нейтрализация значений изъявительного и сослагательного наклонений модальных глаголов хотеть, желать. "Конструкции с формой условно-желательного наклонения модальных глаголов хотеть, желать часто не имеют модального значения нереальности, а служат для экспрессивно-стилистического выражения говорящим реального желания: Хотел бы очень сам я посудить, Твое услышав пенье, Велико ль подлинно твое уменье? ср.: очень

хочу посудить..." /6, 79/ и /7, 157/.

Г.В. Валимова, в свою очередь, пишет: "указанная синонимика возможна потому, что значение желательности в одном случае передается структурой, в другом -- лексическим значением слова" /4, 69/. Как нам представляется, эта нейтрализация возможна потому, что названные глаголы в силу своего лексического значения и в изъявительном наклонении выражают категорию потенциальности.

Известно, что форма настоящего-будущего совершенного вида во втором лице единственного и множественного числа при обозначении конкретного действия в будущем, произнесенная в императивном тоне, может выражать и модальный оттенок долженствования, напр., Ты напишешь/вы напишете доклад к понедельнику. Некоторые лингвисты утверждают, что в данном типе предложений реальная /изъявительная/ модальность переходит в ирреальную /повелительную/ /7, 144/. На наш взгляд, здесь проявляются разные оттенки потенциальной модальности /именно поэтому так "глазок" переход/, и как функциональный эквивалент сюда могут быть отнесены также и предложения типа Ты должен/вы должны написать доклад к понедельнику, которые с точки зрения объективной модальности тоже выражают потенциальность, так же как и предложения типа Напиши/напишите доклад.

6. В концепциях, согласно которым основа объективной модальности усматривается в противопоставлении реальности/ирреальности действия /в широком синтаксическом смысле/, повелительное наклонение наряду с сослагательным считается формой грамматической ирреальности. В русском языке предложения, содержащие предикаты синтаксических ирреальных наклонений, по времени не могут быть противопоставлены друг другу. По темпоральности, однако, они оценимы, поскольку связаны со временем речи. "Когда мы, напр., говорим: "Читайте", то совершенно отчетливо осознаем, что это действие не могло иметь места в прошлом, не может осуществиться одновременно с тем временем, ког-

да мы произносим это предложение, а если оно осуществится, то только после того, как предложение "Читайте" будет сказано, т.е. возможность осуществления повеления относится к будущему времени" /13, 219/. На этом основании можно провести параллель между предложениями типа Ты напишешь доклад к понедельнику и Напиши доклад к понедельнику, и на этом же основании можно утверждать, что они различаются не в реальном/нереальном значениях, а в разных оттенках одной и той же потенциальной модальности.

7. Модальные значения возможности, необходимости, долженствования, волеизъявления, которые в специальной литературе считаются проявлениями то реальной, то ирреальной модальности, на наш взгляд, относятся к категории потенциальности как в грамматических, так и в лексических формах выражения на том основании, что в них непосредственная реальность действия, напр., настоящее актуальное, не может быть выражена. К настоящему актуальному может относиться лишь возможность, необходимость и др. под. реализации действия. Естественно, что признание единого потенциального характера упомянутых выше разных модальных значений не только не отрицает необходимости исследования оттенков отдельных модальных значений, а напротив, подчеркивает важность таких исследований.

Основным свойством модальности, выраженной лексически, является ее близость к значениям, выражаемым грамматическими средствами. Само собой разумеется, однако, что близость не означает тождественности; значения лексической модальности, по сравнению с грамматическими эквивалентами, характеризуются значительно большим богатством и большей дифференцированностью оттенков значения. При подчеркивании их соотношенности было бы неправильным отрицать их различия. При анализе этих категорий следует также обратить внимание на категорию времени. В зависи-

мости от категории времени может измениться, напр., характер объективной модальности при выражении категории возможности. Напр.: в отличие от потенциальной модальности предложения типа "Он /с/может это сделать", предложение типа "Он смог это сделать" выражает реальную модальность.

Замечания

1. Бондарко А.В.--Буланин Л.Л. Русский глагол. Л., 1967.
2. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М., 1971.
3. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
4. Валимова Г.В. Функциональные типы предложений в современном русском языке. Ростов, 1967.
5. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
6. Золотова Г.А. О модальности предложения в русском языке. -- НДВШ, ФН, № 4, 1962.
7. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
8. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972.
9. Маливицкий Л.Я. Синтаксические условия функционирования неопределенных местоимений в современном русском языке. НДВШ, ФН, № 4, 1974.
10. Поспелов Н.С. О двух рядах грамматических значений глагольных форм времени в современном русском языке. ВЯ, 1966, № 2.
11. Распопов И.П. Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973.
12. Русская грамматика. ч. II, М., 1980.
13. Седельников Е.А. О грамматических категориях простого предложения в современном русском языке. -- В сб.: Исследования по современному русскому языку. М., 1970.
14. Селиверстова О.Н. Опыт семантического анализа слов типа все и типа кто-нибудь. -- ВЯ, № 4, 1964.
15. Серебренников В.А. К проблеме отражения развития человеческого мышления в структуре языка. -- ВЯ, № 2, 1970.
16. Феер Денешне Саламин Эдит. Модальность достоверности--недостоверности в современном русском литературном языке в сопоставлении с венгерским. КД, М., 1980.
17. Ее же. Модальность достоверности--недостоверности в современном русском литературном языке в сопоставлении с венгерским. АКД, М., 1982.
18. Шведова Н.Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке. -- В сб.: Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967.
19. Шведова Н.Ю. Синтаксическое время. -- НДВШ, ФН, № 3, 1978.

К ВОПРОСУ О СОЮЗНОСТИ ЧАСТИЦ

К. Фабриц

1. В литературе о частицах имеются указания на то, что некоторые из них способны выполнять союзные функции. В "Русской грамматике" разряд частиц рассматривается как потенциальный круг слов, обогащающих состав союзов: "Резервом, пополняющим класс союзов, являются формально неизменяемые слова, главным образом из сферы частиц, наречий и вводных /модальных/ слов..."¹. О процессе, обуславливающем указанное пополнение, О.Е. Знаменская пишет следующее: "В современном русском языке частицы все больше приобретают конструктивно--синтаксическую роль и все шире используются в союзной функции, не только примыкая к одному из членов предложения, но и выражая отношения между ними, образуя особую категорию частиц-союзов"².

В связи с этим встает ряд вопросов, немаловажных как с точки зрения понимания сущности взаимосвязи союзов и частиц, так и с точки зрения их разграничения. Например, необходимо уточнить, какие элементы употребления частиц сближают их с союзами, можно ли на основе предполагаемой близости ставить знак равенства между некоторыми союзами и частицами, что такое "частица-союз", какую роль частица-союз играет в выражении различных отношений.

Настоящая работа ставит целью указать на некоторые недостатки в определении соотношения союзов и частиц, а также коротко уточнить понятие частиц-союзов, или, как нами ниже будет предложено, "союзов-частиц".

2. Функциональная близость союзов и некоторых частиц отмечалась рядом исследователей³. Н.Ю. Шведова в своей монографии создает полный, казалось бы, перечень тех частиц, которые способны выполнять союзные функции. Автор называет их "союзными частицами", и в эту группу относит следующие лексемы: и, ну и, оно и, так, тоже, все /все же/, все-таки, или, разве, однако /однакож/, но, будто, как

будто, как бы, словно, ровно, точно, добро бы, диви бы, благо, даром что⁴. При этом, однако, понятие союзности конкретно Н.Ю. Шведовой не определено, поэтому приведенный перечень может показаться несколько произвольным, что подтверждается разделом о частицах в "Русской грамматике", автором которого также является Н.Ю. Шведова⁵. В указанном разделе /с. 723--731/ используется уже термин "частица-союз", а состав частиц-союзов по сравнению с группой "союзных частиц" расширяется за счет следующих слов: ведь, вот и, даже, если, и то, ладно, лишь, просто, пусть, пускай, так и, только, хоть, хотя, чтоб. Подобное расширение круга частиц-союзов вряд ли можно объяснить быстротой перехода частиц в разряд союзов, оно скорее объясняется расплывчатостью самого термина, ср.: "Частицы - союзы совмещают разные модальные значения со значениями связующих слов"⁶.

Понятия "союзность" и "частица-союз" являются далеко не однозначными, что позволяет включение многих слов в сферу частиц-союзов. Поэтому необходимо более строго и точно определить содержание и объем рассматриваемых понятий.

3. Термин "союзность" может рассматриваться двояко. Союзность в широком смысле включает в себя любое средство выражения связи как между компонентами предложения, так и между отдельными единицами текста. Такое толкование союзности относит ее к области прагматики и текстологии, в которых закрепилось название "связность"⁷. Союзность в узком смысле обозначает такую синтаксическую функцию, которая тождественна или аналогична функции союзов как таковых.

Функция союзов в основном заключается в выражении известных синтаксических связей между членами предложения или частями сложного предложения. Таким образом, приписывая частицам союзную функцию, мы подчеркиваем их роль в соединении различных членов предложения или частей сложного предложения. Союзной функцией, как это явствует из

перечня, данного Н.Ю. Шведовой, обладают отнюдь не все частицы. На вопрос, чем частицы с союзной функцией отличаются от остальных частиц, О.Е. Знаменская в двух своих работах, местами дословно тождественных по содержанию, дает следующий ответ: "В роли союзов выступают прежде всего такие частицы, в семантике которых заложена способность выражать те или иные отношения между частями предложения"⁸. Подобная формулировка, однако, не способствует выявлению конкретных критериев разграничения частиц-союзов и собственно частиц. Дело в том, что с точки зрения функциональной частицы объединяются в одну часть речи благодаря общности лишь одного признака. Как справедливо отмечает Н.Ю. Шведова, "общим для всех этих функций /т.е. функций, выполняемых частицами -- К.Ф./ является то, что во всех случаях в них присутствует значение отношения"⁹. Итак, выражение отношения, или союзность в широком смысле, не может служить критерием отграничения частиц-союзов от собственно частиц. Отделить частицы-союзы от других частиц может союзность в узком смысле, поскольку союзная функция, как отмечает О.Е. Знаменская, "не одинакова для различных частиц"¹⁰.

Оставляя ненадежный критерий способности выражения отношения в стороне, О.Е. Знаменская привлекает и другой определяющий фактор: степень лексической полновесности частиц, ср.: "Чем полновеснее лексическое значение частицы, тем слабее ее союзные функции"¹¹. Данная констатация, однако, ставится под сомнение замечанием автора о совпадении у частиц лексического и грамматического значения, так как последнее противостоит дифференциации частиц с точки зрения удельного веса их лексического значения. Кроме того, противопоставление лексической полновесности и союзной функции, как нам кажется, противоречит тенденции образования т.н. производных союзов, которые появляются с развитием синтаксического строя для выражения более специфичных связей /ср. ввиду того, что, благодаря

тому что и др./.

Характер подхода О.Е. Знаменской к соотношению союзов и частиц явствует из следующего утверждения: "При употреблении в функции союзов у частиц происходит изменение лексико-синтаксических связей: они отделяются от выделяемого слова и начинают относиться ко всему предложению"¹². На этом основании можно было бы предположить, что -- в соответствии с позицией Н.Ю. Шведовой -- переход частиц в союзы есть закономерный процесс, обусловленный неким функциональным изменением их синтаксического поведения. С другой стороны, исходя из описанного выше процесса "семантической и синтаксической транспозиции частиц"¹³, можно было бы прийти к выводу, что различие между союзом и частицей определяется в зависимости от того, относится ли анализируемое слово к одному из слов данного предложения /т.е. является частицей/, или же оно относится ко всему предложению /т.е. выступает в роли союза/. Известно, однако, что выделение одного компонента предложения характерно не только и даже не столько для частиц, сколько для некоторых союзов. Ср. примеры из БАС-а /1/ и из словаря С.И. Ожегова /2/:

/1/ Гость молчал. Молчал и хозяин.

/2/ Я уезжаю, товарищ же остается.

Данную точку зрения /т.е. объяснение наличия группы "частиц-союзов" посредством приближения частиц к союзу/ невозможно признать безошибочной и потому, что такой подход не может выявить причину указанной транспозиции.

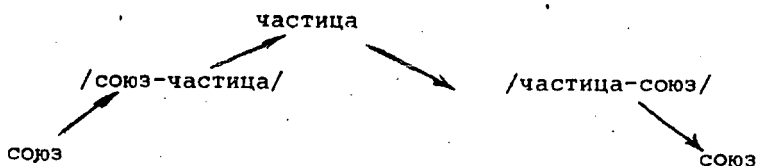
4. Наиболее убедительным нам представляется следующее решение вопроса соотношения союзов и частиц.

Процесс образования взаимосвязи между некоторыми союзами и частицами следует охарактеризовать как обратный тому, что был представлен Н.Ю. Шведовой и О.Е. Знаменской. Ср.:

/а/	частица	----->	частица-союз	----->	союз
/б/	союз	----->	союз-частица	----->	частица

Рассмотрим аргументы, которые можно привлечь в доказательство обратного процесса, предполагающего тенденцию превращения некоторых союзов в частицы.

В первую очередь следует иметь в виду, что частицы как отдельная часть речи появились в сравнительно поздний период языкового развития. Согласно данным Ю.Г. Скибы "в раннеписьменный период в старославянском и древнерусском языках регистрируется не многим более десяти партикульных лексем", и "только со времен М.В. Ломоносова количество предлогов и частиц в русском языке увеличилось, как минимум, в четыре раза..."¹⁴. Позднее образование частиц характеризуется тем, что за исключением некоторых первообразных частиц /какими, например, являются отрицательные и утвердительные частицы/ все частицы возникли как производные, т.е. их формирование восходит к определенным модификациям слов и словосочетаний иных частей речи. Так, среди частиц выделяются частицы глагольного /бишь, ведь, мол и др./, наречного /еще, уже, просто и др./, местоименного /оно, вот, вон и пр./, а также и союзного /и, же, ли/ происхождения. Среди приведенных выше лексем, выделенных Н.Ю. Шведовой в группу частиц-союзов, подавляющее большинство отличается как раз союзным началом. Если изобразить весь процесс приближения частиц к союзам, предполагаемый Н.Ю. Шведовой и О.Е. Знаменской, в виде последовательных стадий, то в случае частиц союзного происхождения получилась бы следующая картина:

Развитие в функционировании отдельных слов такого возвращения к исходной позиции, однако, не допускает.

Интересная в этом отношении история слова ведь, которое первоначально употреблялось как глагольная форма, а затем превратилось в т.н. производный союз. Союзное использование лексемы ведь отмечено в "Словаре русского языка XI--XVII вв.", который употребление слова ведь как союза относит к XII веку¹⁵. Что касается дальнейшего развития слова ведь, то здесь уместно привести следующие слова О.Е. Знаменской: "Литературные памятники показывают, что слово ведь всегда жило в народном языке; только в XVII в. стал употребляться союз потому что. Причина победы последнего заключалась в этимологической и смысловой прозрачности, а ведь к тому времени эту ясность утратило"¹⁶. Возможно, именно утрата "этимологической и смысловой прозрачности" и привела к ослаблению союзного употребления слова ведь. Об этом свидетельствует, в том числе, и пример О.Е. Знаменской /см. там же/, иллюстрирующий совместное использование слов потому что и ведь, которое можно объяснить -- согласно принципу экономии в языке -- лишь различием в функции и значении указанных слов. Тяготение слова ведь к частицам подчеркивается рядом признаков, приведенных А.Б. Шапиро¹⁷. Ю.Г. Скиба считает, что ведь как частица возникло приблизительно в конце XVII века¹⁸.

В-общем можно констатировать, что союз является этимоном восходящей к нему /и обычно омонимичной/ частицы. Превращению союза в частицу содействует общность их основной функции, т.е. общность выражения отношения. А различие между союзом и частицей проявляется в характере выражаемого отношения. Отношение, передаваемое союзом, есть отношение сугубо синтаксико-семантическое, т.е. союзы являются показателями синтаксической и/или семантической связанности отдельных членов предложения или частей сложного предложения. Частицы в свою очередь раскрывают отношение говорящего к содержанию высказывания, т.е. частицы есть мо-

дальние средства выражения отношения. Соответственно, слово и в примере /3/ следует отнести к союзам, поскольку оно устанавливает связь между равноправными в формальном и семантическом отношении компонентами данных предложений:

/3/ -- ... жена у меня была местная, как говорится, чернокожая. И дети, вот видишь, получились черненькие. Да я и сам уже черный...

/Нилин: Из африканского дневника/

Это же слово выступает в функции частицы, когда оно употребляется не в целях связывания двух или более членов предложения, а для выражения отношения говорящего к содержанию высказывания, ср.:

/4/ Я спрашивал у его жены и старухи тещи, где Егорыч. -- На работе! -- сердито отвечали они и смотрели на меня недобро, будто я и был причиной того, что Егорыч не жил дома.

/Еременко: За сеном/¹⁹

По всей вероятности, в основе транспозиции семантики и функции какого-либо союза лежит изменение в его отношении к компонентам предложения, которое дает знать о себе в виде некоторых возможностей. Например, однозначность употребления слова в роли союза или частицы может заключаться в том, что частица в предложении занимает такое место, которое в силу формальных или семантических причин не свойственно союзу. Такой позицией можно считать в примере /4/ место частицы и перед сказуемым /"будто я и был"/, где слово и как союз не употребляется. В других случаях семантическая причина препятствует двусмысленности, например тогда, если частица выделяет такой член предложения, который не вступает в соединительную связь с каким-либо компонентом предложения или предшествующего контекста. Ср. типичные конструкции: Я и не знаю..., Я же говорю..., Я

ведь говорю... и др.

Тем не менее утрата прямой соотносительности проходит не бесследно. Частица, этимологически восходящая к союзу, продолжает устанавливать связь между более крупными единицами речи. Об этом свидетельствует невозможность использования частиц союзного происхождения в самом начале коммуникативного акта. Так, в следующем примере появление частицы да обусловлено выражением некоторой доли противопоставления высказываемого с предшествующим сообщением:

/5/ -- Люба, почему ты такая бестактная?

-- Да что я сказала? Я просто поражена.

/Трифонов: Старик/

Итак, в связи с соотношением союза и восходящей к нему частицы можно прийти к выводу, что союзность частицы в первую очередь проявляется в ее способности выражать модальное отношение говорящего к содержанию высказывания, причем выражение семантико-синтаксической связи, характерной для союза, следует признать несущественным, малопроязненным.

5. В заключение следует ответить на вопрос, имеется ли в ослаблении союзной функции такой момент, который можно было бы определить как переходный между союзом и частицей. Иными словами, можно ли выделить переходную категорию "частиц-союзов" или "союзов-частиц", как название в свете толкования процесса транспозиции представляется нам более подходящим.

Представленное выше понимание соотношения союза и частицы, как нам кажется, позволяет выявить такие признаки, которые составляют специфику переходной части речи, т.е. ответ на поставленный вопрос может быть позитивным.

Союз-частица как переходная категория характеризуется тем, что, во-первых, продолжает выражать непосредственную связь между определенными членами предложения. Во-вторых, употребление союза-частицы сигнализирует непроч-

ность установленной связи, некую избыточность или грамматическую "ненужность" этой связи. Это сказывается в том, что изъятие союза-частицы из предложения не приводит к разрушению синтаксической конструкции. С другой стороны, отсутствие полноценной прямой соотносительности открывает возможность для образования новой семантики и функции, зачатки которых заложены уже в этой переходной стадии. Ср.:

/6/ Во всех Ведерках оставалось только одно такое
дерево. Вот за этим-то деревом и пришел теперь
Антипч.

/Пришвин: Корабельная чаща/

Здесь слово и напоминает союз тем, что оно указывает на корреляцию двух членов предложения /дерево -- за деревом/. В то же время и, в отличие от союза и, занимает место непосредственно перед сказуемым, что характерно лишь для частицы и. Хотя с изъятием слова и в плане содержания и происходят некоторые семантические сдвиги /в основном отсутствие конкретного указания рассказчика на возвращение к предыдущей нити повествования и ее связи со вставленным предложением/, но конструкция в целом не разрушается. Об ослабленности указания связи между обстоятельством второго и подлежащим первого предложения посредством слова и свидетельствует его совместное употребление с другими словами с той же функцией /вот и -то/. Однако слово и в примере /6/ нельзя считать и полноценной частицей в силу невыраженности точного модального содержания акцентирования, усиления со значением соответствия.

Отметим, что критерий возможного изъятия союза-частицы выступает в качестве основного фактора в словарной статье Н.Ю. Шведовой, в которой автор к "союзным частицам" относит лишь те, которые "всегда поддаются изъятию" и которые всегда показывают "смысловую связь вводимой ими части сложного предложения с предшествующей ей частью: Зовут, так /тогда/ надо идти..."²⁰.

Можно констатировать, что союзность как характерную черту частиц, восходящих к союзам, целесообразно оценить

как признак, унаследованный от этимонов. О союзе-частице, на наш взгляд, можно говорить в том случае, если изучаемое слово действительно проявляет элементы функционирования обеих частей речи. Изложенные здесь утверждения носят довольно общий характер, и, разумеется, они требуют дальнейшего тщательного уточнения, причем круг возможных союзов-частиц следовало бы ограничить в зависимости от наличия указанной двойственности функционирования отдельных слов.

Замечания

1. Русская грамматика. т. I, М., 1980, с. 714.
2. О.Е. Знаменская. Частица "ведь" в функции союза. -- В кн.: Слово и словосочетание в структуре предложения. Межвуз. сб. научн. тр. М., 1981, с. 116.
3. Об этом см.: В.В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, с. 667--668; Его же. О категории модальности и о модальных словах в русском языке. -- В кн.: Труды Института русского языка АН СССР. т. II, М.--Л., 1950, с. 76.
4. Н.Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960, с. 164.
5. Неопределенность критериев отнесения некоторых слов к той или иной части речи именно по отношению к частицам была подвергнута резкой критике в статье У. Арндта, см.: Walter Arndt. "Modal Particles" in Russian and German. -- In: Word, No. 3, 1960.
6. Термин "связующее слово", на наш взгляд, является не менее неопределенным, чем "частица-союз", поскольку неясно, что под ним понимается: союз, союзное слово, или же любое слово выражения связи.
7. Искусственный полилог С. Карцевского, приведенный Н.Ю. Шведовой в качестве доказательства союзности частиц /см. "Очерки..." с. 163/, содержит не частицы, а союзы, дело лишь в том, что они употреблены в прагматической функции. О прагматике функционирования союзов подробно пишет напр. Р. Познер в работе: Roland Posner. Semantics and Pragmatics of Sentence Connectives in Natural Language. -- In: Speech Act Theory and Pragmatics. Dordrecht, 1980.
8. Ук. соч., с. 116; Ее же. Функции частицы ведь в современном русском языке. -- В кн.: Географические и хронологические пределы распространения русской лексики. М., 1980, с. 135.
9. "Русская грамматика", с. 723.
10. См.: "Функции частицы ведь...", с. 135.
11. Там же, с. 134--135.
12. Там же, с. 135.
13. См. О.Е. Знаменская. Частица "ведь"... с. 116.
14. Ю.Г. Скиба. Русские предлоги, союзы, частицы. Опыт системно-исторического исследования. АДД. Черновцы, 1980, с. 38 и 4.

15. Ср. пример на странице 50: "Да аще възвратится от рати и обряцеть мя сице, ведѣ главу мою отсѣчь".
16. О.Е. Знаменская. Частица "ведѣ"... с. 118.
17. А.Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953, с. 246--247.
18. Ук. соч., с. 41.
19. О разграничении союза и и частицы и см.: К. Фабриц. К вопросу об отграничении частицы и от союза и. -- In: *Dissertationes Slavicae*. XV. Szeged, 1983.
20. См.: Русский язык. Энциклопедия. М., 1979, с. 390.

О РАЗГРАНИЧЕНИИ НАРЕЧИЙ И ЧАСТИЦ В
СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

К. Фабриц

1. В современной русистике наречие определяется как "часть речи, обозначающая признак действия, качества или предмета"¹. В зависимости от того, называет ли наречие этот признак или только указывает на него, наречия принято делить на знаменательные /спросонок, вчера, чуть/ и местоименные /по-нашему, почему, некуда/².

Наречие как часть речи характеризуется тесной связью с другими частями речи: знаменательные части речи представляют собой базу для образования новых наречий, служебные же слова активно пополняются путем перехода наречий в союзы /притом/, союзные слова /куда/, предлоги /мимо/ и частицы /только/³.

Связь между наречиями и частицами проявляется не только в сфере транспозиции. В морфологической традиции русского языкознания разряд частиц долгое время не выводился в отдельную часть речи, а входил в различные подгруппы наречий, которые сами оказывались классом слов, выделенным по принципу остаточного выбора⁴. Включение частиц в разряд наречий объясняется, по-видимому, тем их свойством, что подобно наречиям /за исключением наречий, для которых характерна способность изменяться по степеням сравнения/ частицы являются неизменяемыми словами⁵. Значительное число сходных морфологических и словообразовательных черт наречий и частиц затрудняет их адекватное разграничение. Причисление той или иной лексемы к определенной части речи вызывает особые трудности. в тех случаях, когда мы сталкиваемся с проблемой омонимии, т.е. когда рассматриваемое слово в принципе может быть отнесено как к наречиям, так и к частицам.

Омонимия наречий и частиц проявляется прежде всего в соприкосновении последних с немотивированными /первообразными/ наречиями определительного /в частности, количественного/ и обстоятельственного /в первую очередь, временного/ типа. Отграничение частиц от их омонимов имеет принципиальное значение: оно важно не только с точки зрения истинного понимания языковой сущности частиц как более или менее единой в функционально-семантическом плане части речи, но и в плане наиболее точного определения сферы функционирования наречий указанных типов.

В настоящей работе будут рассмотрены три омонимичные лексемы русского языка, а именно слова еще, уже и только, и излагается возможное решение проведения границы между их употреблением в качестве наречий, с одной стороны, и частиц, с другой.

2. Анализ различных толкований функции и значения анализируемых омонимов дает представление как об имеющемся разном в их классификации на наречия или частицы, так и о недостаточной разработанности принципов разграничения частиц и их этимонов вообще.

2.1. Слова еще и уже в толковых словарях представлены и как наречия, и как частицы. В БАС-е /1954:1289--1294/ еще выступает в 6 значениях как наречие, а в седьмом значении оно отнесено к частицам. При этом в предложении Когда он проснулся, было еще темно еще обозначено как наречие, тогда как в примере Было еще очень рано -- должно быть, часа четыре, -- когда я открыл глаза оно отмечено как частица. В МАС-е /1957:638/ дается аналогичная классификация. В БАС-е /1964:382--383/ уже выступает в качестве наречия в таких предложениях, как Уже солнце начинало прятаться за снеговой хребет, когда я въехал в Койшаурскую долину, а второй круг его употребления, представленный в примере Уже в конце февраля стало ощущаться влияние весны⁶, имеет помету

"усилительная частица". В МАС-е же /1961:647/ уже как наречие представлено в двух значениях, первое из которых совпадает со значением 1, указанным в БАС-е, а второе можно отождествить со вторым значением последнего источника, где данное слово классифицируется не как наречие, а как частица /ср. Уже в конце февраля стало ощущаться влияние весны и Он уже минуты с три продевал нитку в иглиное ухо/. В третьем значении слово уже, согласно МАС-у, называется усилительной частицей, которая "употребляется для подчеркивания какого-л. слова" в таких предложениях, как Уже не раз меня ты спас.

Лексемы еще и уже сходны не только в том отношении, что обе они представляют собой омонимичные наречия и частицы, но также и в том, что между ними имеется некая функционально-семантическая взаимосвязанность, своеобразие которой заключается в том, что еще и уже в некоторых своих употреблениях выступают как синонимы, тогда как в других случаях они являются антонимами. Ср.

/1а/ Саша еще в детстве интересовался механикой.

/1б/ Саша уже в детстве интересовался механикой.

/2а/ Ребенок еще не спит.

/2б/ Ребенок уже не спит.

На двойственность взаимоотношения слов еще и уже обратил внимание Н.Ф. Шумилов, разбирающий вопрос об их специфике с точки зрения методики преподавания⁷. Автор считает, что слово уже употребляется в роли частицы в том случае, когда оно не обнаруживает черт синонимии или антонимии с наречием еще. Н.Ф. Шумилов относит слова еще и уже к частицам и тогда, когда они "семантически сочетаются со словами, не указывающими на какую-либо примету конкретного времени", и приводит следующие примеры: Атаман е щ е п о п о х о д - к е узнал в Петре офицера...; -- А вы давно здесь служите? -- Да, я у ж з д е с ь служил при Алексее Петровиче...⁸

И.А. Киселев, посвятивший две работы проблеме омонимии слов еще и уже⁹, утверждает, что "при наличии обстоятельств времени, выраженных наречиями или другими словами с временным значением, слово уже, примыкая к ним, не обнаруживает признаков наречия, а служит для усиления, уточнения значения этих слов, для внесения в них новых оттенков, т.е. выступает в качестве усилительной и логико-смысловой частицы"¹⁰. И.А. Киселев допускает отнесение слова еще к наречиям опять-таки лишь в том случае, если оно само по себе выражает временную соотносительность действия. Таким образом, автор полагает, что грань, отделяющая использование слова еще как наречия от его употребления в качестве частицы, проходит по линии наличие--отсутствие других обстоятельств времени¹¹, например:

/3/ Он еще не приехал /наречие/ \longleftrightarrow Он еще вчера
приехал /частица/

А.Б. Шапиро отрицает возможность причисления слова еще к наречиям на том основании, что оно часто бывает энклитичным, может примыкать не только к глаголу, не составляет части однородных членов предложения и не может иметь при себе других наречий или усилительных частиц¹². Рассматривая характерные черты функционирования слова уже, И.А. Киселев не отвергает категорически правомерности его включения в разряд наречий, однако замечает, что "слово уже имеет признаки, не свойственные наречиям: оно не может быть одним из компонентов в ряду однородных членов, не может иметь при себе наречий меры и степени и усилительных частиц"¹³.

Исходя из вышеприведенных констатаций относительно языкового статуса слов еще и уже, можно заключить, что в русской грамматической традиции данные лексемы классифицируются прежде всего как частицы, выполняющие роль усиления значения того или иного слова или предложения. Наречиями они

считаются в первую очередь тогда, когда они участвуют в конструировании временного плана предложения вне сочетания с другими словами или фразами, имеющими временное значение. Правомерность подобного вывода можно подтвердить тем, что в работах, написанных о частицах различных языков на русском языке, эквиваленты слов еще и уже рассматриваются главным образом как частицы¹⁴.

2.2. Лексему только /а также ее эквиваленты в других языках, описываемые на русском языке/ в основном относят к частицам¹⁵. Что касается академических словарей русского языка, то в них только получает приметы "частица", "союз" и "наречие". БАС /1963:583--589/ выделяет 11 кругов значений слова только, первые пять из которых свойственны ему как частице, в шестом значении оно "соответствует по значению наречию "едва", а в седьмом только прямо названо наречием, причем в остальных случаях оно получает примету "союз". В МАС-е /1961:517/ дается меньшее количество значений, из 6-и в трех случаях только представлено как частица, а как наречие-- лишь в одном случае.

В соответствии с принципом отграничения наречий еще и уже от их омонимов, в данных источниках только классифицируется как наречие в тех случаях, если оно само по себе указывает на временную соотносительность обозначаемого в предложении действия, например: А вчера, вы только уехали от князя Корчагина, -- сказал извозчик..., -- и я приехал...; ...Вы, верно, только проснулись. Если сравнить первое из этих предложений с нижеследующим, то выяснится, что употребление слова только в обоих случаях имеет одно и то же назначение указания на непосредственное наступление второго действия, а отнесение в МАС-е слова только к временным союзам в последнем предложении оказывается противоречивым: Ключ вы еще прошлый раз в двери оставили. Только вы уехали, гляжу -- торчит в скважине. Согласно наблюдениям А.Е. Орлова, слово

только может быть союзом лишь в том случае, если оно характеризуется следующими признаками:

1. невозможность перестановки,
2. отсутствие прикрепленности к какому-либо отдельному компоненту предложения,
3. наличие функции связи¹⁶.

Очевидно, что в данном примере только не отвечает требованиям первого и второго критериев, а признак союжности, кроме союзов, свойственен и некоторым другим частям речи /некоторым частицам, наречиям, местоимениям и др./.

Не останавливаясь на проблематике дифференциации частиц и союзов¹⁷, перейдем к вопросу о взаимосвязи разбираемых омонимичных наречий и частиц.

3. Думается, что в своих употреблениях слова еще, уже и только выступают главным образом как наречия. В речи они используются в роли неких логических операторов, применяемых в качестве сигналов отношения субъекта /говорящего/ к тому или иному моменту факта действительности. То обстоятельство, что данные слова служат для выражения отношения говорящего к определенному отрезку действительности, само по себе не оправдывает категорического отнесения их к сфере средств выражения субъективной модальности, в частности, к частицам¹⁸. Думается, что при дифференциации омонимов еще, уже и только мы не можем руководствоваться признаком наличия или отсутствия в них субъективных оттенков значения. Более надежным представляется изучение изменения синтактико-семантического характера рассматриваемых слов.

3.1. Слова еще и уже, употребляемые в функции наречия, могут примыкать к любому члену предложения:

/4а/ Ребенок еще спит.

/4б/ Ребенок уже спит.

/5а/ Еще мать готовит обед.

/5б/ Уже дочь готовит обед.

/6a/ Мальчик пишет еще черновик.

/6б/ М лщик пишет уже сочинение.

/7a/ Отсюда видны еще белые крыши домов.

/7б/ Отсюда видны уже белые крыши домов.

/8a/ План был выполнен еще в прошлом году.

/8б/ План был выполнен уже в прошлом году.

На наш взгляд, слова еще и уже в примерах /4a/--/8б/ выступают в качестве наречия, ибо они отвечают требованиям "выражения признака действия, качества или предмета".

Сформулировать перифразировку значения данных лексем довольно трудная задача, поскольку их семантика существенно меняется под влиянием контекста. Употребление слова еще в первых четырех примерах традиционно оценивается как антонимичное слову уже в соответствующих предложениях, тогда как в сочетании с обстоятельством времени оно превращается в синоним уже.

Относясь к сказуемому /4a--4б/, подлежащему /5a--5б/ и дополнению /6a--6б/, наречия еще и уже в соответствующих предложениях выступают как обстоятельства времени. В этой роли они характеризуют действие с двух сторон, одна из которых указывает на преемственность определенного момента предыдущей ситуации /еще/, а другая подчеркивает переход к новому положению вещей /уже/. Этим и объясняется их зависимость от характера описываемого действия: наречия еще и уже не могут употребляться в тех случаях, когда в силу специфики семантики предложения или определенной его части наречие лишается возможности выразить преемственность предыдущей ситуации или переход к новому положению вещей, ср.:

/9/ Мальчик еще не пришел. — /9⁺/ Мальчик еще пришел.

/10/ Мальчик уже не придет. — /10⁺/ Мальчик уже придет. ¹⁹

Сказанное выше относится и к примерам /7a/ и /7б/, в которых антонимичная связь возникает благодаря тому, что

посредством качественного прилагательного еще и уже соответственно выражают состояние в определенной фазе его развития. Если семантика определения не допускает передачи значения преемственности или перехода, а указывает на некий предел, то использование слов еще и уже при определении приводит либо к существенному изменению смысла предложения /еще и уже тяготеют по значению к определяемому члену предложения/, либо получается грамматически неправильное предложение, ср.:

/11a?/ На кухне работала еще старая хозяйка.

/11б?/ На кухне работала уже молодая хозяйка.

Когда наречия еще и уже употреблены при определении, выраженном количественным оборотом, то в их использовании обнаруживается значительная разница, заключающаяся в утрате каких бы то ни было парадигматических связей между ними.

Наречие еще продолжает выражать характерное для него значение преемственности, проявляющейся на этот раз в плане количества, в увеличении однородных единиц. Таким образом, преемственность как бы уступает продвижению на передний план значения п р и б а в л е н и я, ср.:

/12a/ Ученик сделал еще два задания.

Употребление слова уже, однако, направлено не на выражение перехода к новому положению вещей, сколько на подчеркивание субъективной оценки определения как выражающего большое количество, ср.:

/12б/ Ученик сделал уже два задания. ²⁰

Из этого видно, что в отличие от слова еще, которое хотя и выражает иное значение, но в его семантике отсутствуют черты субъективной оценки, значение наречия уже насыщено субъективными моментами, в основном сводимыми к общей перифразировке 'говорящий считает, что X много', где X обозначает содержание определения.

Когда в семантике рассматриваемого слова большое место отводится передаче субъективного момента, то неизбежно возникает вопрос о том, достигает ли семантическое преобразование достаточной степени с точки зрения возможности отнесения слова к другой части речи, в данном случае -- к частицам. Прежде чем ответить на этот вопрос, остановимся на последнем случае использования слов еще и уже в роли наречий-обстоятельств, который поможет выяснить сущность своеобразия их транспозиции.

Как отмечает Н.Ф. Шумилов, "наречия еще и уже образуют синонимичную пару, когда они обозначают время, являющееся наиболее ранним сроком наступления, существования чего-либо в прошлом или в будущем"²¹. Ср.:

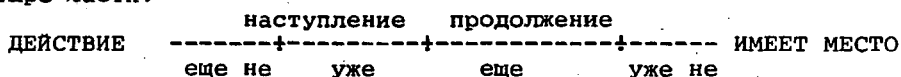
/15а/ План был /будет/ выполнен еще в прошлом /следующем/ году.

/15б/ План был /будет/ выполнен уже в прошлом /следующем/ году.

Антонимия, по всей вероятности, превращается здесь в связь синонимии в силу того, что обозначение /объективного/ времени осуществляется обстоятельством времени в прошлом /следующем/ году, а слова еще и уже выполняют лишь функцию выражения оценки говорящим отношения действия к определенному моменту времени. При этом оценка может быть сходной именно благодаря тому, что обстоятельство времени принимает на себя задачу указывать на конкретную временную соотносительность действия. Следует, однако, иметь в виду, что антонимичность и синонимичность применительно к наречиям еще и уже могут явиться только условными или кажущимися. В примерах /5а/--/6б/, где эти слова сочетаются с подлежащим или с дополнением, антонимия выражена лексическими средствами "внутри" данных членов предложения. Предложения /4а/ и /4б/, в свою очередь, являются антонимичными лишь в том смысле, что

действие в первом из них представлено как /пока/ продолжающееся, а во втором оно описано как начатое.

Противопоставленность обстоятельств по шкале времени бывает, как правило, ситуативной. Действие, отнесенное к моменту времени при помощи обстоятельства вчера, может противопоставляться действию, осуществляемому сегодня, завтра или через месяц, а также осуществленному позавчера, месяц назад или в прошлом году. Подобным образом, предложение Ребенок еще спит может быть антонимичным в плане времени предложению Ребенок уже спит, если за основу противопоставления берется различие признаков "преемственность предыдущей ситуации" -- "переход к новому положению вещей". Иными словами, наречия еще и уже используются для того, чтобы охарактеризовать действие по линии его наступления--продолжения, и в зависимости от формы предложения они разбивают эту линию на четыре части:²²

Исходя из этой схемы, мы не можем согласиться с интерпретацией семантики данных слов, изложенной Н.Ф. Шумиловым, полагающим, что "еще и уже дифференцируются семантическими признаками, вытекающими из их внутренней формы: еще подчеркивает временное обстоятельство, усиливая, так сказать, начало его наступления, уже -- его конец, завершение. Эти различия осознаются, хотя в условиях синонимии они нейтрализуются"²³.

Еще и уже характеризуют действие "изнутри", т.е. они относят действие его субъекта, объекта и т.п. не с определенной точкой объективного времени, а с самим процессом его протекания в актуализации одного из факторов комплекса "отсутствие наступления -- наступление -- продолжение -- завершение продолжения".

Когда в предложении наличествует обстоятельство, относящее действие к объективному отрезку времени, еще или уже выражают свое временное протекание действия.

При этом различие в значении слов еще и уже размывается не только в плане "наступление -- продолжение", но также и в том плане, что первое указывает на действия со стороны прошлого /продолжение/, а второе-- на действия со стороны будущего /наступления/²⁴.

Синонимия, однако, проявляется не в равной мере при различных обстоятельствах времени. Если обстоятельство указывает не на отдаленный момент времени, то еще может включать в себя значение 'приступление к действию в тот же промежуток времени', которое не свойственно наречию уже, ср.:

/16a/ Ученик сделает работу еще сегодня.

/16b/ Ученик сделает работу уже сегодня.

Еще и уже устанавливают связь между идентичными членами предложения. Основная роль слова еще как наречия сводится к выражению по линии времени или количества преемственности тождества дополнения, подлежащего, сказуемого и т.д., ср.:

/4a/ Ребенок еще спит. --- /4a'/ Ребенок и до этого спал.

/5a/ Еще мать готовит обед. --- /5a'/ И до этого мать готовила обед.

/6a/ Мальчик пишет еще черновик. --- /6a'/ Мальчик и до этого писал черновик.

/7a/ Отсюда видны еще белые крыши домов. --- /7a'/
Отсюда видны крыши домов, которые и до этого были белыми.

/12a/ Ученик сделал еще два задания. --- /12a'/ Ученик и до этого сделал несколько заданий/задание.

Поскольку тождество обстоятельств времени подчеркивает продолжение и завершение действия в один и тот же промежуток времени, использование наречия еще в этом случае приводит к превращению значения преемственности в значение своевременности:

/15a/ План был /будет/ выполнен еще в прошлом /следующем/ году. ---

/15a'/ План был /будет/ выполнен не позже, чем в прошлом /следующем/ году.

Что касается наречия уже, то для него характерны перифразы как раз противоположные тем, которые были свойственны слову еще при сказуемом, подлежащем, дополнении и определении, ср.:

/46/ Ребенок уже спит. --- /46'/ Ребенок до этого не спал.

/56/ Уже дочь готовит обед. --- /56'/ До этого не дочь готовила обед.

/66/ Мальчик пишет уже сочинение. --- /66'/ Мальчик писал до этого не сочинение.

/76/ Отсюда видны уже белые крыши домов. --- /76'/ Отсюда видны крыши домов, которые до этого не были белыми.

Употребляясь при количественном определении, уже способно передавать значение перехода к новому положению вещей в плане сравнения с предыдущей ситуацией:

/126/ Ученик сделал уже два задания. --- /126'/ До этого ученик сделал меньше заданий.

Сочетаясь с обстоятельством времени, наречие уже лишается возможности выражать связанность предложения с другим предложением, уже как бы вводит пресуппозицию противоположную:

/156/ План был /будет/ выполнен уже в прошлом /следующем/ году. --- /156'/ План был /будет/ выполнен не позже, чем в прошлом /следующем/ году.

Такое изменение направленности временной соотносительности /"до этого не" -- "не позже" можно назвать своевременным переходом к новому положению вещей.

На наш взгляд, слова еще и уже правомерно считать наречиями во всех приведенных выше употреблении, поскольку они:

1. во всех случаях обнаруживают живую связь с /субъек-

тивным/ временным планом предложения,

2. находятся во власти субъективного употребления не в большей мере, чем остальные логические операторы /напр., только, даже/, отражающие точку зрения говорящего на факт действительности.

Из этого следует, что еще и уже можно считать частицами в том случае, когда у них нет живой связи с временным планом предложения и когда -- в соответствии с утратой органичности этой связи -- на передний план выдвигается выражение не логических отношений, а субъективно-модальных. Иными словами, о транспозиции наречий еще и уже можно говорить лишь в тех случаях, когда они не поддаются таким перифразировкам обстоятельственного характера, как "и до этого", "до этого не" и "не позже", и их семантика не указывает на преемственность предыдущей ситуации, на переход к новому положению вещей или на своевременность.

В качестве примера использования слов еще и уже в функции частиц приведем хотя бы следующие предложения:

/16/... на земле откуда-то взялся мороз и скоро заковал всю пойму. Да и как еще заковал! Ступит человек -- и не провалится.

/Пришвин. Корабельная чаща/

/17/ -- Да, -- добавил Назаров. -- Жизнь вне России не имеет никакой цены и никакого смысла. А если ваша жизнь, Яша, уж так драгоценна, -- не знаю, для кого, -- так бегите, черт с вами.

/Паустовский. Начало неведомого века/

3.2. Оставляя в стороне примеры, в которых слово только выступает в роли союза, вкратце остановимся на разграничении наречия только и частицы только, применяя метод, использованный нами при анализе характера синонимии слов еще и уже. Основное назначение наречия только заключается в выра-

жении ограничения. Только может сочетаться с любым членом предложения. Ср.:

- /4в/ Ребенок только спит.
- /5в/ Только мать готовит обед.
- /6в/ Мальчик пишет только черновик.
- /7в/ Отсюда видны только белые крыши домов.
- /15в/ План был /будет/ выполнена только в прошлом /следующем/ году.

Перефразировки относятся к ограничению распространения признака:

- /4в'/ Ребенок ничего другого не делает. /находится в данном состоянии/
- /5в'/ Никто другой не готовит обед.
- /6в'/ Мальчик ничего другого не пишет. /синонимичность/
- /7в'/ Отсюда никаких других крыш домов не видно. /ничего другого не видно/
- /15в'/ План был /будет/ выполнен не раньше, чем в прошлом /следующем/ году.

Следует добавить, что только как наречие выражает признак действия, качества, признака и т.п. в более или менее тесной связи с временным планом предложения. Примеры /4в/, /6в/ и /15в/ с наречием только могут фигурировать в контекстах, подчеркивающих субъективную оценку несвоевременности. В многочисленных случаях употребление слова только как наречия сопровождается выражением семы 'мало', сопутствующим передаче различных смысловых оттенков, преимущественно отрицательных²⁶.

Отмеченное в БАС-е и МАС-е употребление слова только как наречия в предложениях типа "А вчера, вы только уехали от князя Корчагина, -- сказал извозчик..., -- и я приехал..." /с. 586/ и "Вы, верно, только проснулись" /с. 517/ представляет собой редукцию сложных конструкций обстоятельств времени как только, только что, только теперь, и

возникает как результат переплетения значений ограничения и незначительности времени, действие от момента речи, или разделяющего два значения.

Значение ограничения универсально: оно выражается во всех языках²⁷. Основная функция наречия только состоит в передаче этого значения в сочетании с различными членами предложения.

О переходе наречия только в разряд частиц можно и целесообразно говорить в том случае, если указанное слово никаких оттенков ограничения не выражает, или же если значение ограничения уступает различным оттенкам субъективной семантики, ср.:

/20/ -- Подумать только! -- опять, но уже печально воскликнул Гривин. -- В такое утро где-то там, в Белоруссии...

/Федин. Костер/

/21/ Каких только болей нет в старых костях: и нытье, и ломота...

/Пришвин. Корабельная чаща/

/22/ -- Нехорошо, барыня... Губите вы себя только...

/Чехов. Медведь/

4. Подводя итоги сказанному выше, следует указать на то, что слова еще, уже и только используются в русском языке в нескольких функциях. Еще, уже и только в качестве наречия фигурируют как универсальные логические операторы. Как таковые, они выполняют роль конструирования предложения в плане членения его на тему и рему. Еще, уже и только, несомненно, представляют собой особую группу наречий: в некоторых случаях они принимают на себя функцию обстоятельства, в других примерах они используются как логико-смысловые придатки к реме предложения. Особенность рассмотренных слов как наречий заключается в том, что они характеризуют раз-

личные члены предложения как бы изнутри, с точки зрения их преемственности, перехода, своевременности, ограниченности или несвоевременности, опираясь на модально-временной план предложения, т.е. на его предикативность.

Подходя к указанным словам со стороны класса наречий, в них действительно можно усмотреть несходные с остальными наречиями черты функционирования. Если же подойти к ним с точки зрения частиц, то выяснится следующее. По распространенному убеждению, частицы представляют собой часть речи, сформировавшуюся сравнительно недавно. Согласно наблюдениям Ю.Г. Скибы, "в раннеписьменный период в старославянском и древнерусском языках регистрируется не многим более десяти партикулярных лексем"²⁸. В ряду первообразных частиц Ю.Г. Скиба выделяет такие лексемы, как и, а, бо, но, которые в основном употреблялись как некие дейктические элементы: "В наиболее древний письменный период, когда действовали, в основном, усилительно-демонстративный и категорический модусы, частицы возникали исключительно на базе п р о н о м и н а л ь н ы х /выделено нами -- К.Ф./ лексем. Семантика последних воспринималась как дейктизм, направленный на выражение "речевого жеста"²⁹.

В подавляющем большинстве случаев частицы /в том числе частицы еще, уже и только/ являются словами, восходящими к словам других частей речи. Основным фондом пополнения состава частиц считаются наречия, союзы и местоимения. Значения и функции этимонов подвергаются существенным изменениям, постепенно приводящим к функционально-семантическому расщеплению исходного слова, к возникновению омонимов. Такая транспозиция происходит не автоматически. Переход слова в разряд частиц обуславливается его употреблением в новом синтактико-семантическом окружении. Разграничение омонимов . весьма трудная задача, поскольку исходное слово продолжает выражать те или иные черты своего прежнего функционирования.

Особые трудности возникают при дифференциации таких пар омонимов, которые относятся к сфере средств выражения отношения говорящего к высказываемому.

Рассматривая омонимы еще, уже и только, нам удалось указать лишь на те основные моменты их функционирования, наличие или отсутствие которых лежит в основе их разграничения. Раскрытие точного механизма синтактико-семантического поведения данных омонимов, а также выявление различных переходных стадий пути преобразования этих лексем нуждается в дальнейшем исследовании. Толкование образования частиц целесообразно начинать с тщательного изучения сущности изменения той среды, которая обеспечивает питательную почву для разрыва исходного слова с разрядом наречий.

Замечания

1. Русский язык. Энциклопедия. Гл. ред. Ф.П. Филин. М., 1979, с. 153.
2. Русская грамматика. Том I, М., 1980, с. 703--704.
3. И по отношению к ряду других языков отмечается, что наречие как часть речи является основным фондом возникновения частиц. Д.С. Вадошина, например, пишет о том, что "категория наречия во французском языке является той основой, на которой развились качественно новые слова — частицы" /См. Д.С. Вадошина. Частицы наречного происхождения в современном французском языке. В кн.: Романское и германское языкознание. Республиканский межведомственный сб. Вып. 12. Минск, 1982, с. 16/. Подробно представлена классификация частиц немецкого и французского языков с точки зрения их становления из наречий в книге: C.G. Hartman. Emphasizing particles in the thirteen principal Upanishads. Helsinki, 1966, pp. 7--10.
4. Напомним в связи с этим мысль А.М. Пешковского о наречии как "свалочном месте" в русской морфологии, см.: А.М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
5. Отнесение частиц к наречиям было характерно не только для русистики. Представляя древние индийские грамматики, Э.Г. Алексидзе замечает, что "почти все грамматики, рассматривая частицы в общем разделе несклоняемых слов, называют их словами наречного характера, и упоминают их всегда вместе с наречиями" /Э.Г. Алексидзе. Модальные частицы в санскрите. Тбилиси, 1973, с. 5/.
6. Отметим, что в этом же словаре лексема уж /там же, с. 373/ как наречие "то же, что уже /в 1-м и 2-м знач./", причем уже во втором значении толкуется не как наречие, а как частица.
7. Н.Ф. Шумилов. Еще и уже -- синонимы или антонимы. -- РЯШ, 1973, № 5, с. 68--70.
8. Там же, с. 69.
9. См. И.А. Киселев. О лексико-грамматической сущности слова ЕЩЕ. В кн.: Словарные составы русского и белорусского языков в их историческом развитии и современном состоянии. Сборник научных трудов. Минск, 1980, с. 52--57. Его же. Значение и употребление слова уже /уж/ в русском языке и соотносительного слова ужо в белорусском языке. В кн.: Русский язык. Межведомственный сб. Минск, 1981, с. 50--56.
10. И.А. Киселев. Значение и употребление слова уже... с. 52.

11. Ср.: И.А. Киселев. О лексико-грамматической сущности слова ЕЩЕ...
12. А.Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953, с. 271.
13. И.А. Киселев. Значение и употребление слова уже... с. 50.
14. См. хотя бы классификации в следующих работах: М.Г. Поляков. Частицы в современном английском языке. -- ИЯШ, 1975, № 1, с. 101--106; З.В. Шевернина. Функционально-семантическое значение модальных частиц в монгольском языке. В кн.: Вопросы грамматической системы монгольских языков. Элиста, 1980, с. 20--31; А.Т. Кривоносов. Модальные частицы как средство логико-грамматического членения предложения в немецком языке. -- ВЯ, 1982, № 3, с. 48--61; Д.С. Вадюшина. Выделение класса частиц во французском языке. АКД, Минск, 1975; И.Л. Годкина. "Собственно частицы" в современном английском языке. АКД, М., 1965.
15. См., напр., следующие работы: И.М. Богуславский. Семантика частицы только. В кн.: Семиотика и информатика. Вып. 14. М., 1980, с. 134--158; Его же. О соотношении семантических и синтаксических свойств некоторых ограничительных частиц в русском языке. АКД, М., 1979. Об английских, немецких, французских эквивалентах слова только см. указанную работу А.Т. Кривоносова /замечание 14/, а также: Л.А. Омеляненко. К вопросу об импликациях в предложениях с частицей only. В кн.: Вестник Киевского ун-та. Романо-Германская филология. Вып. 15. Киев, 1981, с. 29--31.
16. А.Е. Орлов. Значения и функции лексемы "только". В кн.: Семантика слова и его функционирование. Кемерово, 1981, с. 103.
17. В связи с этим вопросом см. другую нашу статью в этом же сборнике.
18. Произвольное расширение круга частиц восходит к расплывчатому определению данного разряда слов и к неадекватности критериев, лежащих в основе их выделения. О недостатках классификации частиц см. критические замечания У. Арндта 'Modal Particles' in Russian and German. -- Word, No. 3, 1960.
19. О роли транспозиции отрицания см. А.И. Бахарев. Отрицание в логике и грамматике. Саратов, 1980.
20. Интересно отметить, что количество, выражаемое числительным один, воспринимается как субъективно минимальное, поэтому употребление наречия уже в таком случае характеризуется его примыканием к сказуемому, что является косвенным доказательством взаимосвязанности значения времени и изменения в количестве. Ср.:

/13/ Ученик уже сделал одно задание.

/13'/ Ученик сделал уже одно задание.

Предложение /13'/ возможно лишь благодаря свободному расположению слова уже. Ср. также:

/14/ Ученик сделал уже половину задания.

21. См. Н.Ф. Шумилов. Ук. соч., с. 68.

22. Как известно, в английском языке распределение функций между словами *yet* и *already* отличается от употребления слов еще и уже. Относительно функции слов *noch* и *schon* в немецком языке см. работу: Monika Doherty. 'Noch' and 'schon' and their presuppositions. In: Generative Grammar in Europe. F. Kiefer and N. Ruwet /eds./; Dordrecht, Holland, 1981, pp. 157--177.

23. См. Н.Ф. Шумилов. Ук. соч., с. 69.

24. Синонимия, однако, проявляется не в равной мере при всех обстоятельствах времени. Если обстоятельство указывает не на отдаленный отрезок времени, то еще может включать в себя значение приступления к действию в тот же промежуток времени, которое не свойственно наречию уже. Ср.

/16a/ Ученик сделает работу еще сегодня.

/16b/ Ученик сделает работу уже сегодня.

25. Разумеется, сема 'мало' может иметь и положительный характер. Ср.

/18/ Он нашел только пять рублей.

/19/ Он потерял только пять рублей.

26. См. деление частиц на логические и модальные у А.Т. Кривоносова, считающего наличие логических частиц универсальным явлением языков: А.Т. Кривоносов. Модальные частицы как средство логико-грамматического членения предложения в немецком языке. -- ВЯ, № 3, 1982, с. 49.

27. Ю.Г. Скиба. Русские предлоги, союзы, частицы. Опыт системно-исторического исследования. АДД, Черновцы, 1980, с. 38.

28. Там же, с. 31.

КЪМ УПОТРЕБАТА НА ГЛАГОЛИТЕ ОТ СВЪРШЕН ВИД
В ОТРИЦАТЕЛНИ ПОДБУДИТЕЛНИ ИЗРЕЧЕНИЯ

Ицван Пете

В българистиката се приема, че "отрицателните форми за повелително наклонение се образуват само от несвършени глаголи"¹. По мнението на Валентин Станков "при отрицание глаголи от свършен вид по принцип не могат да се употребят в повелително наклонение - не може да се каже *не влез, *не прочети и т.н."² и "видова конкуренция в повелително наклонение при отрицание не съществува"³. Калина Иванова сочи: Милка Ивич⁴ "установява, че свършената видова форма е станала в източно- и западнославянските езици, както и в словенски, специфична за обозначавање на особен модус за предупреждаване /напр. руск. не упади! или в чешки neslom si nohu! / докато в южнославянските езици предупреждението престава да се означава посредством императив с отрицателна частица не"⁵. Б. Ю. Норман също забелязва, че "с отрицанием.. форма повелителного наклонения от глаголов совершенного вида вообще не употребляется, что объясняется природой самой категории вида. Однако в русском языке допускаются такого рода сочетания со значением предупреждения типа не споткнись, не навреди. В болгарском запрет на совмещение значений совершенного вида и императива с отрицанием - полный"⁶. Според К. Попов в изречението Готви се за утре. Ама да не си обадиш никому/Ел. Пелин/ = Ама не се обаждай никому - "перфектна форма... се е появила вероятно поради невъзможността да се образува отрицателна повелителна форма от свършения вид на глагола"⁷.

Известно е, че българският език има аналитичен строй. Според граматиките на съвременния български език за повелител-

ното наклонение има прости и сложни форми. Срв. "С помощта на частиците да и нека се образуват и сложни /описателни/ форми за повелително наклонение за всички лица и числа: да мълча..., да не мълчиш, нека да не мълчи и пр."⁸. Непонятно е, защо са изключени тези аналитични форми на повелителното наклонение от много автори при описване на употребата на видови форми в отрицателни подбудителни изречения⁹.

Ю. С. Маслов подчертава, че "простая форма повелительного наклонения с отрицанием не, а также и с другими отрицаниями /нито - нито, ни - ни/, и сложные отрицательные формы типа недей с инфинитивом /или конъюнктивом/ и стига с перфектом или аорис-том употребляются только от имперфективных основ: нито ставай, нито сядай, недей ме пита, недей да се сърдиш на мене, Дърто, стига си дрямал"¹⁰. В академичната граматика на съвременния български език обаче се посочват конструкциите, в които налице е проста свършена повелителна форма в съчетание с отрицание. В тези конструкции "отрицанието е реторично. Заповедта има фактически позитивен характер"¹¹. Вж.: Иди че не му помогни = 'Не можеш да не му помогнеш, налага се, да му помогнеш'. Иди сега, че не го познай, кой е и откъде е. Иди че не направи скандал! Иди че не го прати за зелен хайвер! Иди че не стани мизантроп! Ти не го възпитай, не му създай навици навреме, пък после се оплак-вай... Тези конструкции са характерни за разговорни стил. К. Иванова посочва, че в такива случаи "по-обичайни и нормативни са конструкциите с несвършения вид на глагола"¹². Срв.: Иди че не я обичай. Като го видиш как се мъчи, иди че не му помогни/иди че не му помагай. В изречението Не дай боже да завали дъжд "модалният оттенък е по-скоро желателен"¹³.

Ю. С. Маслов по-нататък посочва, че "в значении воле-

изъявления в отрицательных конструкциях с да возможен... и совершенный вид. При необходимости передать... 'предостерегательное значение' в болгарском языке используется конъюнктив: Да не паднеш. Ти да не останеш там, Пели. Утре рано да си дойдеш *'Ти чтоб не остался там родной. Завтра утром чтоб пришёл'*¹⁴.

К. Попов, който изследва историята на въпроса и значенията на тези конструкции, правилно подчертава, че "целесообразно е да-конструкция да остане при повелително наклонение, като негова разновидност"¹⁵. Типологическите сравнения също потвърждават правилността на това гледище. В повечето славянски езици и в унгарски език се употребяват форми на императива от свършения вид на глагола¹⁶. В синтаксиса на академичната граматика се посочва, че "в този случай да-формите са поели функцията на отрицателните императивни форми от свършен вид за изразяване на предпазване"¹⁷.

Когато се изразява **з а б р а н а**, в отрицателни подбудителни изречения са възможни прости или сложни форми на повелително наклонение от несвършен вид на глагола. Срв.: Не пий студена вода! - Да не пиеш студена вода!

Освен забрана, отрицателните подбудителни изречения могат да изразяват и предупреждение /предпазване/, молба, закана и др.

1. Когато се изразява **п р е д у п р е ж д е н и е**, се употребяват сложните форми на повелително наклонение от свършен вид в следващите три случая:

1,1. Когато се употребява в изречението глагол, който има отрицателно значение. Извършването на такова действие обикновено не зависи от волята на субекта. Употребата на глаголите

от свършен вид в тези изречения зависи от лексикалното значение на отделните думи. Тези глаголи, в езиците, в които съществува глаголен вид, в отрицателни подбудителни изречения се употребяват обикновено във формите от свършен вид. Напр.: Да не паднеш! Да не се подхлъзнеш! Да не счупиш вазата! Да не се спънеш в прага! Да не разбиеш шишето! Да не изпуснеш чинията! Да не излееш/разлееш супата! Да не се простудиш! Да не заболееш! Да не си повредиш краката! Да не си извадиш окото! Да не си удариш главата в масата! Да не се задушиш от дима! Да не се удавиш! Да не си нацапаш роклята! Да не си измърсиш дрехите! Хлъзгаво е, да не се подхлъзнете! Да не изгориш покривката с цигара! Да не изгорите на слънцето! Да не слънчасаш! Гледай да не ти замръзне носът! Да не си измокри краката! Да не си навехнеш крака! Да не обърнеш чашата! Да не пропуснеш удобния момент! Да не изпуснете влака! Внимавай, да не повредиш автомобилчето! Да не се уплашиш от тъмницата! Да не сгрешиш! Да не сбъркаш! Да не се порежеш с парче стъкло! Срв.: Да не паднеш от коня! - руск. Не упади с коня! - унг. Nehogy leess/Le ne ess a lórál!

В съчетание с наречието повече тези глаголи се употребяват във форма от несвършен вид, в съчетание с наречията пак, отново - във форма от свършен вид. Срв.: Не падай повече от коня! Да не падаш повече от коня! - руск. Не падай больше с коня! - унг. Többé ne ess le a lórál! - Да не паднеш пак /отново/ от коня!

Някои от тези глаголи еднакво се употребяват във формите за свършен или несвършен вид. Лексикалното значение на такива глаголи допуска извършване на действието, независимо от волята на субекта /предупреждаване/ или в зависимост от волята на субекта /забрана/. Срв.: Да не закъснееш за влака! - Не закъснявай за влака! Да не ме забравиш! - Не ме забравяй! Да не докоснеш стената! - Не докосвай стената! Да не пипнеш детето! - Не пипай детето! Да не си извадиш окото! - Не изваждай парите от джоба!

1,2. Когато прилагателното име или съществителното име придава отрицателен смисъл на изречението. Срв.: Да не купиш корав хляб/гнили ябълки /предупреждение/ - Не купувай корав хляб/гнили ябълки /забрана/. Да не влезеш в реката, тя е дълбока! - Не влизай в реката, тя е дълбока! Да не направиш скандал! - Не прави скандал!

1,3. Когато в отрицателно подбудително изречение се употребява неопределително местоимение. При отрицателно местоимение е възможен глагол от несвършен вид. Срв.: Да не си оставиш нещо тук! - Нищо не оставяй тук! Да не пуснеш някой без билет! - Никого не пускай без билет! Да не разкажеш на някого за това! - Не разказвай на никого за това! Да не отидеш никъде! - Не отивай никъде!

2. При израз на **м о л б а** са възможни форми на несвършен и свършен вид. Формите от свършен вид означават действие, което е по-отдалечено от сегашно време. Срв.:

Не ме оставяй сега сама!

- Моите деца, да не ме оставите сама на стари години!

Не ме срами!

- Да не ме осрамиш пред гостите!

Не ме предавай!

- Мамо, да не ме предадеш/издадеш на баща ми.

3. **З а к а н а** също може се да изрази с помощта на перфектните форми от свършен вид. Напр.: Да не си посмял да закъснееш! Да не си стъпила вече тук! Да не съм те виждал вече тук! Интересно е, че в тези конструкции може да се употреби и отрицателно местоимение в съчетание с частицата ама и свършен вид на глагола. Срв.: Ама да не сте оставили нищо тук. - Да не сте оставяли нищо тук! Тези изречения са само отрицателни и "в тях се означава много силна, категорична, дори понякога груба забрана за извършване на действие в бъдещето"¹⁸. Глаголите от несвършен

вид се употребяват при израз на повторение. Напр.: Да не сте лъгали друг път момчето ми, че ви вземат дяволите/А. Каралийчев/¹⁹.
Да не сме оставяли повече /друг път, пак, отново/ книгите тук!
Да не сте оставяли повече нищо тук! *

* *Изразявам своята благодарност на Константин Босилков за помощта.*

Б Е Л Е Ж К И :

1. Граматика на съвременния български книжовен език. Том 2, Морфология. София, 1983, с. 367, Изд. на Българската академия на науките.
2. *Валентин Станков*, Глаголният вид в българския книжовен език. София, 1980, с. 53, Издателство Наука и изкуство.
3. *Валентин Станков*, Конкуренция на глаголните видове в българския книжовен език. София, 1976, с. 101.
4. *Милка Ивич*, Употреба вида у словенском императиву с негацијом. Сб. "Славянская филология", Том 4, Международный съезд славистов. Москва, 1958.
5. *Калина Иванова*, Остатъци от употреба на глаголи от свършен вид в отрицателна императивна форма. БЕ, 1963, кн. 6, с. 521.
6. *Б. Ю. Норман*, Болгарский язык. Минск, 1980, с. 119, Изд. БГУ.
7. *Константин Попов*, По въпроса за български конюнктив. Сб. П. Пашов, Р. Ницолова, Помагало по българска морфология. Глагол. София, 1976, с. 383. /Статията се препечатва от Език и литература, 1963, кн. 5/.
8. Граматика на съвременния български книжовен език. Том 2, Морфология. София, 1983, с. 367.
9. Виж. напр. *Валентин Станков*, Конкуренция..., с. 101.
10. *Ю.С. Маслов*, Грамматика болгарского языка. М. 1981, с. 280.
11. Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 2, Морфология. София, 1983, с. 270.
12. *Калина Иванова*, Остатъци от..., с. 523.
13. Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 2, Морфология. София, 1983, с. 270.
14. *Ю. С. Маслов*, Грамматика..., М. 1981, с. 286-7.
15. *Константин Попов*, По въпроса..., с. 383.
16. *Pete István*, Az igeszemlélet, a cselekvés megvalósulásának foka, a cselekvés módja és minősége a magyar nyelvben. MAGYAR NYELV, 1983/2, Сб. "Семантические типы предикатов". М. 1982, с. 73-6.
17. Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 3, Синтаксис. София, 1983, с. 68. Изд. на Българската академия на науките.
18. Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 3, Синтаксис. София, 1983, с. 69.
19. Пример, взет от Граматика..., 1983, т. 3, с. 69.

ХАРАКТЕРНИ ОСОБЕНОСТИ НА РАННИЯ ЕТАП ОТ РАЗВИТИЕТО НА НОВОБЪЛГАРСКИЯ КНИЖОВЕН ЕЗИК

Константин Босилков

/София/

За разлика от другите славянски езици, българският има своеобразен път на развитие. То се изразява предимно в това, че неговото старо и новото му състояние са съпоставими по такава съществена типологична особеност каквато е синтетизъм/аналитизъм. Освен това, в новобългарски се наблюдават ред особености, които отсъствуват у останалите славянски езици, като задпоставен определителен член, несвършено деятелно причастие, граматически изразена несвидетелска модалност и др.

Във връзка с османското нашествие на Балканите, старо-среднобългарската книжовна традиция се продължава не толкова по българските земи, колкото в Русия, в Сърбия и в Румъния. Водещи фигури в духовния живот на тези страни през XV в. са преки ученици на патриарх Евтимий Търновски -- Киприян, Григорий Цамблак, Константин Костенечки, които са били принудени да емигрират. До голяма степен така се осъществява т. нар. Второ южнославянско влияние върху културите на тези страни.

През време на османското иго книжовната дейност по българските земи запада, но не прекъсва. Тя се осъществява главно в манастирите и има две прояви, характерни впрочем за средновековната книжнина изобщо -- официално и демократично направление. Условно наречената официална книжнина -- това е каноничната литература, чието преписване за целите на богослужението не прекъсва. От средата на XVII в. и по-късно в България проникват печатни канонични книги, които постепенно изместват от употреба ръкописните. Езикът на тази литература е по същество руска редакция на старо-

българския /главно -- фонетична редакция/ и този език се означава в отечествената наука с термина църковно-славянски, тъй като тази печатна редакция става вече неизменна и се превръща в *lingua sacra* за славянското православие. Характерна фонетична особеност на тази редакция по отношение на новобългарския е отсъствието на типичната гласна [ъ], която е чужда на руското произношение и слух.

Демократичното направление през периода XVI -- XVIII, а отчасти и в началото на XIX в. е представено от т. нар. дамаскини -- сборници със смесено, главно -- нравоучително съдържание, в които вече намират отражение новите особености на българската разговорна реч. Техните преводачи от гръцки, компилатори и преписвачи окачествяват езика на дамаскините като "прост" или "простѣйший" български, т. е. в максимална степен приближен до новия разговорен език.

И така, в зората на Българското възраждане /втората половина на XVIII и началото на XIX в./ книжовниците отчетливо различават две големи езикови формации, които са генетически свързани помежду си като "език-майка" и "език-дъщеря" и същевременно са противопоставени по твърде разнородни признаци -- по хронологичен: стар/нов, което до много голяма степен от гледище на ситемата съответствува на: синтетизъм/аналитизъм, по функционален признак: книжовно/разговорно и по аксиологичен стилистичен признак: високо/ниско, означавано през Възраждането с термините "благоречие"/"просторечие". Традиционният книжовен език през Възраждането са наричали "славѣнски", а новият разговорен език -- "прост български".

Представителна формана "славѣнски"-я език е била т. нар. църковнославянски, т. е. руската печатна редакция на старобългарския, но в това понятие са се включвали изобщо всички достъпни редакции на старобългарския, познати от каноничната литература. Като пряк наследник на

старобългарския, тази езикова формация се отличава със синтетичния си строй и притежава някои категории, характерни за традиционния книжовен език -- развита причастна система, широки словообразователни възможности в областта на абстрактните понятия, значително словно богатство...

"Прост" е бил новобългарският разговорен език, схващан било като родния диалект на отделните книжовници, било -- като съвкупност от диалекти. Една от характерните особености на тази езикова формация е присъствието в нея на много разговорни турцизми и гърцизми.

Дамаскинските сборници могат да се разглеждат като опит за приспособяване на високото религиозно съдържание към съзнанието на обикновените хора посредством "превод" на "прост" български език и с това те вече са служели, макар и твърде непълноценно, като образец за формирането на новобългарския национален книжовен език. Трябва веднага обаче да се отбележи, че дамаскините в съдържателно отношение са неделими от средновековната религиозна литература, а в езиково отношение те отразяват регионалния говор на съответния преводач или преписвач, примесен с многобройни особености на традиционния книжовен език. По тази причина те не са могли да служат пряко на целите на националното Възраждане и затова езикът им основателно се разглежда като предпериод в развоя на новобългарския книжовен език.

И така, първите български възрожденци са били изправени пред огромни трудности от езиков характер, когато са създавали своите произведения. Поради това, те са писали на своеобразно "смесен" език, който са означавали като "славѣноболгарски". Например, Паисиевата история, ознаменуваща началото на Възраждането, се нарича "славѣноболгарска", граматиките почти до средата на XIX в. -- също така. Впрочем, в книжовноезиковото развитие на други народи също се наблюдава аналогичен период -- славѣноросийски, славѣноспрски, независимо от факта, че от строго лингвистично гледище тези "славѣно--родни" езици трябва да се охарактеризират различно.

За да се разгледа, макар и схематично, но все пак, доколкото е възможно, задоволително ранният етап от формирането на новобългарския книжовен език, т.е. "славъно-български"-я, струва ми се, уместно е да се разграничат два аспекта на книжовноезиковото развитие -- онтологически и гносеологически.

Под онтология на книжовноезиковото развитие би могло да се подразбира следното:

-- водещите тенденции на националното Възраждане и Просвещение;

-- общославянските, отчасти -- и балканските идейни течения през епохата;

-- вътрешните развойни тенденции на езика.

Под гносеология на езиковото развитие пък би могло да се схваща;

-- осъзнаването на същността на традиционния книжовен език и на народния разговорен език;

-- идейните лингвистични влияния -- образци за устройство на национален книжовен език.

При такава постановка е ясно, че онтологичният и гносеологичният аспект са свързани с корективна обратна връзка при доминиращо значение на онтологията. Ясно е също така, че т. нар. онтологически аспект на книжовноезиковото развитие е по същество не толкова лингвистичен, колкото исторически предмет. Да се разглежда историята на книжовния език обаче, откъсната от историята на народа, е неправомерно по ред причини и, освен това, такъв подход едва ли би спомогнал за пълноценно осмисляне на разглежданите явления.

И така, нека да се опитам да набележа, макар и в тезисна форма, най-съществените особености, които очертават онтологията на новобългарското книжовноезиково развитие.

Българското национално възраждане се осъществява при специфични исторически условия. Страната се намира все още под османска политическа и икономическа власт, липсва български административен и културен център. Като се прибавят

към това и верските различия между турци и българи, става ясно защо основната и ръководна идея на Възраждането е националното освобождение. Всички възрожденски прояви в по-голяма или в по-голяма или в по-малка степен съдържат противопоставяне на българското срещу османското. Това намира израз и в зараждащия се новобългарски книжовен език като приема формите на явен пуризм срещу турцизмите, проникнали в разговорната реч. За славнително бързата замяна на трудизмите с думи от славянския словен фонд или пък за стилистичната им деградация има и още една причина -- ниският престиж на османската култура.

Докато отношението към всичко османско е ясно и недвусмислено, то отношението към гръцкото е двойко. От една страна, то е ярко негативно, главно поради факта, че в рамките на османската империя на гърците е била предоставена духовната власт над православното население. Поради това, българите са били принудени да водят борба не само за политическо освобождение, но и за духовно. Такава е причината процесът на пуризм да обхване до известна степен и новогръцките думи, проникнали в разговорната реч и отчасти в областта на религията и църквата. От друга страна обаче, гръцката култура се е ползувала с престиж и това е дало отражение и върху българската възрожденска култура -- в системата на образованието, в литературните жанрове, до известно време -- и при устройството на новобългарския книжовен език. Всичко това е напълно обяснимо в условията на гръцкото духовно иго, особено като се припомни, че първите възрожденски просветители са израстнали из средата на духовенството, те са били обучавани и възпитавани по гръцки образци.

По принцип положително, но не напълно еднозначно е и отношението към славянството. По времето, когато се съществува Българското възраждане, идеята за славянското единство преживява апогея си. Макар не така ярко, както, да речем, в Чехия или в Русия, тя засяга и българското развитие, а това намира отражение и в книжовния език. Главната проява е активното заемане на русизми, за което

има и други исторически и лингвистични основания. Както бе споменато, пуризмът на турцизмите и гърцизмите е едно от най-характерните явления на новобългарското книжовно-езиково развитие. Главен източник за замяна на тези чужди думи е бил църковнославянският език, който е носил ред особености на руската фонетика. При тази лингвистична предпоставка и като се има предвид положителното отношение към славянството изобщо и особено към Русия става обяснимо защо много русизми проникват безпрепятствено в българския книжовен език от втората четвърт на XIX в. та чак до началото на XX в.

Не така еднозначно е отношението към сръбското, но това отношение изобщо няма съществено значение за Възраждането като цяло и за формирането на новобългарския книжовен език в частност. Както е известно, българите и сръбите имат сходна историческа съдба през разглежданата епоха и поради това тяхното социално-политическо и културно развитие са аналогични. Многобройни са примерите на българо-сръбска взаимност през този период. Трябва да се признае обаче, че стремежът към национално самоутвърждаване и у двата народа е пораждал в известна степен и противопоставяне -- предимно в исторически план. Все пак, през Възраждането са доминирали идеите за сходната историческа съдба и за славянското единство, които са пораждали взаимни симпатии и са дали плодотворни отражения в културния живот на двата народа -- включително и в литературната и в езиковата област.

След като бяха посочени някои специфични особености, които имат пряко отношение към формирането на новобългарския книжовен език, може да се каже, че при такива условия Българското възраждане споделя почти всички характерни белези на западноевропейския Ренесанс, на Просвещението, а отчасти -- и на предходния Класицизъм, но като единен процес и това придава своеобразна пъстрота и драматизъм на историко-културното развитие.

За да се завърши с краткия историко-лингвистичен обзор, трябва да се каже, че определяща характеристика на Българското възраждане е стремежът към национално обособяване и консолидация, съчетан с просветителската идея за демократизиране на знанието. За тази цел е било необходимо да бъдат изтъквани националните достойнства на българите, което се е проявявало от една страна в преклонение към историческото минало, а от друга -- в интерес към съвременните на епохата национални ценности -- нравственост, фолклор, етнография, езикова изразителност...

Както е известно, езикът и в особеност, книжовният език, е един от определящите признаци на нацията. Българските възрожденци отлично са осъзнавали това и по тази причина езиковият въпрос неизменно е стоял на вниманието им и дори нещо повече -- той е и една от характеристиките на разглеждания период. В сложното развитие на новобългарския книжовен език се отразяват, съдействуват си или се борят всички общи и специфични тенденции на епохата и тъкмо поради това ограниченото езиковедско изследване едва ли може пълноценно да осмисли явленията.

От многобройните проблеми, отнасящи се до т.нар. гносеологически аспект на книжовноезиковото развитие, ще разгледам само два, които ми се представят като най-съществени.

Традиционният книжовен език в неговата представителна форма -- руската печатна редакция, както бе споменато, е бил схващан като "език-майка". По мнението на българските възрожденци, това е езикът на Константин-Кирил и Методий, който бил съставен "от ръчи-те на вси славянски народи". Трябва да се каже, че това погрешно мнение не е оригинално. То е познато и в други славянски страни и очевидно е било заимствувано. Не е трудно тук да се прозре идеята за славянското единство, която уж по времето на Кирил и Методий е имала и реален израз -- общ език. На българските книжовници е известно, че делото на Кирил и Методий процъфтява в България и затова "техния" език е бил обект на национална гордост и патриотично преклонение.

Заблудата, че руската печатна редакция е идентична със старобългарския език оказва забележимо влияние върху формирането на новобългарския книжовен език почти до средата на XIX в. Както бе споменато, главната фонетична особеност на тази редакция е отсъствието на звука [ѣ] и съответната буква /защото ѣ и ѣ са се поставяли по традиция само в краесловието и не са имали звукова стойност/. Това е станало причина за дълголетни спорове и за пъстрота в писмената практика.

Известно е, че в началото на XIX в. в славистиката все още не съществува ясна представа за същността на Кирило-Методиевото дело, за особеностите и за родината на класическия език на славянството, нито за съвременните славянски езици -- особено от южната група. Тези въпроси получават научно осветление едва през втората половина на XIX и в началото на XX в. Поради това, обяснимо е, че и българските възрожденски книжовници изграждат схващането си за традиционния книжовен език не на научна, а на легендарна основа.

Едва през 1847 г. Васил Априлов, руски възпитаник, разкрива на българите разликата между старобългарски и църковнославянски и, от теоретично гледище, това е окончателният импулс за развой на националния книжовен език в новобългарска посока, но той впрочем на практика вече следва това направление.

Как е схващана другата голяма езикова формация -- новият "прост" разговорен език?

Докато за дамаскинарите "преводът" на "прост" език не е нищо друго, освен приспособяване към родния диалект, то още в първите възрожденски книги прозира съзнание за диалектните различия и стремеж да се изгради една нова наддиалектна книжовна езикова формация, която да отразява и възрожденските, и просветителските идеи на епохата. Трудни са били пътищата към тази цел. Все пак, разнообразните прояви сега биха могли да се разпределят в две групи. Има автори, които са ратували за създаване на нов книжовен език чрез разширяване на диалектната вариантност като са предоставяли избора на бъдещето. Други автори пък, водени от съзнанието, че вариантността нарушава системата

и не съдействува за изграждане на единна национална книжовноезикова норма, са се стремели да наложат своя диалект.

Любопитно е да се посочи как възрожденските книжовници са осъзнавали новите явления в езика от една страна и диалектните разлики -- от друга. Естествено е, че по онова време, те не са могли да си съставят научна представа за тези факти и затова отношението им към тях се е определяло изцяло от идейни съображения. По въпроса за еровата гласна и за определителния член -- схващани като символи на новия български език -- са се водили дълги спорове -- на теория и на практика. Някои автори като Петър Берон, Васил Априлов, Иван Богоров и др., водени от радикално демократични идеи, са страстни защитници на новобългарските особености. Други -- Христати Павлович, Константин Фотинов, Константин Огнянович, благоговеещи пред езиковата старина, напълно ги отричат и ги отбягват в писмената си практика. И едните, и другите обаче не могат да си обяснят появата на новобългарските особености. Отношението към тях много красноречиво е изразено от Христати Павлович: "защо всички тие са от небития произведени... и причиняват язъiku гнусота и премногое потемнение" /че тези всички са произведени от небитието... и причиняват на езика гнусота и премного потъмнение/. Може би логически най-издържано е мнението на Неофит Рилски, според който, членната форма, доколкото тя е общобългарска, а не регионална особеност, "украсява" езика и трябва да се приеме.

Що се отнася до диалектните различия, те за ранните възрожденци са развращение на езика. Някои книжовници /Христати Павлович, Константин Фотинов и др./, като изхождат от схващането, че "непотребно е майць, непотребно бѣва и дщерее" /което е непотребно на майката, е непотребно и на дъщерята/ се стараят да се придържат към църковнославянския, между другото и за да преодолеят диалектните разлики. Други, като Петър Берон, Васил Априлов, Иван Богоров, Анастас Стоянович-Кипиловски се при-

държат към родния си говор и се стремят да го наложат, а трети /предимно Неофит Рилски/ приемат общобългарските нови особености, а диалектните различия преодоляват с помощта на църковнославянския, който използват като критерий за правилност.

И така, главно през втората четвърт на XIX в. в България се оформят три направления за устройството на новобългарския книжовен език: радикално демократично, консервативно и компромисно. Не е трудно в тях да се открие влиянието на редица фактори на онтологията на книжовноезиковото развитие. Тук обаче, бих искал да спомена за един друг фактор от гносеологично естество.

Съвсем закономерно е, че домораслите книжовници, повлияни от гръцката култура и имащи за образец устройството на гръцкия книжовен език, в по-голяма или в по-малка степен, изтъкват на преден план езиковата старина и ратуват за различие между книжовния и разговорния език. Освен гръцкия образец, в това не е трудно да се прозрат и късни реминисценции на класицизма.

Обратно, книжовниците, които са се докоснали до чужда култура /не само гръцка/ и особено руските възпитаници, повлияни от идеите на революционната демокрация и имащи за образец устройството на съвременния руски книжовен език, са страстни защитници на новобългарските особености. В края на краищата, по силата на ред онтологични и прес-тижни фактори, побеждава тъкмо това направление.

Досега в българистиката се акцентираше главно върху различията между т. нар. три школи през втората четвърт на XIX в. Въпреки необикновената пъстрота в книжнината, по мое мнение, времето от Паисиевата "История славѣно-болгарскаа" /1762 г./ до средата на XIX в. -- евентуално до Иван Богоровата "Първичка българска граматика" /1844 г./ трябва да се разглежда като единен период -- "славѣноболгарски" -- от една страна, защото така са схващали и наричали езика си книжовниците от тази епоха, а от друга, -- защото в езиково отношение не се наблюдават такива съществени разлики, които да дадат основание за поставяне на междинна граница.

Ще се опитам да охарактеризирам в най-общи линии т. нар. славънобългарски период на книжовния език, като стремежът ми ще бъде не толкова да посочвам различията, защото този въпрос е сравнително добре проучен, колкото преобладаващите общи особености, които придават облик на периода. След изложеното до тук е ясно, че стремежът ще бъде да се абстрахират главно онези явления, които придават "славънски" характер на езика и онези, които му придават "прост български" характер.

Графика и ортография

През периода новобългарската литература се печата с църковнославянски шрифт /по същество -- старобългарска кирилица/ и това до голяма степен определя и ортографията. Споменатата особеност е продиктувана не толкова от желанието на отделните автори, колкото от възможностите на тогавашните печатници. Свидетелство за това може да се открие у книгата "Съвещное цѣлообрание" /1824/ на Анастас Стоянович-Кипиловски, която е напечатана с църковнославянски шрифт, а предговорът ѝ -- с т. нар. гражданско писмо. В този предговор авторът изказва съжаление, че не е могъл да напечата цялата си книга с новото писмо.

Въпреки че възможностите на печатниците до много голяма степен са предопределяли и ортографията, през първата половина на XIX в., пък и по-късно, се наблюдава странна закономерност. Привържениците на консервативното направление и в особеност Христоки Павлович се борят за радикално опростяване на правописа. Напр. "Аритметика или наука числителна" /1836/ на Христоки Павлович е първата българска книга, напечатана изцяло с гражданското писмо и със съзнателно опростен правопис. В друга своя книга "Граматика славънобългарска" /второ издание 1845/ същият автор се обявява открито за единно означение на буквите о и и и против краесловните ѡ и ѣ, независимо от факта, че тъкмо в тази книга се стреми да отблъбва новобългарската членна форма и възстановява употребата на архаичните падежи и причастия.

Обратно -- някои от най-видните представители на радикално-демократичното направление, напр, Петър Берон и Найден Геров, се придържат към етимологичния правопис и графика. Тази странна закономерност може да се обясни с наличието на противоречиви тенденции, за които стана дума и които по различен начин се балансират у отделните автори.

И така, правописът през разглеждания период следва главно църковнославянската норма. Негови съществени особености са: краесловните ерове без звукова стойност, няколко букви за означение на звука [о] - ѿ, ѡ и о; няколко букви за означение на звука [и] - и, ѱ, ѱ̃ и ѱ̄; две букви за [т] - т и ѿ; гръцки консонантни съчетания за ж - кс и ѱ за пс; употреба на лигатурата ѿ - от. Тези особености са характерни и за старобългарската, и за църковнославянската норма. Откриват се обаче и особености, които са характерни за руската редакция и не са присъщи на местната книжовна традиция. Преди всичко - това е отсъствието на ѡ, знак със стойност [ъ], знак ѡ със стойност [е] и съчетания ор, ер, ро, ре и ол, ел, ло, ле на мястото на старите сонантни [р] и [л].

Най-голяма трудност е предизвиквало отсъствието в църковнославянската графично-правописна норма на знак за отбелязване на характерния новобългарски звук [ъ]. Привържениците на новобългарското демократично направление го отбелязват с а или ѡ, когато е под ударение, но и при тях се срещат ред форми с църковнославянска фонетика. Напр. сонѡ, дождѡ, перво, болгарски и др. Едва в 1844 г. Иван Богоров въвежда единно означение на звука [ъ].

По отношение на вариантите означения може да се каже, че личи стремеж за етимологично означение на и и ѱ, на о и ѿ, но се проявява тенденция да не се употребяват гръцките букви ж, ѱ и ѿ.

Фонетика

Графиката, ортографията и фонетиката са до много голяма степен свързани -- особено, когато става дума за българското книжовноезиково развитие. Затова някои фонетични особености

бяха маркирани при краткия поглед върху "славяноболгарската" графика и правопис. За да не се повтаря част от вече споменатото, тук няма да се прави обзор на фонетичните проблеми през периода, а ще спомена само някои от доловимите общи особености.

Фонетиката по начало има новобългарски характер -- често с явни новобългарски диалектни особености. През този период личи стремеж за запазване и налагане и на онези фонетични особености на църковнославянската норма, които са съвпадали с новобългарските в една обширна западна и особено -- юго-западнобългарска област.

От условно наречените "фонетични славянизми" се пазят за сравнително дълго време църковнославянските рефлексии на старобългарските сонанти [р] и [л]. Пазят се задълго и рефлекс [у] от старобългарската а, но ... /л/ само в ограничен кръг от думи, в които този рефлекс се е установил в книжната под влиянието на т. нар. безюсова норма още преди засиленото църковнославянско влияние.

Граматика

В областта на морфологията и синтаксиса съществува необикновена пъстрота през разглеждания период, която съответствува на противоречивите тенденции.

Без да се разпростирам, ще спомена отново, че главните различия са се свеждали до приемането или отхвърлянето на определителния член.

Привържениците на консервативното направление имат заслугата, че въвеждат отново в употреба старобългарски причастни форми и така спомагат за възстановяването в съвременния книжовен език на старобългарското причастие на -щ и за обособяване на една немалка категория прилагателни на -м /от старо сегашно страдателно причастие/.

Въпреки различията, в областта на морфологията също се наблюдават преобладаващи общи особености, които придават облик на "славяноболгарската" норма. Ще спомена само някои явления.

Още от Паисиевата история и през целия период в книжната вече са укрепнали формите на т. нар. трето новобългарско спрежение на -а/-я/.

В редовна употреба са и формите за изразяване на несвидетелска модалност.

Новобългарските глаголни да-конструкции почти окончателно са изместили стария инфинитив.

Може да се смята, че още през този период е наложено като норма аналитичното степенуване с по- и най-. Дори у такива консервативни автори като Христаки Павлович форми като словѣснейши учителю, дражайши ми сине вече не се схващат като суперлативни. В тези случаи суфиксът -йш- има по-скоро стилистически усилваща семантика, почти идентична на семантиката на префикса прѣ-. Срв. прѣпростѣ - простѣйши.

Цялата местоименна система има новобългарски характер. Много рядко употребяваните, в най-старите книги от периода, форми като мнѣ, его, еа, емѣ имат явно архаичен характер и звучене. По-дълго се държат форми като он, она, оно, их, но те съвпадат със западнобългарските диалекти и затова не могат да се окачествят като "славянска" особеност. Задържа се в употреба формата себе, но в по-нова функция.

При наречията и съюзните думи също личи предпочитание към новобългарските форми. Архаичните бо, оубо, егда, паче и др. са рядкост през разглеждания период.

Синтаксисът е, разбира се, твърде разнообразен, но като цяло личи стремеж за придържане към по-опростените разговорни конструкции. Съюзните връзки са предимно от нов разговорен тип, а по модела на архаична връзка с ИЖЕ се образува новобългарската книжовна конструкция с който.

Трябва да се спомене, че пред този период все още не се употребяват обособени части на изречението.

Словообразуване и лексика

Формирането на новобългарския книжовен език е било съпроводено с много трудности от лексикален характер. Причините за това са различни. Ще спомена само някои от тях.

Новобългарският разговорен език се е използвал в битовата сфера и неговият словесен фонд е бил твърде беден. По тази причина той не е разполагал с лексикални средства за означаване на по-абстрактни понятия, необходими за целите на Просвещението.

Традиционният книжовен език пък е бил твърде богат в лексикално отношение, но неговата абстрактна лексика е свързана с религиозен контекст. Поради това заемането на лексикални средства от този фонд -- било с цел да се запълнят празнините в разговорния език, било -- с пуристични цели, е свързано със стилистична дефтерминологизация на църковно-религиозната лексика.

Още с първите възрожденски книжовноезикови прояви и през целия период се активизират отново с помощта на традиционния книжовен език такива словообразователни форманти като -ие, -ние, -тие, -ост, -ство, -тел, -телен и др. Освен това пак по "славянски" образец се разширява употребата и словотворчеството на композитуми с първи компоненти благо-, добро-, веле-, все-, злато- и др. или с втори компоненти -зарен, -носен, -творен и др.

В заключение може да се каже, че са налице всички основания, за да се твърди, че времето от Паисий Хилендарски докъм средата на XIX в. представя особен "славянобългарски" период в развоя на българския книжовен език. Най-важното, което го характеризира, е сложното взаимодействие между новия разговорен език и традиционния книжовен език. Ако си послужим с терминологията на Пражката школа на книжовните

езици, "славѣноболгарската" норма има сравнително малко ядро и широка периферия. В тази периферия се обособяват две области -- едната, в която се конкурират вариантите /главно нови и архаични/ и друга -- в която новите или старите явления нямат вариантни съответствия в другата формация.

Както показва този преглед, "славѣноболгарската" книжовноезикова норма е ориентирана в по-голяма степен към т. нар. "славѣнски" език главно в областта на графика и фонетиката, а също така и на лексиката, но в граматично отношение тя следва новия "прост" български език.

По силата не само на разнообразни извънезикови фактори, но главно -- поради вътрешни развойни тенденции, книжовният новобългарски език усвоява богатството и на новия разговорен език, и на традиционния книжовен език и се превръща в уникална по характера си езикова формация в славянския свят.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СПРЯЖЕНИЯ НА -а- В ИСТОРИИ
БОЛГАРСКОГО ГЛАГОЛА

Иван Харалампиев

/Велико Търново/

Одним из важнейших изменений, характерных для развития глагольной системы болгарского языка, является появление нового класса глаголов в зависимости от вида основы в настоящем времени -- глаголы на -а-, которые формируют одно из трех новоболгарских спряжений. Хорошо известно, что новоболгарское спряжение на -а- привлекло часть глаголов староболгарского спряжения на -е-, а именно глаголов на -ае-, -нае- и -оуе- /Мирчев 1978:208/, которые сейчас все без исключения имеют ударение только на одном из слогов перед гласным а /Георгиев 1973:43--44/, напр., стб. събираѣ, събираѣши, оставляѣ, оставляѣши, новоб. събирам, събираш, оставям, оставяш.

Причины появления нового спряжения, пути, по которым шел процесс и особенно его хронология, не нашли еще удовлетворительного описания и объяснения в трудах историков болгарского языка, несмотря на то, что некоторые его особенности уже описаны.

Так, Ст. Младенов в своей "Истории болгарского языка" отмечает, что основной гласный а возник путем ассимиляции и стяжения /Младенов 1979:279/. Младенов не придал должного значения ударению и поэтому не смог объяснить различий в судьбе некоторых староболгарских глаголов в современных болгарских диалектах, напр., стб. копаѣ, копаѣши, совр. диал. копа́я, копа́еш, но копам, копаш. Ценные, хотя и не исчерпывающие наблюдения имеются в работах Вл. Георгиева. По мнению

Георгиева, новоболгарское спряжение на -а- возникло под влиянием глагола с большой частотностью имам /стб. имамь/ в результате стремления системы к унификации и уравниванию форм /Георгиев 1978:10/.

Автор, однако, отмечает, что этот процесс гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд, и что необходимо дальнейшее изучение этого вопроса /Георгиев 1973:44/.

Относительно времени появления нового глагольного спряжения можно отметить только наблюдения К. Мирчева, по мнению которого это произошло в среднеболгарский период развития языка /XII--XIV вв./, причем более точное время определить невозможно /Мирчев 1978:209/.

Появление нового класса глаголов с основной настоящего времени на -а-, это процесс, который свойственен не только болгарскому, но и другим южнославянским и западнославянским языкам, так что факты для теоретического объяснения можно найти и в исследованиях по сравнительной грамматике славянских языков. Так, например, Э. Штибер утверждает, что путем ассимиляции и стяжения в основе настоящего времени глаголов на -аге- /тип дѣлати, дѣлаѣ, дѣлаѣши/ вместе с формами на *-ајезі, -ајеть и т.д. они начали употребляться с формами на -ās, -ā и т.д., и таким образом стали похожи на формы глагола имѣти, имамь, имаши, откуда заимствовали окончания -м/-ме 1 л. ед. и 1 л. мн.ч. настоящего времени /Stieber 1979:202--203/.

Краткий обзор показывает, что сознательно или несознательно, лингвисты не принимают во внимание форм 1 л. ед. и 3 л. мн.ч. староболгарских глаголов на -аге-, -ајеге-, -оуеге-, а эти формы нельзя исключать из общего развития форм настоящего времени глаголов указанного типа. С другой стороны, формы 1 л. ед.ч. и 3 л. мн.ч. имеют в своих окончаниях носовой гласный звук ǣ, а это непременно требует учитывать и развитие этого специфического староболгарского звука.

Современная диахроническая морфология, принципы которой в Болгарии были разработаны Вл. Георгиевым /См. Георгиев 1969 и Георгиев 1978/, требует структурального подхода при рассмотрении любого морфологического процесса. Это значит, что необходимо рассматривать явления в их взаимной связи и обусловленности, учитывая существующую иерархию среди элементов языковой структуры /Георгиев 1978:6--8/. В каждом конкретном случае очень важно правильно определить причины, которые породили нарушения в системе и обусловили ее "обратную реакцию". В нашем случае "реакция" системы известна -- окончания 1 л. ед. и мн.ч. перебрасываются с нетематических глаголов на глаголы с основой на -ate-, -ate-, -oue-. Нельзя сомневаться в том, что причины, породившие такие изменения, имеют фонетический характер. Данные средневековых болгарских письменных памятников указывают на то, что подобные изменения возникли очень давно -- еще до конца староболгарского периода /IX--XI вв./.

1.1. Известно, что интервокальный *j* начинает исчезать еще в староболгарский период. Но согласно Мейе процесс этот начался еще в праславянском языке /Мейе 1951:36--37/. Важным последствием исчезновения интервокального *j* является усиление процесса ассимиляции гласных, которые оказывались в непосредственном соседстве. Ассимиляция этого типа охватила очень рано не только формы настоящего времени глаголов на -ate- и -jae-, но и сложные формы прилагательных /добра-го → добраго → добрааго/. /У глаголов с основой настоящего времени на -oue- несколько иная судьба и поэтому они рассматриваются отдельно/. В этих случаях, как пишет Вайан, гласная второго слога стремится совпасть по звучанию с гласной первого слога, т.е. ассимиляция в этом случае имеет прогрессивный характер /Вайан 1952:67/. Свидетельства этого в староболгарских письменных памятниках достаточно часты:

съвѣштааши, гнѣвааши са в.м. съвѣшта-еши, гнѣва-еши са Супр. сб., бы ваать в.м. бы ва-есть Мар. ев., Супр. сб., отѣвѣштаа-те в.м. отѣвѣшта-ете Мар. ев. и др.

I.2. Ассимиляция закономерно приводила к стяжению форм с основой на -аа- /ср. еще в староболгарском отѣвѣштавааши в.м. отѣвѣштава-еши Сав. кн., ицѣлѣть в.м. ицѣл-а-есть Зогр. ев.), избавѣ-ать, навѣ-ать, прѣставѣ-ать, погоубѣ-ать, съваза-ть, прѣбыва-те, ставѣ-ате в.м. избавл-а-есть, навл-а-есть, прѣд-ставл-а-есть, погоубл-а-есть, съваза-есть, прѣбыва-ете, ставл-а-ете Супр. сб. См. примеры у Вайана 1952:251/. Эти примеры, хотя и не многочисленны, но весьма показательны. Известно такое правило, что прежде чем какая-либо новая языковая черта появится в письменных памятниках, она должна быть известна в разговорном языке не менее 100--150 лет /Мирчев 1959:338/.

II.1. Обращает на себя внимание тот факт, что в письменных памятниках не засвидетельствованы формы 1 л. ед.ч. и 3 л. мн.ч. с новой основой на -а-, хотя, как уже было показано, в остальных лицах того и другого числа она была известна. Такие формы как оставлѣмъ, проливамъ Тр. пов. появляются очень поздно, только в XIV веке, но это совсем не значит, что они не были известны в разговорном языке намного раньше. Здесь мы сталкиваемся с одной из особенностей развития книжного староболгарского языка от IX--X до XIV--XV вв. Ассимиляция и стяжение в формах 2 и 3 л. ед.ч. и 1 и 2 л. мн.ч. не коснулись окончаний /выпадение окончания -тъ в 3 л. ед.ч. не зависело от этого процесса/, а в 1 л. ед.ч. и 3 л. мн.ч. они охватили и окончания. Именно здесь проявилась сдерживающая сила традиции, характерной для языка всей болгарской средневековой литературы: в 1 л. ед.ч. и 3 л. мн.ч. этот процесс не мог отразиться, в противном случае это привело бы к недопустимым изменениям в системе пяти староболгарских спряжений,

строго сохранявшихся в литературном болгарском языке вплоть до ранней новоболгарской эпохи.

Так или иначе, формы 1 л. ед.ч. и 3 л. мн.ч. тоже были охвачены фонетическими процессами, которые являются если не единственной, то одной из важнейших причин перехода окончаний -м/-ме с нетематических глаголов на глаголы с основной настоящего времени на -ае-, -яе- /Появление окончания -ме в 1 л. мн.ч. наст. вр. -- это вопрос, который здесь не рассматривается/.

Как уже упоминалось, языковеды склонны считать, что фонетическое развитие основы рассматриваемых глаголов сближало их с формами глагола имѣти, имаѣмъ, имаѣши и это обусловило принятие ими окончания 1 л. ед. и мн.ч. Это логично, но в письменных памятниках засвидетельствованы примеры, которые показывают, что глагол имѣти сам испытал влияние со стороны глаголов на -ае-, -яе-, а не наоборот. Такие примеры встречаются еще в староболгарских памятниках /Вайан 1952:349--350/, а в среднеболгарских число их увеличивается, например: да не имаѣтъ по всѣхъ хѣра...запрѣтѣния; великъ/ѣ/и/маѣ шригъ патити Дубровницкая грамота 1230 г.; не имаѣтъ съ собоѣ жениха; и не имаѣтъ корене; нако не има ть ничесо въздати Бан. ев. XIII в. и др.

II.2. Хотя развитие носовых гласных протекало не одновременно и неодинаково в различных болгарских диалектах, можно наметить некоторые основные, общие процессы, которые берут свое начало еще в очень раннее время.

Как известно, еще в самом начале среднеболгарской эпохи, а в некоторых диалектах и в XI в., т.е. в позднюю староболгарскую эпоху, ѣ и ѣ начали утрачивать свой носовой характер. Прежде всего их носовой характер утрачивался в открытых слогах в конце слов, а в таких условиях гласная ѣ находилась в окончании 1 л. ед.ч. глаголов на -ае, -яе. Еще раньше в староболгарский период до того, как был утрачен носовой характер ѣ /о^н/, в результате снижения подъема и ослабления

лабиальности гласная превращалась в носовую а /а^н/. Причастная форма мъчими вм. мъчими в Супр. сб. показывает, что развитие ъ через а в ъ в некоторых диалектах произошло намного раньше, еще в рамках староболгарского периода.

Из сказанного видно, что носовая гласная в окончаниях 1 л. ед.ч. и 3 л. мн.ч. рассматриваемых глаголов очень рано могла породить изменения в этих формах, например: събираѣ, събираѣтъ → събираѣ, събираѣтъ — събираа^н, събираа^{нт} — *събираѣ → *събира, *събираѣтъ. И пока эти изменения были допустимы в 3 л. мн.ч., в 1 л. ед.ч. они были невозможны, потому что в этом случае произошло бы совпадение форм 1 и 3 л. ед.ч. /ср. събираѣтъ → събираѣтъ → събираа^н → събираѣтъ — събира/.

II.3. Описанное положение привело к заимствованию исосемантических морфем /окончаний -м/-ме 1 л. ед. и мн.ч./ у группы нетематических глаголов и таким образом была избегнута опасность недопустимой грамматической омонимии. Все изложенное дает нам основание утверждать, что новые окончания не обязательно были заимствованы у глагола имам, а скорее вообще у нетематических глаголов, где окончание -ме появилось еще в староболгарском языке, после утери конечных еров. Как ни различна была судьба нетематических глаголов в болгарском языке, они неизменно сохраняли окончания -м/-ме. Эти окончания сохраняются и сегодня у глагола съм, который являлся наиболее употребительным во все периоды развития болгарского языка. Из сказанного вытекает еще один вывод: надо очень осторожно говорить о суффиксальном гласном -а 3 л. мн.ч. как показателе III класса спряжения глаголов, который, согласно Георгиеву, утвердился там позже, когда заменил ъ, в свою очередь перед тем заменившего ѣ /Георгиев 1973:40/. Как уже было показано, выпадение интервокального ј и последующая ассимиляция не позволили окончанию развиваться в ъ, так что сегодняшняя гласная а в форме 3 л. мн.ч. глаголов III группы является одновременно и гласной основы и исторической

частью окончания -ат, образовавшейся от стяжения сочетания -аа-.

III.1. Утеря окончания -ть в 3 л. ед.ч. является древним процессом в болгарском языке, примеры без -ть встречаются еще в памятниках староболгарской письменности, подобные примеры имеются и в среднеболгарских памятниках. Есть основания считать, что процесс этот происходил еще раньше, в дописьменную эпоху /Stieber 1979:205/. Можно, следовательно, утверждать, что формирование новоболгарского спряжения на -а- произошло до конца староболгарского или не позже начала среднеболгарского периода развития болгарского языка.

IV.1. Вероятно, не позже этого времени примкнули к новому классу и глаголы с основой настоящего времени на -оуе-. Известно, что глаголы типа коуповати, коупоуѣ, коупоуѣши, являлись обычно отыменными. Основная инфинитивная гласная а связывалась с именной основой не непосредственно, а с помощью суффикса *оу/*еу/, который перед а инфинитива переходил в ов/ев/, а перед суффиксальным ј основы настоящего времени превращался в монофтонг у/'у/. Старое чередование -ова/-ева- → -оу/-ю- было утрачено в болгарском языке. Современное положение в болгарских диалектах различно: в юговосточных диалектах сохранился древний суффикс -ова- /куповам, миновам/, в югозападных сохранился суффикс -у- /купуем, радуем се/, а в большей части остальных диалектов, в том числе и в части югозападных, сохранился изменившийся на -ува- бывший суффикс -ова-. Суффикс -ува- характерен для современного болгарского литературного языка.

IV.2. К новому III спряжению примкнули рассматриваемые глаголы только в тех болгарских диалектах, где инфинитивный суффикс -ова- перешел и в основу настоящего времени. В диалектах, где суффикс -у- сохранился в основе настоящего времени, глаголы относятся, как правило, к I спряжению /-е-/: купуем, купуеш, рисуем, рисуеш.

Из всего этого следует, что глаголы на -оуе- могли влиться в новое III спряжение только после утраты чередования -ова- → -оу-. Когда это произошло, трудно точно определить, но очевидно, что этот процесс не зависел от исчезновения инфинитива, которое произошло позднее /Мирчев 1978:233--236/. В XIII веке суффикс -ова- встречается и в формах настоящего времени /ср., например, кѣпѣва рядом с кѣпѣтъ в Дубровницкой грамоте 1230 года/. Развитие -ова- в -ува- хорошо отражено во Врачанском евангелии XIII века. Можно, следовательно, и в этом случае утверждать, что в разговорном языке не позже начала среднеболгарской эпохи чередование -ова- → -оу- болгарских диалектов было утрачено, и в настоящем времени утвердился суффикс -ова- > -ува-. Вслед за протеканием фонетических процессов у описанных глаголов на -аѣ- и -аѣ-, они закономерно вливались в новое спряжение на -а-.

V.1. Остается открытым вопрос о том, почему перешли к новому спряжению не все глаголы со староболгарской основой настоящего времени на -аѣ-, -аѣ-, а только те, в которых ударение падало на слоги, предшествующие гласной а, например: бѣгам, бѣгаш, намирам, намираш, пита́м, пита́ш, сла́гам, сла́гаш, но гада́я, гада́еш, игра́я, игра́еш, руга́я, руга́еш, сия́я, сия́еш и др. Бывшие глаголы на -оуе- всегда имели ударение на одном из слогов, предшествовавших -а- от инфинитивного суффикса -ова-, поэтому ныне они все принадлежат к III спряжению. Когда ударение падает на у суффикса -ува-, целостность суффикса сохраняется: сѣбу́вам, сѣбу́ваш. Если ударение падает на какой-либо другой предыдущий слог, он сокращается: ра́двам се, ра́дваш се < ра́дувам се, ра́дуваш се.

V.2. Одной из закономерностей исторического развития глагольных форм болгарского языка является стремление к четкому разграничению форм настоящего времени и аориста, особенно это относится к формам 3 л. ед.ч. настоящего времени и

2 и 3 л. ед.ч. аориста, которые не имеют собственных окончаний.

Если в результате действия каких-либо причин эти формы совпадают, различение их осуществляется за счет переноса ударения, например:

	<u>наст. вр.</u>	<u>аорист</u>
1 л.	че <u>та́</u>	че <u>тох</u>
2 л.	че <u>те́ш</u>	<u>че́те</u>
3 л.	<u>че́те</u>	<u>че́те</u>

При глаголах II новоболгарского спряжения /-и-/ наблюдается колебание, которое происходит оттого, что перенос ударения ведет к новому совпадению, на этот раз с формой 2 л. ед. ч. повелительного наклонения, например:

	<u>наст. вр.</u>	<u>аорист</u>
1 л.	<u>ми́сля</u>	<u>ми́слих</u>
2 л.	<u>ми́слиш</u>	<u>ми́сли</u>
3 л.	<u>ми́сли</u>	<u>ми́сли</u>

Однако, ср. мисли́ -- 2 л. ед.ч. повелительного наклонения.

Описанное колебание в ударениях регулярно отмечается в словарях /см. Пашов, Първев 1979/ у глаголов типа во́дя, мо́ля, хо́дя и др. Глаголы совершенного вида с префиксами, например, поро́дя, не имеют таких колебаний, т.к. нет условий для смещения форм настоящего времени и аориста, по причине отсутствия у них самостоятельного настоящего времени.

V.3. Это уже объясняет, почему староболгарские глаголы с основой настоящего времени на -áte-, -iáte- /и с ударением на а/ не влились в новое спряжение на -а-. Для них было невозможно протекание описанных фонетических процессов /ассимиляции и стяжения/, так как в противном случае формы 3 л. ед.ч. настоящего времени полностью совпали бы с формами 2 и 3 л. ед.ч. аориста /ср. играеть → *играет →

→ *игъ́ ат → *игра́т → *игра́ = игра́ -- 2 и 3 л. ед.ч. аориста/.

V.4. У глаголов на -а́та-, -я́те- с ударением на одном из слогов, находящихся впереди суффиксального а, формы 3 л. ед.ч. настоящего времени и 2 и 3 л. ед.ч. аориста могли легко различаться благодаря возможности переноса ударения. Именно эта возможность оказалась решающим фактором при отделении части глаголов III староболгарского спряжения, которые сформировали новое спряжение на -а- /ср. 3 л. ед.ч. настоящего времени да́ва, ска́ча, стре́ля, 2 и 3 л. ед.ч. аориста да́ва, но и дава́, скача́, но и скача́, стре́ля, но и стреля́ -- см. Пашов, Първев 1979:133, 871, 905/. Глаголы совершенного вида, входящие в состав новоболгарского спряжения на -а- /напр., скара́м/, имеют ударения на одном и том же гласном в формах настоящего времени /3 л. ед.ч./ и аориста /2 и 3 л. ед.ч./, но опасность их смешения не существует, т.к. на практике формы настоящего времени этих глаголов не употребляются.

В заключение все сказанное можно обобщить следующим образом.

1. Причины возникновения III новоболгарского спряжения /на -а-/ имеют фонетический характер: ассимиляция и стяжение гласных в основе настоящего времени глаголов на -а́те-, -я́те- как следствие выпадения интервокального ј и развитие ж в окончаниях 1 л. ед.ч. и 3 л. мн.ч.

2. Глаголы с основой настоящего времени на -оу́те- перенесли суффикс -ова- из инфинитива на основу настоящего времени, а потом разделили судьбу глаголов на -а́те-, -я́те-.

3. Указанные фонетические процессы привели к совпадению форм 1 и 3 л. ед.ч., что было преодолено путем заимствования окончаний -м и -ме 1 л. ед. и мн.ч. у группы нетематических глаголов.

4. Новое спряжение на -а- сформировалось только из тех глаголов на -а́те- /-ова́те-/ и -я́те-, которые имели ударе-

ние на одном из слогов перед суффиксальной а. Только у этих глаголов существовала возможность устранения нежелательного совпадения форм 2 и 3 л. ед.ч. аориста с формой 3 л. ед.ч. настоящего времени, благодаря перемещению ударения.

5. Имеются достаточно серьезные основания утверждать, что спряжение на -а- сформировалось в болгарском языке не позже конца староболгарской или самого начала среднеболгарской эпохи, т.е. речь идет об одном раннем процессе, нашедшем более полное отражение в письменных памятниках лишь в XVII веке и позже.

Замечания

- А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Вл. Георгиев. Основни проблеми на славянската диахронна морфология. София, 1969.
- Вл. Георгиев. Системата на българския глагол от диахронна гледна точка. Български език. кн. 1--2. 1973.
- Вл. Георгиев. Принципи на славянската диахронна морфология. В кн: Славянска филология. т. XV, София, 1978.
- А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951.
- К. Мирчев. Главни проблеми на историята на българския език. Български език. кн. 4--5. 1959.
- Историческа граматика на българския език. III изд., София, 1978.
- Ст. Младенов. История на българския език. София, 1979.
- П. Пашов, Хр. Първев. Правоговорен речник на българския език. II изд., София, 1979.
- Грамматика на българския книжовен език. III изд., София, 1980.
- Zd. Stieber. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Warszawa, 1979.

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ СЕМИОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ СЛАВИСТИКЕ

Г. Балаж

Целью настоящей статьи является продолжение семиотических наблюдений, начатых нами в XV выпуске *Dissertationes Slavicae*¹. В упомянутой статье прослеживаются своеобразные семиотические соотношения морфем единственного и множественного числа в системе русских существительных. В ходе анализа значительное внимание было уделено развитию флексий и изменению характера соотношений между обозначающим и обозначаемым в историческом плане. Ключевое понятие вышеуказанной статьи -- иконическая связь², характеризующая систему склонения русских существительных вообще. Теперь же мы попытаемся расширить объект такого рода наблюдений на всю морфологическую систему современных славянских языков, учитывая при этом особые исторические тенденции, которые являются общими для всех этих языков.

Прежде чем приступить к анализу, придется исключить из сферы наблюдений те части речи, которые не обладают морфологической категорией числа и, таким образом, не поддаются сопоставительному анализу. В славянских языках категория числа существует у следующих частей речи: имя существительное, имя прилагательное, местоимение, глагол. Итак, мы рассмотрим лишь эти группы слов в вышеуказанном порядке.

Имя существительное

Заниматься иконическими соотношениями между флексиями единственного и множественного числа у существительных здесь нет необходимости, поскольку на материале русского языка мы уже показали основную тенденцию, разделяемую и остальными славянскими языками³. Поэтому ограничимся кратким изложением итогов упомянутой статьи и приведением дополнительных фактов из отдельных славянских языков.

В современном русском литературном языке соотношение окончаний единственного и множественного числа в склонении существительных характеризуется тем, что соотнесенные морфемы во множественном числе являются более длинными, чем в единственном числе. Хотя есть единичные исключения /им.п., вин.п. и род.п. некоторых существительных/, они не мешают восприятию явных закономерностей системы как целого. Данное положение, однако, является результатом многовекового развития грамматического строя русского языка. В древнерусском языке вышеуказанные соотношения между окончаниями единственного и множественного числа в иконичной форме существовали спорадически, не только не характеризую систему парадигм в целом, но даже препятствуя проявлению иконичности в склонении существительных. Тот факт, что характеризующий уже ранний период общеславянского языка иконический характер парадигм восстанавливается весьма наглядно в современном русском языке /и в остальных славянских языках, которые под влиянием фонематических и морфематических законов также значительно изменяли свой морфологический облик в прошлом/, объясняется важной семиотической закономерностью языка -- иконичностью окончаний.

Приведем несколько примеров из деклинационной системы других славянских языков. Заслуживает внимания соотношение окончаний именительного падежа единственного и множественного числа в следующих случаях. В западнославянских языках одушевленные существительные в именительном падеже множественного числа часто получают окончания, отличающиеся от окончаний неодушевленных существительных двухслоговостью, т.е. более длинными окончаниями. Таким образом, у одушевленных существительных иконическая связь находит более яркое выражение, чем у неодушевленных. Ср. в чешском: им.п. ед. ч. Josef, Rus, pán, syn и им.п.мн. ч. Josefové, Ruso-

vé, pánové, synové; в словацком: sluha -- sluhovia, súdruh -- súdruhovia, hrdiná -- hrdinovia; в польском: Kościuszk -- Kościuszkowie, pan -- panowie, profesor -- profesorowie, król -- królowie и т.д.

Особый интерес представляют соответствующие формы именительного падежа единственного и множественного числа в болгарском языке, имеющем лишь одну грамматическую форму множественного числа в силу утраты категории падежа. В болгарском языке множественное число существительных может обозначаться следующими окончаниями: а/ -и, -а/-я, -е /односложные/; б/ -ове/-еве, -ища, -ета, -ния, -овци /двухсложные/. Налицо большее разнообразие окончаний, обладающих двумя слогами. Конкретные примеры: влак -- влакове, нож -- ножове, враг -- врагове, брой -- броеве, дядо -- дядовци, глезльо -- глезльовци, Иван -- Ивановци, Никола -- Николовци, дърво -- дървета, колие -- колиета, момче -- момчета, море -- морета, рог -- рогове /возможно и рога/, край -- краища, сън -- сънища, път -- пътища и т.д. Такое разнообразие двухсложных окончаний объясняется тем, что из-за отсутствия категории падежа данные формы являются единственными для выражения иконического соотношения между единственным и множественным числом. Таким образом, отсутствие отдельных падежных форм компенсируется богатством флексий, употребляемых для выражения иконической связи. Этим же фактом объясняется наличие в современном русском языке небольшого числа двухсложных окончаний в именительном падеже множественного числа типа: сын -- сыновья, кум -- кумовья, чудо -- чудеса, небо -- небеса, тело -- тела, имя -- имена, мать -- матери, дочь -- дочери.

Наряду с формами именительного падежа заслуживают внимания окончания дательного, творительного и местного падежей множественного числа в лужицких языках, где, как и в восточно-славянских языках, во всех типах склонения употребляются унифицированные окончания: -ам, -амі/-емі, аш. В сербско-

хорватском языке для всех трех отмеченных падежей употребляются окончания -има/-ама. Как известно, в общеславянском языке в некоторых типах склонения существовали окончания *-y/-i для обозначения творительного падежа множественного числа. Такая флексия препятствовала проявлению иконичности, поэтому в вышеуказанных языках она была вытеснена двусложными окончаниями.

В верхне- и нижнелужицком языках наблюдается очень интересное явление в родительном падеже множественного числа. Независимо от рода и типов склонения здесь выступает единственное окончание -ow, унаследованное от старых существительных на -ŭ. Данное окончание, вытеснившее даже нулевое окончание существительных на -a, наглядно выражает иконическую связь между формами родительного падежа единственного и множественного числа. Небезынтересно, что в сербскохорватском языке также нет нулевого окончания, а в качестве флексии родительного падежа множественного числа выступают долгие гласные -ā и -ī. Долгота гласных звуков противопоставляется краткости окончаний родительного падежа единственного числа /-и, -а/. Отсутствие двусложных флексий в родительном падеже множественного числа объясняется тем, что в современных славянских языках вообще нет такого показателя для данного грамматического значения.

Имя прилагательное

Как известно, в период ранней истории славянских языков существовало две различных разновидности прилагательных: именные формы, с одной стороны, и местоименные, с другой. Краткие прилагательные, т.е. именные формы, склонялись по именному склонению. Прилагательные мужского и среднего рода склонялись по основам на -ŏ, а прилагательные женского рода склонялись по основам на -ā. Что касается полных прилагательных, они образовывались путем присоединения к краткой форме местоимений jь, ja, je. Так как указательное местоиме-

ние первоначально служило постпозитивным членом, оно временно сохраняло самостоятельную систему склонения. /О местоименном склонении см. ниже/. Позже, но еще в праславянский период в ряде форм произошли изменения, завуалировавшие первоначальные отношения между именем и местоимением.

Т.А. Иванова указывает на следующие способы образования падежных форм в склонении полных прилагательных:³ "П е р в ы й способ /архаичный/ состоит в закономерном изменении обеих составных частей полного прилагательного /имени и местоимения/, он представлен в следующих падежах: в именительном и винительном падежах всех родов и всех чисел; в родительном, дательном, местном падежах единственного числа мужского и среднего рода; в родительном падеже множественного числа всех родов; в творительном падеже множественного числа мужского и среднего рода...

В т о р о й способ состоит в закономерном изменении именной части, к которой присоединяется усеченная форма местоимения. Причем усечению подвергается основа местоимения **ѣ**. Этот способ представлен в следующих падежах: в родительном, дательном, местном единственного числа женского рода; в родительном-местном падежах двойственного числа всех родов...

Т р е т и й способ -- это соединение неизменяемой основы прилагательного... с закономерно измененной формой местоимения. Этот способ представлен в следующих падежах: в творительном падеже единственного числа мужского и среднего рода, в дательном и местном падежах множественного числа всех родов; в творительном падеже множественного числа женского рода в дательном-творительном падежах двойственного числа всех родов... Вероятно, появление этих форм было связано с воздействием местоименного склонения..."

Из процитированного видно, что в старославянскую эпоху полные прилагательные уже нельзя считать сочетанием именной формы и указательного местоимения, поскольку в результате

стяжения гласных звуков /типа: добра-его добраго добраго/ две первоначально самостоятельные составные части интегрируются в одно целое. Таким образом, возникает особое объективное склонение, которое своими парадигмами напоминает, в первую очередь, местоименное склонение⁴. Из этого вытекает, что соотношение соответствующих окончаний единственного и множественного числа аналогично соотношению в морфологической системе местоимений, которое рассмотрим ниже.

Говоря о степенях сравнения прилагательных, следует отметить, что в именительном падеже /где вообще сохраняется категория падежа/ наблюдаются яркие примеры иконической связи во всех современных славянских языках. Примеры приводятся в следующем порядке: положительная степень -- сравнительная степень -- превосходная степень. Болг. голям -- по-голям -- най-голям; сербскохорв. способан -- способнији -- најспособнији; словенск. čist -- čistêjši -- naјčistêjši; р. красивый -- более красивый/красивее -- самый красивый/красивейший; укр. новий -- новіший -- найновіший; бел. зелёны -- зе-лянейши -- найзе-лянейши/самы зялёны; чешск. mladý -- mladší -- nejmladší; словацк. pekný -- peknejši -- najpeknejši; польск. gruby -- grubszy -- najgrubszy; верхнелуж. čisty -- čiscíši -- najčiscíši⁵; нижнелуж. čisty -- čiscísi -- nejčiscíši. В примерах указываются только формы мужского рода. /Об универсальном иконическом характере степеней сравнения прилагательных см. R. Jakobson. Quest for the essence of language. In: Diogenes. N° 51, 1966, p. 29/.

Местоимения

I. Личные местоимения. В системе личных местоимений формы множественного числа не образованы от соответствующих форм единственного числа путем присоединения к ним грамматических показателей. Они являются, кроме 3-го лица, суппле-

тивными, причем различие в числе выражается внутри лексем, а не в аффиксах. Данное свойство системы местоимений исключает возможность семиотического подхода, применяемого в настоящей работе.

II. Неличные местоимения. Рассматривая парадигмы неличных местоимений в отдельных славянских языках, легко убедиться в том, что иконических соотношений вышеописанного типа здесь значительно меньше, чем у существительных. Сравнительно большое число "исключений" в соотношении окончаний соответствующих форм единственного и множественного числа, с точки зрения иконичности, на данном этапе развития славянских языков не позволяет считать систему неличных местоимений иконической. Исключением из этого правила являются парадигмы неличных местоимений сербскохорватского языка, в которых в дательном, творительном и местном падежах множественного числа выступает унифицированное окончание -има / правда, в данных падежах может фигурировать и окончание -им/. Примеры:

Им.п. ед.ч. м/ср/ж рода	Дат.п. ед.ч.	Твор.п. ед.ч.	Местн.п. ед.ч.
та̑/тѣ/та̑	то̑м/е//тѣ	ти̑м, ти̑ме/то̑м	то̑м/е//тѣ
ѡн/ѡно/ѡна	ѣ ѡму/ѣ ѡ	ѣ ѡм, ѣ ѡме/ ѣ ѡм	ѣ ѡме ѣ ѡму/ѣ ѡ
мѡј/мѡје/ мѡја	мѡјем/у// мѡјѡј	мѡјим/мѡјѡм	мѡјем/у// мѡјѡј
на̑ш/на̑ше/ на̑ша	на̑шем/у/ на̑шој	на̑шим/на̑шѡм	на̑шем/у// на̑шој
св̑в/св̑ѣ/ св̑а	св̑ѣму/св̑ѣ	св̑ѣм/е//св̑ѡм	св̑ѣм/св̑ѣ
ко̑јѣ/ко̑је/ ко̑ја	ко̑јѣму/ко̑ѡму/ ко̑јѡј	ко̑јѣм, ки̑м/ ко̑јѡм	ко̑јѣму, ко̑ѡме/ ко̑јѡј

Дат., Твор., Местн.п. мн.ч.

ти̑ма
ѣ ѡма

мо́жима
на́шими
свѣ́ма
ко́жима

Несмотря на это исключение, морфологическая система местоимений в системе всех славянских языков в целом не является иконической. Таким образом, наряду с прилагательными и местоимения в современных славянских языках противостоят семиотической закономерности, устанавливаемой в системе существительных и глаголов /об этом см. ниже/. Данное расхождение между системами существительных и глаголов, с одной стороны, и местоимений и прилагательных, с другой, объясняется следующими факторами: а/ супплетивным характером парадигм некоторых местоимений, б/ сравнительно большой сложностью адъективных парадигм и деклинационной системы местоимений, имеющих три грамматических рода, в/ значительным сходством между соответствующими окончаниями прилагательных и местоимений, и г/ тем своеобразным балансом в системе языка, который предотвращает случайную гипертрофию любой языковой тенденции в системе как целом. Примером такого компенсационного отношения может послужить такого же рода баланс между склонением и спряжением. В отдельных славянских языках это конкретно выглядит так: в русском языке, например, сравнительной сложности склонения противопоставляется параллельное опрощение глагольной системы. В болгарском языке, с другой стороны, простое, аналитическое склонение компенсируется сложным, синтетическим спряжением⁶.

Глагол

1. В славянской глагольной системе существует несколько категорий, свидетельствующих об иконических соотношениях, начиная уже с общеславянского периода. Сюда же относятся аорист и имперфект, с одной стороны, и повелительное наклонение, с другой. В качестве иллюстрации приводим при-

меры из старославянского языка.

Окончания простого аориста

Ед.ч.	Мн.ч.
1-ое л. - ѣ	- омаѣ
2-ое л. - е	- ете
3-ье л. - е	- а

Окончания нетематического
сигматического аориста

Ед.ч.	Мн.ч.
1-ое л. - съ	- сомъ
2-ое л. - е	- ете
3-ье л. - е	- а

Окончания тематического сигматического аориста:

Ед.ч.	Мн.ч.
1-ое л. - охъ	дохомъ
2-ое л. - е	- ете
3-ье л. - е	- а

Как видно из примеров, сохранение окончания *-е* во 2-м и 3-м лице единственного числа во всех типах аориста обеспечивает иконическое соотношение соответствующих форм единственного и множественного числа.

Окончания имперфекта:

Ед.ч.	Мн.ч.
1-ое л. - ѣхъ/-аахъ	-ѣхомъ/-аахомъ
2-ое л. - ѣше/-ааше	-ѣшете/-аашете
3-ье л. - ѣше/-ааше	-ѣхъ/-аахъ

Окончания императива во 2-м лице:

Ед.ч.	Мн.ч.
-и	-ѣте

Продолжения вышеуказанных соотнесенных окончаний в современных славянских языках сохраняют такую же иконическую связь.

II. В системе окончаний настоящего времени старославянского языка такая иконичность не проявлялась. Ср. пары окончаний единственного и множественного числа:

Ед.ч.	Мн.ч.
1-ое л. - ѣ	- мѣ
2-ое л. - ши	- те
3-ье л. - тѣ	- тѣ

Иконическое соотношение окончаний формируется только в ходе развития грамматической системы отдельных славянских языков. Способствуя такому процессу, в некоторых славянских языках происходят следующие изменения:

1. В первом лице множественного числа после падения редуцированного звука появляется гласный звук, прибавляя к корню новый слог. Ср. окончания 1-го лица множественного числа в следующих языках: укр. -мо /иногда -м/, болг. /разг./ -ме /четеме, знаеме, мислиме, държиме, наряду с литературными формами четем, знаем, мислим, държим/ сбх. -мо, словенск. -мо, чешск. -ме /иногда -м/, словацк. -ме, польск. -му, луж. -му.

2. Во втором лице единственного числа происходит сокращение во всех славянских языках: $[-\dot{s}i] > [-\dot{s}y] > [-\dot{s}]$.

3. В третьем лице единственного числа окончание может вообще отсутствовать /но не всегда/ в украинском и белорусском языках, в то время как в 3-м лице множественного числа окончание никогда не может быть опущено. Кроме названных языков подобное явление наблюдается и во многих русских говорах, особенно у глаголов первого спряжения: несе, знае, пише и др.⁷. Правда, такое сокращение формы 3-го лица единственного числа происходит и во всех южно- и западно-славянских языках, но здесь -- за исключением болгарского языка -- редукция осуществляется и во множественном числе.

III. Особый интерес представляют формы будущего времени в украинском и белорусском языках, где данная грамматическая категория может выражаться синтетическими средствами, т.е. окончаниями:

в украинском			в белорусском	
Ед.ч.	Мн.ч.		Ед.ч.	Мн.ч.
1-ое л.	-му	-мем/о/	-му	-мем
2-ое л.	-меш	-мете	-меш	-меце
3-ье л.	-ме	-мутъ	-ме	-муць

В обоих языках иконичность проявляется в чистой форме, во всех лицах, без каких-либо исключений.

IV. В тех славянских языках, в которых нет аориста и имперфекта, в прошедшем времени тем не менее можно выявить иконическую связь между окончаниями единственного и множественного числа. В восточно-славянских языках в единственном числе выступают окончания трех родов: р. -л, -ла, ло; укр. -в, -ла, -ло; белор. -ў, -ла, -ло.

Во множественном числе во всех этих языках употребляется окончание -ли. Иконическое соотношение наиболее ярко выражается между окончанием единственного числа мужского рода и окончанием -ли. Что же касается окончаний женского и среднего рода, то здесь не так легко найти подобное соотношение. Однако, следует указать на то, что [л] во флексии множественного числа противопоставляется гласным [а] и [о] своей более высокой степенью маркированности с точки зрения подъема языка в процессе артикуляции.

Более четко выражается иконичность в прошедшем времени в польском языке:

Ед.ч.	Мн.ч.
1-ое л. -em	-smy
2-ое л. -es	-ście
3-ье л. -ø	-ø

V. Сослагательное наклонение. Данная грамматическая категория в современных славянских языках выражается аналитическим путем. Единственным исключением является польский язык, в котором бывшие самостоятельные вспомогательные гла-

голы перейти в окончания. Система форм сослагательного наклонения в польском выглядит следующим образом:

Ед.ч.	Мн.ч.
1-ое л. -był	-byśmy
2-ое л. -byś	-byście
3-ье л. -by	-by

Иконический характер парадигм бесспорен.

Рассмотрев вышеуказанные парадигмы с точки зрения соотношений соответствующих окончаний единственного и множественного числа, можно подвести следующие итоги:

1. Парадигмы имен существительных и глаголов во всех славянских языках проявляют иконическую связь. Данная форма иконы называется диаграммой. Как известно, диаграммы характеризуются сходством между обозначающим и обозначаемым, причем это сходство вызвано соотношениями их частей. Другими словами, соотношения в обозначающем соответствуют соотношениям в обозначаемом.

2. Парадигмы имен прилагательных и местоимений такого типа иконической связи в целом не проявляют. Отсутствие диаграммы в отдельных случаях объясняется несколькими причинами, наиболее важной из которых является сохранение системой языка своеобразного баланса противоположных стремлений, в интересах предотвращения гипертрофии данной семиотической тенденции.

3. Выявить и понять вышеуказанные закономерности можно лишь учитывая, наряду с критериями сопоставительного языкознания, исторический процесс развития грамматики.

Замечания

1. Г. Балаж. Иконичность в истории русского склонения. *Dissertationes Slavicae. XV. Sectio linguistica.* с. 107--115. Szeged, 1983.
2. См.: *Collected Papers of C.S. Peirce. Vol. 2. Elements of logic.* Edited by C. Hartshorne and P. Weiss. Cambridge, Mass. 1932 /Second printing: 1960/, 156--173.
3. Там же, с. 110--113.
4. Т.А. Иванова. *Старославянский язык.* М., 1977, с. 119--121.
5. "It is now necessary to abandon the notion of the compound in the adjectival declension, and then we shall find that it represents the contraction paradigm of pronouns preserving the analogous proportion with respect to the non-contraction paradigms, as is the case with substantives". /J. Marvan. *On the Morphologic Disintegration of Slavic Unity. Morphologic Development of the Contraction.* In: *Slavic Word.* 1972, p. 321.
6. Интересно, что в верхнелужском языке существует способ дальнейшего усиления превосходной степени путем присоединения к корню префикса *na-*: *nanajčisćiši*. Ср. в венгерском языке: *szép - szebb - legszebb - legeslegszebb*.
7. К. Horálek. *Úvod do studia slovanských jazyků.* Praha, 1955, p. 155.
8. П.Я. Черных. *Историческая грамматика русского языка.* М., 1962, с. 249.

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ НОСОВЫХ В ПРАСЛАВЯНСКИХ
ФЛЕКСИЯХ
/на материале памятников старославянского языка/

Г. Вернке

При анализе истории флексии род.п. ед.ч. существительных с основой на ja¹ встал вопрос об изучении закономерностей возникновения носовых гласных в праславянском языке. Ввиду того, что в вышеупомянутой статье мы не могли рассмотреть этот вопрос, мы считаем уместным проделать это в настоящем кратком сообщении.

Для того, чтобы определить закономерности возникновения носовых в праславянских флексиях, мы должны рассмотреть фонетические явления конца слова в старославянском языке, где носовые флексии встречаются как в именной, так и в глагольной группах. С целью наглядности мы излагаем анализ по фонетическим группам. При анализе можно установить две главные фонетические группы:

1. если согласный = m

a/ -om > ъ
-iom > ъ
-um > ъ
-im > ъ
-m > ъ
-oom, oim > om > ъ

Хорошо видно, что в случае присутствия краткого гласного носовой не возникает.

б/ -am > 9
-iam > j9
-em > 9

Ясно, что долгий гласный плюс m в конце слова давали носовой.

2. если согласный = п

- а/ -ōn > у
 -āns > у
 -ōns > у
 -ūns > у
 -ins > і
 -ns > і

Как видно, гласный звук плюс п в конце слова не давали носового.

- б/ -ēn > ɸ /аналогия!/
 -ent > ɸ
 -iāns > ɸ~ě
 -ions > ɸ~ě
 -ont > ɸ
 -onti > ɸ
 -ontji > ɸ
 -nti > ɸ
 -int > ɸ

Судя по этой таблице, мы можем установить, что гласный звук плюс п давали носовой в конце слова только в том случае, если после п стоял еще и взрывной звук.

На основании вышеизложенного о возникновении носовых во флексии мы можем сказать следующее:

1/ В случае инд.е. окончания -м:

- ōm /-ām/ в конце слова = ɸ
 -ēm в конце слова = ɸ

Здесь достаточным и необходимым условием являются долгота гласного и наличие м.

2/ В случае инд.е. окончания -п:

- on в конце слова + взрывной звук = ɸ
 -ep в конце слова + взрывной звук = ɸ
 -ip в конце слова + взрывной звук = ɸ
 -p в конце слова + взрывной звук = ɸ

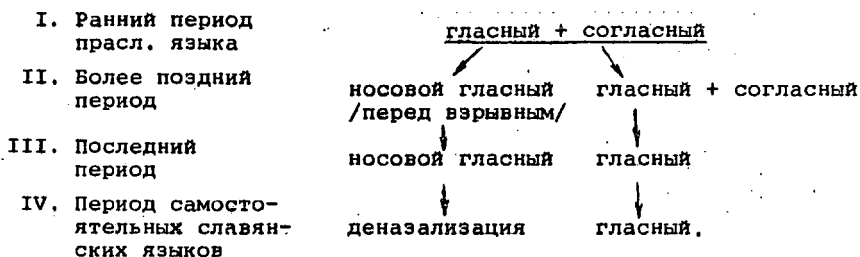
Следовательно, при этом типе фонетического развития конца слова необходимым условием является наличие взрывного звука после п, без которого носовой там не возникает². Взрывной звук, наличествующий после п, закрывает путь к самостоятельному образованию п, следовательно, п сливается с предыдущим гласным в носовом звуке.

Судя по вышесказанному, закономерность возникновения носовых во флексии мы можем сформулировать следующим образом:

Гласный + носовой согласный + затвор = носовой гласный.

В соответствии с вышеизложенной формулой, историю носовых мы можем представить в следующей схеме:

Н о с о в ы е

Замечания

1. См. Г. Вернке. К исторической морфологии русского языка. *Studia Slavica* 27, 1981, с. 281--295.
2. Отсутствие носового в некоторых формах причастий /ср. *sonťs* > *vy*/ объясняется тем, что звук *t* вскоре выпал, так возникло сочетание *-ons*, где *-ons* > *y*. В косвенных падежах *t* сохранился, значит возник носовой. В VI классе глаголов носовой в номинативе возник под влиянием косвенных падежей /ср. *molęsta* → *molę*/, эта форма даже повлияла и на III класс /ср. *znaję*/.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И
РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДРЕВНЕБОЛГАРСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ НА
РУСИ

И.Х. Тот

Долгое время возникновение русской письменности и связанные с ним вопросы рассматривались учеными механически, как результат влияния Византии и Болгарии. Закономерным явлением считалось, что крещение Руси повлекло за собой появление письменности и литературы. Явления, связанные с усвоением новой религии, повлекшие за собой перенос древнеболгарской письменности и литературы, трактовались как бы извне, без должного учета внутренних потребностей древнерусского общества. Этот упрощенный и механический подход в изучении древнерусской письменности был предметом критики русских ученых. Особенно ярко были сформулированы взгляды на появление письменности у русских известным советским ученым Д.С. Лихачевым, который подчеркивал, что происхождение русской письменности нельзя сводить лишь к введению христианства и появлению болгарских книг. При изучении возникновения русской письменности следует учесть внутренние моменты, внутренние потребности в письменности, которые были связаны прежде всего с потребностями русского общества¹. Первичными причинами появления письменности были не религиозные, а вполне "мирские", т.е. потребности государства, торговли и развитого ремесла, также, как и потребности развитых представлений о собственности -- вот важнейшие моменты, которые вызвали и способствовали появлению и закреплению письменности на Руси². Таким образом, введение христианства, крещение Руси сыграло не основную, а вспомогательную роль

в появлении письменности³. Концепция Д.С. Лихачева не отрицает крупной роли принятия христианства и появления письменности на Руси, но ставит акцент на том, что "церковь и церковная письменность имеют отношение не к первому, а ко второму этапу в развитии русской письменности: не к ее началу, а к ее развитию"⁴. Высказывания Д.С. Лихачева указывают на то, что возникновение письменности на Руси имеет как бы два русла: 1/ светские потребности развития русского общества, 2/ специальные условия, возникшие после введения христианства. Решающее значение имеют при этом потребности первой категории, которыми обусловлено и само принятие христианства. Ошибочно было бы думать, что Д.С. Лихачев преуменьшает значение христианской церкви на Руси в истории письменности. Насколько важным считает ученый эти аспекты, показывают его слова: "Официальное принятие христианства Русью имело очень большое значение в развитии и распространении письменности. Христианская церковная письменность способствовала упорядочению орфографии, приемов письма, установила письменный язык, без чего письменность не могла получить достаточно глубокого развития и т.д."⁵.

Так как в нашу задачу входит изучение возникновения и развития церковной письменности на Руси, мы должны обратить свое внимание прежде всего на те моменты, потребности, которые вызвали появление именно этого типа письменности на Руси, хотя мы не отрицаем важности факторов, способствовавших появлению письменности вообще, т.е. без их специальной сферы употребления. Поскольку принятие христианства было одним из важнейших факторов, требующих развитой письменности, следует прежде всего остановиться на истории введения христианства на Руси.

О крещении Руси, об этом исключительно важном событии писалось часто и много, однако специалисты признаются в том, что ни время установления христианства, ни ход событий еще

далеко не выяснены⁶. Установление христианства невозможно датировать крещением Владимира или крещением Руси в 989 г. Последняя дата является, с одной стороны, завершением более ранних попыток ввести христианство на Русь, а с другой стороны, эта дата обозначает только начало сложных процессов организации христианской церкви и связывается с сознательным стремлением углубить религиозное убеждение среди масс населения Руси, что связывается обычно и с борьбой против остатков "язычества", т.е. с симптомами двоеверия. Конечно, решающим моментом в установлении христианства было официальное крещение Руси при Владимире, что и вызвало появление "славянской письменности" на Руси. Однако оно является конечным пунктом длительного исторического процесса, начавшегося намного раньше, чем решение киевского князя Владимира о введении христианства на Руси. Несколько попыток, несомненно, имело место, которые привели к более или менее явным результатам.

Как традиция, так и исторические источники свидетельствуют о том, что христианство появилось прежде всего с юга. В этом отношении следует подчеркнуть значение Крыма, где с VII в. жило значительное по числу христианское население, прежде всего, сирийское. Особенно как возможный центр миссионерской деятельности выделяется город Корсунь, где была основана автокефальная архиепископия. Подобным же образом стал кафедральным местом населенный греками город Керчь, где число христиан было значительным. В VIII в. были созданы новые местные церкви, среди которых выделяется город Дорос как кафедра архиепископа, имевшего 7 суффраганов. Особенно сильной миссионерской деятельности со стороны византийской церкви подвергались анты, т.е. те восточные славяне, которые входили в состав хазарского каганата или жили на соседних с ними территориях. Среди них распространение христианства шло разными путями: 1/ из греческих

епархий Крымского полуострова, 2/ из Армении или Грузии, 3/ из городов Северного Кавказа.

Уместно предположить, что славянское население южных районов Руси имело возможность познакомиться с христианством сравнительно рано⁷.

Известно, что после осады Константинополя "Русью", предпринятой в 860 г., патриарх Фотий разворачивает широкую деятельность в интересах "пацификации" русских. Этим стремлением Фотия и правящих кругов Византии была вызвана хазарская миссия Константина Философа и его брата Мефодия. Однако Фотий стремился вовлечь русских в политическую сферу не только тем, что заключил союз с хазарами, чтобы в случае угрожающей Византии опасности со стороны русских хазары начали военные действия против русских. Фотий послал к русским и миссионеров с целью распространения христианства у восточных славян. Это событие падает на промежуток времени после крещения болгар /865 г./ до 867 г., когда Фотий был свергнут с патриархата. Его миссия оказалась успешной, как об этом сообщает в своем окружном письме сам патриарх, в котором мы читаем следующее: "Не только болгары обратились к христианству, но и тот народ, о котором много и часто говорится... т.е. так называемые русские. Поработив соседние народы и через то чрезмерно возгордившись, они подняли руку на ромейскую империю. Но теперь и они переменили эллинскую и безбожную веру, в которой прежде всего содержались, на чистое христианское учение, вошедши в число преданных нам и друзей, хотя незадолго перед тем грабили нас и обнаруживали необузданную дерзость. И в них возгорелась такая жажда веры и ревнивость, что они приняли пастыря и с великим тщанием исполняют христианские обряды"⁸. Известие об этом крещении русских попадает и в произведение Константина Богрянородного, написанное о его деде, и в хронику Продолжателя Феофана, однако с той разницей, что заслуга христианизации

ции русских в этих источниках приписывается не Фотию, а Василию I и патриарху Игнатию⁹. Однако память о Фотии как первом "крестителе" русских в источниках сохраняется. Об этом свидетельствует, между прочим, и приписываемый Владимиру церковный устав, где в разных редакциях и изводах часто упоминается Фотий, у которого Владимир "воспринял крещение"¹⁰. Это обстоятельство позволяет предположить, что в "научной литературе" древней Руси была жива память о миссии Фотия. Знаменитый патриарх много сделал в деле распространения христианства среди славян: при нем были крещены болгары, русские, была отправлена церковная миссия в Моравию. Фотий не был приверженцем учения о триглоссии, признавая или попросту терпя употребление народного языка в литургии. Однако, конечно, не известно, каким языком пользовались миссионеры Фотия среди русских. Несомненно, что миссия, отправленная Фотием, была успешной. Некоторые ученые видят успехи крещения Руси в том, что Аскольд /о котором по данным Никольской летописи можно предположить, что он был христианином/ крестился во время этой миссии. В этом отношении заслуживает внимания сказание о крещении Руси, написанное Анонимом и открытое А. Бандури. В.Г. Регель нашел на Патмосе полный текст этого сказания и издал его. По этому сказанию, Владимир посылает Василию I, чтобы прислали архиерея крестить народ. Несомненно, что Бандуриевое сказание является компиляцией. Его анонимный автор перепутал три события: 1/ информацию о крещении Руси патриархом Фотием, 2/ крещение Руси при Владимире и 3/ изобретение славянской азбуки Кириллом¹¹. Хронология Бандуриева сказания также трудно понимаема. Единственным решением вопроса является предположение о том, что миссионерская деятельность, начатая Фотием до 867 г., продолжалась Василием I. Однако не исключена возможность и того, что во время второго патриархата Фотия также была возобновлена миссионерская деятельность среди

русских. Дальнейших исследований требует вопрос о том, кого понимал Фотий под русскими: жителей южной части Руси или жителей всей тогдашней Руси.

Хорошо обоснованным является предположение, согласно которому к концу IX в. в Тмуторокани русское население было значительно христианизировано¹². Что касается Киева, то по договору князя Игоря с Византией несомненным является наличие христианского населения в Киеве, которое имело в своем распоряжении храм пророка Ильи. Они дали клятву на договор с греками именно в этом храме. В свете этих данных можно согласиться с выводом М.Н. Тихомирова о том, что "в 944 г. христианство уже было если не господствующей, но терпимой религией в Киеве"¹³. Среди жителей Киева принимали новую веру прежде всего купцы, которые, ведя торговлю с Византией, могли познакомиться с христианством посредством греков. Подобным образом были крещены и те русские, которые раньше служили в императорской гвардии. Однако, по всей вероятности, те русские, которые принимали христианство через греческое посредничество, в литургии пользовались греческим языком, ведь они знали в какой-то степени этот язык. Христианизация древней Руси шла и из другого источника. Древнерусские племена тиверцев и уличей, т.е. потомки бывших антов, жили между Днепром и Днестром. С западной стороны Днестра начинались поселения склаввинов, т.е. предков южнославянских племен. Позже уличи и тиверцы, переправляясь через Днестр, вторгались к Дунаю, а иногда и к морю¹⁴. Эти племена по их языку можно было считать славяно-болгарскими, которые позднее попали на территорию первого болгарского государства. После установления христианства в Болгарии славяно-болгарское население этой области, как и задунайских областей, которое также было крещено, употребляло в литургии древнеболгарский язык. В мирных сношениях эти болгары также являлись распространи-

телями христианства среди уличей и тиверцев, а позднее -- их потомков. Этим контактам русских с задунайскими славяно-болгарами следует придать большое значение в введении христианства на Руси¹⁵ -- тем более и потому, что болгары употребляли в литургии древнеболгарский язык. В силу значительной близости славянских языков в VIII--IX вв. болгары и русские хорошо могли понимать друг друга. В этом регионе и в этих контактах можно искать болгарские истоки христианства на Руси. О языковой близости русских с болгарами свидетельствует и рассказ Скилицы и Кедрина, правда, относящийся к более позднему времени, /к 970 г./, когда войско Святополка сражалось с византийцами, русские выстраивались вместе с болгарами, как говорящими на одном языке¹⁶. По-видимому, войска Святополка были разделены в отношении языка на три части. Первая часть состояла из болгар и русских, которые объединились потому, что хорошо понимали друг друга. Близость русского и болгарского языков, безусловно, облегчала общение русских с болгарами. Взаимное понимание способствовало и торговле в этом районе: здесь возникла и развивалась оживленная торговля. В этом отношении выделяется Переяславец /= Малый Преслав/ на Дунае, который был центром развитой торговли. В городе встречались купцы разных народов и продавались разные товары, привезенные из Византии, Чехии, Венгрии и Руси. Такая оживленная торговая жизнь через несколько лет наведет на мысль русского князя обосновать свою резиденцию в этом богатом, интересном городе¹⁷. Слова Святослава, по всей вероятности, относятся и к более ранним, мирным временам, когда торговля была особенно развита на этой территории, куда ездили торговать и русские купцы.

Новый стимул получило распространение христианства в Киеве ок. 954 г., когда крестилась княгиня Ольга, вдова князя Игоря. Через несколько лет после крещения Ольга по-

сетила Царьград, где она была принята с большими почестями. Ольга, которая была окружена придворными дамами, взяла с собой и своего священника Григория и переводчика. По всей вероятности, переговоры княгини были направлены на то, чтобы получить епископа из Византии. Переговоры Ольги в Константинополе оказались тщетными. Этим объясняется то, что в 959 г. она отправляет к Оттону I посольство с просьбой получить от него миссионеров и епископа. По поручению Оттона I Адальберт Трирский прибыл в Киев, но после неудачной миссии вернулся в 962 г.

Существует предположение -- на основании довольно позднего источника /с XIV в./ -- что Ольга велела построить церковь св. Софии в Киеве¹⁸, но некоторые специалисты /напр, Е. Голубинский/ довольно скептически относятся к этому известию. Е. Голубинский предполагает лишь то, что Ольга строила домовые церкви только для себя и для своей дружины¹⁹.

От Ольги власть перешла к ее сыну Святославу, который относился к христианству явно отрицательно. Святослав в 968 г. со своими многочисленными войсками нападает на Болгарию в качестве союзника императора Иоанна Цимисхия. Он вел два похода против Болгарии: в 968 г. Святославу удалось взять около 80 городов, потом он возвратился домой. Во время второго похода его войска дошли до болгарской столицы Преслава. Вступив в союз с болгарами²⁰, его войска защищали Преслав, который был взят войсками Цимисхия в 971 году. Императорские войска, ограбив город, захватили болгарского царя Бориса II, и все сокровище болгарских царей вывезли в Константинополь. Император Цимисхий объявил Болгарию покоренной страной. Вскоре после взятия столицы началось гонение болгарской автокефальной церкви, сжигались и уничтожались болгарские книги. Неблагоприятными условиями болгарской иерархии было вызвано то, что патриарх Дамьян сбежал в Охрид, чтобы сохранить самостоятельность болгарской церкви²¹. Предполагается, что во время походов Святослава бол-

гарские военнопленные, с одной стороны, и сбежавшее на Русь болгарское духовенство — с другой, также способствовали распространению христианства на Руси, что является вполне вероятным²². Не исключено, что некоторые представители высшего слоя из Преслава перешли через Дунай и ушли на Русь, где сыграли важную роль в христианизации и просвещении Руси²³.

О христианстве древней Руси при Святославе служит интересной информацией /вызывающей, однако, критику специалистов/ Козьма Пражский. Он в своей чешской истории приводит буллу папы Иоанна XIII, посланную чешскому королю Болеславу II об основании пражской епископии. Папа позволяет создать еще женский монастырь. Однако он запрещает употребление народного языка, заявляя при этом, что его отказ основывается на литургической практике Руси, где употребляется славянский язык: *"Verum tamen non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel Ruziae aut Slavonicae linguae, sed magis sequens instituta et dereta apostolica"*²⁴. Некоторые ученые относятся к этому сообщению Козьмы с сомнением, отрицая достоверность мнения чешского историка²⁵. Сам Е. Голубинский довольно скептически говорит о высказывании Козьмы, указывая, что слова летописи нуждаются в дальнейшей проверке и доказательстве относительно их достоверности²⁶. Однако другие ученые принимают достоверность этого источника. Ф. Красль и А.И. Соболевский сообщение Козьмы считают правдоподобным²⁷. Присоединяясь к аргументации Ф. Красля, мы считаем, что сообщение о существовании славянской, т.е. славяно-болгарской литургии ок. 972 г. на Руси действительно соответствует положению дел и отражает реальную действительность. В этом отношении подчеркнем то обстоятельство, что Ольге -- по словам писца жития -- прежде, чем она была крещена, "заповедали" о церковном уставе, о молитве, о посте, о милостыне и пр., т.е. она бы-

ла подготовлена²⁸. Сомнительно, что подготовка ее была проведена только на греческом языке, на том языке, которым вряд ли она владела свободно, как об этом свидетельствует и тот факт, что у нее был свой переводчик во время ее посещения в Константинополе²⁹. Наставления княгине в христианской религии, по всей вероятности, были совершены на древнеболгарском языке. Для нас правдоподобным является и наличие болгарских литературных книг, списанных для княгини. Подобное предположение было высказано и В. Мошным³⁰. Гнездовская надпись доказывает, что в первой четверти IX в. кириллица была распространена на Руси. Тот факт, что в "Повести временных лет" приводятся переводы договоров русских с Византией, может быть удовлетворительно объяснен только тем, если предположим существование княжеской канцелярии до официального крещения Руси³¹.

Возможно, что под конец X в. на Руси христианство существовало в двух разновидностях: в греческой разновидности для тех, кто крестился через посредство греков /купцы, солдаты/, и в славянской разновидности для тех, кто стал христианином посредством болгар. Последняя категория христиан, несомненно, имела и свои литургические книги, написанные на древнеболгарском языке. Что касается соотношения этих двух разновидностей христианства, мы согласны с выводами М.В. Левченко: "Христианизация древней Руси была длительным процессом, и в этом процессе до Владимира христианство болгарское оказывало более активное действие на древнюю Русь, чем христианство византийское"³².

Эта двойственность первоначального христианства на Руси решающим образом дает себя знать во время официального введения христианства на Руси, и даже позднее. Интересным и в то же время характерным фактом является то, что "о крещении Руси при Владимире не упоминает ни один византийский историк X--XI вв. Русско--византийские отношения XI--XII вв. также находят мало отражения в византийской исто-

рической литературе"³³. Этот поразительный факт, подчеркнутый неоднократно М.В. Левченко, требует объяснения³⁴. Молчание византийских историков о крещении Руси М.В. Левченко объясняет тем, что византийские историки как бы "считали унизительным" рассказывать об уступках, какие Византия вынуждена была сделать русскому князю"³⁵. В силу отсутствия непосредственных византийских данных исследователи должны обращаться к древнерусским источникам, которые, однако, далеко не лишены противоречий. В этом отношении заслуживают внимания три источника как более или менее достоверные: "Слово о законе и благодати Илариона", "Житие Бориса и Глеба", написанное Нестором, и "Память и похвала Владимиру", приписываемая монаху Якову³⁶. Как дополнительные материалы должны быть учтены данные "Повести временных лет" и других летописей. Из арабских источников своей объективностью и информативностью выделяется раздел хроники Яхья Антиохийского, составленный в первой половине XI в.³⁷. Но и эти источники не располагают довольно точными данными, что видно уже из того, как определяется дата крещения Владимира на Руси. "Повесть временных лет" пишет о крещении князя под 6496 /= 988 г./.. Однако специалисты относят крещение Владимира и крещение Руси к разным датам; так, например, по А.П. Власто, крещение Владимира совершилось в 987 г., а население Киева было крещено только в 990 г.³⁸ у М.Н. Тихомирова этим событиям соответствует дата 988 г.³⁹ Насколько туманны были некоторые события крещения Владимира, видно из того замечания, которое читаем в "Повести временных лет" о месте крещения Владимира: "Се же не сѣахуе право, глаголють, дано крестилъся естъ в Киевѣ, инни же рѣша в Василевѣ, друзи же инако снажють в Киевѣ"⁴⁰. Однако летописец как достоверное сведение сообщает, что русский князь крестился в

Корсуни в церкви св. Василия. После его крещения произошло бракосочетание с "царицей" Анной. По-видимому, именно тот факт, что Владимир добился своего бракосочетания с сестрой Василия II с помощью военных действий, был той причиной, которой объясняется молчание византийских историков о крещении Владимира и Руси⁴¹. Русские источники рассказывают о первых шагах организации церкви. По известиям "Повести временных лет" после бракосочетания "Володемер помыз царицу и Настаса, и попы корсуньски, с мощи святаго Климента и Фива, ученика его, поима съсуды церковныя и иконы ... Постави же церковь в Корсунн"⁴².

В Киеве после массового крещения киевлян князь построил церковь. Вскоре начинается постройка и другой церкви, посвященной Богородице, которую называют и Десятинной потому, что Владимир пожаловал церкви 1/10 часть своих доходов. Другие русские летописи проливают свет на начальные моменты организации русской церкви. В Ипатьевской летописи под 6499 / = 991 г. / читается следующее: "Помысли создати каменную церковь съзида вца и посла въз приведе мастера . ш горьиз ... како скончаша . оустрои ю иконами, и пороучи въз Настасу Корсунянину, и попы корсуньски . престава служити въ нем, вца ту все оше въз възалъ въз Корсунн иконы и съсуды церковныя . и престы"⁴³.

Эти данные, несмотря на грекофильную настроенность их авторов, делают бесспорным, что в деле распространения, утверждения и установления христианства Владимир опирался на греческое духовенство, на тех священников, которые прибыли из Корсуни. Среди них упоминается Анастас Корсунский. Иоаким Корсунский станет первым новгородским епископом. Первые каменные церкви строятся византийскими мастерами. Новые церкви обзаведены византийскими школами. Еще не сложилось первое поколение русского духовенства, поэтому Владимир вынужден прибегать к помощи византийского духовенства.

Сначала христианство сосредоточивается вокруг Киева

и только постепенно распространяется и на другие города Руси. По летописным данным, Владимир построил церковь Преображения в Василеве в 995 г. По летописным традициям, при жизни Владимира началась и организация русской церкви: с помощью греков он организовал семь епископий: новгородскую, белгородскую, черниговскую, туrowsкую, владимирскую, ростовскую и полоцкую⁴⁴. Число церквей быстро растет. По Титмару Мерсебургскому, посетившему Киев, только в Киеве было 400 церквей, что маловероятно.

Несомненно, что к эпохе Владимира восходят истоки самостоятельной русской митрополии. Известно, что исторические данные не дают точного ответа на то, кто был первым митрополитом Руси. По Никоновской летописи, обязанности выполнял сам Михаил, присланный императором еще в Корсунь⁴⁵. В церковных уставах, присланных Владимиру, первым митрополитом называется то Михаил, то Леонт, т.е. Леон⁴⁶. По исследованиям А.П. Власто первые митрополиты были греками. Власто дает следующий перечень митрополитов: 1/ Леон /с 992 г./, 2/ Феофилакт /996 г./, практически он не занял своего сана, 3/ Иоанн /1004--1008/, 4/ Феоппт /с 1039 г./ . Конечно, имелись случаи вакансий⁴⁷.

Исследовав список митрополитов, нам кажется неприемлемой теория М.Д. Приселкова, согласно которой древняя Русь, получив христианство от Византии, вплоть до 1037 г. была под непосредственным управлением болгарского патриархата⁴⁸. В пользу теории М.Д. Приселкова говорит широкое распространение древнеболгарского языка и письменности на Руси, которые появились среди русских, как мы видели, намного раньше крещения Владимира и установления христианства при нем. Теория М.Д. Приселкова была принята и развита Х. Кохом⁴⁹. Однако несмотря на остроумные попытки Приселкова, Коха и Вл. Мошина доказать ее жизнеспособность -- она была опровержена И. Снегаровым, оценивающим теорию М.Д. Приселкова

следующим образом: "Всичко това е построено остроумно, но без фактическата основа и в разрез с историческата действителности"⁵⁰. Действительно, в русских источниках нет ни указаний, ни конкретных данных о тех связях болгарской и русской церквей, которые привели к появлению и распространению древнеболгарского языка и древнеболгарской письменности в древней Руси. Единственным исключением является довольно спорное сообщение Якимовской летописи, приведенной в научный оборот В.И. Татищевым. В этой летописи мы находим следующий текст: "По семь нае Владимиръ на българи . и повелъ ихъ, миръ оучити и при-ата крещенне сам и сзѣнове его, и всю землю Рускую крести. Царь же болгарский Симонъ присла перен учены и книги доволны, и посла Владимиръ въ Царьградъ мо царю и патриаху просити митрополита"⁵¹.

Этот текст со своим явным анахронизмом, предполагая, что русские получили христианство от Симеона /умер в 927 г./ при Владимире, подтверждает, что русская церковь была организована византийской церковью, посланным царем митрополитом. Были предприняты попытки истолковать этот довольно противоречивый текст. Так, например, П.А. Лавровский, не сомневаясь в подлинности Якимовской летописи, доказывая ее достоверность, допуская, что сына болгарского царя Петра называли в честь деда Симеоном, не видит анахронизма в летописи⁵². Вряд ли можно, однако, на таком зыбком основании считать достоверным сообщение Якимовской летописи. И. Снегаров сообщение Якимовской летописи считает сомнительным, намекая на то, что изданная Татищевым летопись может быть и подделкой самого издателя⁵³. Подробности открытия Якимовской летописи внушают скорее сомнение, нежели доверие к источниковедческому значению этой летописи⁵⁴. Если попытки П.А. Лавровского истолковать сообщение Якимовской летописи мы не можем принять, то можно согласиться с его основ-

ным положением, по которому летопись "служит неопровержимым свидетельством, что учение христово, с древнейших дней его появления в нашем отечестве, облеклось в славянское, родное ему слово"⁵⁵. Надо сказать, что в последнее время В. Мошин считает, что историческая основа сообщения Якимовской летописи вполне очевидна, потому, что Владимир мог получить поддержку со стороны Самуила⁵⁶.

Рассмотрев важнейшие моменты церковного управления при Владимире, мы можем установить, что новосозданная русская церковь была организована византийской церковью и стояла под ее непосредственной юрисдикцией.

Наши скромные источники дают нам некоторые сведения не только относительно организации христианской церкви на Руси, но и информацию о просветительской деятельности Владимира. Довольно поздняя Ипатьевская летопись так характеризует книголюбие русского князя: "Въ во люба книжнага словеса, слыша во единою, ~~и~~ евангелие чюмо"⁵⁷. Хотя эта характеристика может быть своего рода "общим местом", которым следует украсить "равноапостольного" крестителя Руси, мы попытаемся это подвергнуть контролю с помощью других источников.

Житие Владимира, составленное, по всей вероятности, греком, сообщает следующее: "повелѣ крѣстьяномъ ставити церкви по тѣмъ мѣстомъ, нѣже нѣшныя стораши, а самъ постави черновъ святаго Василья на томъ холмѣ, нѣже стоялъ пероуны идола и повелѣ попомъ по градомъ и по селомъ люди по крещенію приводити и дѣти оучити грамотѣ"⁵⁸.

В похвале Владимиру монаха Иакова мы можем читать о том, что "и черновъ созда наменну во имя пресвятыя Богородица... и добогатину юи ваа... И потомъ всю землю Русскую и грады вса украси сватыми церквами"⁵⁹.

В проложном сказании говорится, что Владимир "Повелѣ же

по всемъ градомъ ставити церкви, а самъ созда церковъ свѣатѹ Богородицѹ"⁶⁰.

Эта информация об организационной деятельности князя Владимира попала, по всей вероятности, и в "Повесть временных лет". Повесть рассказывает о том, как князь собрал детей и организовал для них школу: "Пославъ нава поминати у нароучица уади дѣти, и давати нава на ученье книжное. Матере же уади снхъ планакѹсѹа по нихъ, еще бо вѣдѹ сѹа утвердани вѣроу, но акы по мертвецѹ планакѹсѹа"⁶¹.

Более подробно рассказывает о просветительской деятельности Владимира поздняя, составленная во второй половине XVI в. Патриаршая или Никоновская летопись, куда были включены более ранние летописные сборники. Здесь под 989 г. читаем: "Также по сѣмъ пресвѣщеннѹмъ Михаилѹ Кѣвскии и всеа Русѹи свѣщасѹа сѣзѹиомъ своимъ, сѹа княземъ Володимѹромъ, како наипаче утвердити православнѹю вѣрѹ, и наваша отъ отцевъ и матеренъ взимати младаѹа дѣти и давати во оучилище, учити сѹа грамотѹ. И вѣзѹи множество училищъ книжнѹхъ, тѣхъ же всехъ учителей грамотнѹхъ призываше изъ сѣбѹ митрополитѹ и навазѹиваше православіе и благоучитіе крѣпко сѣзѹадати, и безѹмнѹхъ рѣченъ и неподобнѹхъ ошати сѹа и вѣзѹи отъ нихъ множество любомѹдрѹхъ философѹ..."⁶².

Рассказ Патриаршей или Никоновской летописи дополняет интересными подробностями сообщение "Повести временных лет" и других источников об организации школ. Несмотря на некоторое явное преувеличение этой летописи мы можем установить, что в основном она верно рассказывает или реконструирует события, и в этом отношении мы можем принять ее свидетельство как достоверное, ведь, например, в школьном деле больших различий между XI-ым и XV-ым веками не было на Руси. На основании наших данных мы можем восстановить просветительскую деятельность Владимира и дело просвещения

при его правлении следующим образом:

1. Владимир начал строить церкви на Руси. Этот факт, с нашей точки зрения, важен по двум причинам. Во-первых, для того чтобы церкви могли функционировать, нужны были литургические книги; для каждой церкви нужно было обеспечить по 8--10 больших рукописных книг. Во-вторых, в средние века, как известно, церковь имела своей монополией распространение образования. Ее монополией было и просвещение. Только тот мог приобрести "плоды просвещения", кто, крестившись, приобщался к церкви.

2. В организации школ Владимир поступал, по всей вероятности, по совету греческих священников, которые были еще из Корсуни и были первыми "сеятелями", распространителями христианства и просвещения. Тот факт, что и в "Повести временных лет", и в Патриаршей летописи употребляются глаголы пымати, давати, взимати, т.е. глаголы с имперфективным, дуративным значением, указывает на то, что дети регулярно вербовались и отбирались для школьного учения. Следовательно, можно предположить, что школ было несколько. Организованные по советам митрополита школы, по свидетельству Патриаршей летописи, были под церковным управлением. Школы служили прежде всего не "мирским", а церковным интересам.

В оценке роли первых школ на Руси Е. Голубинским были высказаны интересные соображения, согласно которым Владимир не только набирал детей "нарочитой чади" для подготовки в священники; дети знатных людей были нужны ему и для государственной службы⁶³. В этой цели Владимира сомнений быть не может. Б.Д. Греков подчеркивает, что детей нарочитой чади набирали для того, чтобы создавать образованных людей и государственных деятелей⁶⁴. Имеется даже такое мнение, что созданная Владимиром школа не была обыкновенной школой, где дети обучались только грамоте. "Обучение книжное" обозначает систематическое школьное препода-

вание. Грамоте обучались не в этой школе⁶⁵. Решение этого вопроса не входит в нашу задачу. Однако несомненным является то, что школы, служившие церковным целям, посредственным образом служили и "мирским" интересам государства. При Владимире, бесспорно, были созданы первые школы, количество которых впоследствии начало расти. Существование школ предполагает обучение грамоте, что влечет за собой и распространение грамотности и развитие книжности.

Рассмотрев период установления христианства при Владимире, мы убедились в том, что в христианизации вначале участвовали греческие "попы", которые прибыли вместе с Владимиром и Анастасом Корсунским из Корсуни. Возможно, что некоторые из них знали русский язык, но вряд ли все они владели им. Они могли выучить русский язык только с течением времени. Однако крестить народ и держать, воспитывать его в новой вере -- это две разные задачи. Для последней нужны были такие священники, которые могли наставлять на своем языке. Одним словом, Владимиру нужен был клир, который мог общаться на своем языке с русскими верующими. Эту функцию могли выполнять болгарские священники, которые пользовались не только своим языком, но и своими богослужебными книгами. Несомненно, что до официального принятия христианства как болгарские книги, так и болгарские священники были известны в древней Руси. Эта традиция продолжалась и усилилась после официального принятия христианства русскими. Эта точка зрения отражается и в советской науке. По этому поводу М.Н. Тихомиров пишет следующее: "Есть все основания предполагать, что русская церковная обрядность X в. опиралась на болгарскую письменность. Во всяком случае никаких намеков на какую-либо другую письменность в русской церковной практике X в. мы не имеем"⁶⁶.

В пользу существования древнеболгарского языка, древнеболгарского духовенства и после крещения Руси говорят

следующие соображения: 1/ более ранняя традиция, т.е. распространенность древнеболгарской письменности и древнеболгарского языка на Руси до официального крещения восточных славян; 2/ относительная терпимость византийской церкви в отношении употребления "народного языка" в церковной, литургической функции. Что касается традиции существования "славянского языка" как богослужебного, следует указать еще на практику и теорию крупного византийского церковного деятеля и ученого, Фотия, который отправил Константина-Кирилла и Мефодия в Моравию. Эта точка зрения Фотия и его круга нашла отражение в венецианском диспуте Константина-Кирилла, опирающегося на слова апостола Павла.

По-видимому, не только Фотию, но и другим константинопольским патриархам была чужда триглоссия. Можно предположить, что константинопольская церковь, исходя из практических соображений, позволяла русской церкви пользоваться литургией на славянском языке. Несомненно, что после покорения Болгарии Византией в Болгарии начались преследования болгарского литургического языка, уничтожение болгарских книг и восстановление "прав" греческого языка как богослужебного. Однако ситуацию в покоренной Болгарии невозможно сравнить с положением русской церкви, той церкви, которая была церковью мощной и могучей в политическом и военном отношении сильной державы. Терпимость к народному языку как литургическому обыкновенно проявляется у византийцев в отношении тех народов, которые живут вне пределов империи, которых Византия намеревалась вовлечь в свою сферу интересов. Таково было положение и с Русью. Конечно, если какая-то страна стала подвластной Византии и ее жители стали ромеями, то и византийская империя потребовала -- как в случае с Болгарией -- употребления греческого языка как литургического вместо местного, живого народного языка.

Насколько важным считалось употребление народного

языка в функции литургического, видно из полемического сочинения против латинян, в котором ослабление православия среди венгров объясняется, между прочим, и тем обстоятельством, что венгры не имели литургических книг на своем языке. Одной из причин неудачи греческой миссии явилось то, что "по ѡзънѣ коу своемуу книгъ не имѣху"⁶⁷.

В этой связи заслуживает внимания ситуация в Венгрии. Начиная с конца 40-х годов X в., Византия развертывает широкую миссионерскую деятельность среди венгров. Несмотря, однако, на это обстоятельство, все термины "греческого христианства" заимствованы венграми из древнеболгарского языка. Это парадоксальное положение удовлетворительно может быть объяснено только так, если предположим, что византийские священники лишь управляли миссионерской деятельностью среди венгров: практически византийская миссия была осуществлена сотрудничеством болгарского духовенства⁶⁸.

Приблизительно таково было положение и в древней Руси: помощниками византийской миссии были болгары, которые имели на своем языке необходимую литературу, созданную с ведома и согласия Византии. 3/ Византийская церковь разрешала русским пользоваться древнеболгарским литургическим языком как своим народным. Предположить это дает нам право то обстоятельство, что, говоря на родственных, близких друг другу языках, русские и болгары хорошо понимали друг друга. Не исключено было и то, что в силу указанной близости этих двух языков /о чем уже шла речь/ византийцы полагали, что в основном речь идет только об одном "варварском" языке.

Эти соображения позволяют нам установить, что литургическим языком русской церкви стал древнеболгарский, на котором была создана богатая церковная литература, прежде всего переводная, но также и самостоятельная болгарская литература. Русские познакомились с достижениями византийской литературы посредством древнеболгарского языка и пись-

менности. Таким образом, сначала русские познакомились с памятниками византийской культуры через болгарскую рецензию⁶⁹. В древней Руси появились древнеболгарская письменность в функции "литературы--посредницы" и древнеболгарский язык как носитель этой литературы--посредницы. Конечно, появление древнеболгарской литературы--посредницы повлияло на развитие русской культуры стимулирующим образом. Русские не только пассивно "перенимали" древнеболгарскую литературу, но она получила на Руси своеобразную адаптацию. Этот факт своеобразной адаптации древнеболгарской литературы--посредницы русскими Д.С. Лихачев называет трансплантацией⁷⁰.

История древнеболгарской литературы--посредницы, как и судьбы древнеболгарского языка, связаны с событиями истории русских. В этом отношении особо следует остановиться на деятельности Ярослава Мудрого, значение которой в истории русской культуры не может оспариваться.

Древнерусский летописец так характеризует эпоху и деятельность Ярослава Мудрого, сына Владимира: "Отець во сего Володимѣръ землю вѣра и . . . реще просвѣтивъ. Съ же настѣи книжныи ми словесы вѣри хъ людии"⁷¹

Княжение Ярослава Мудрого, хотя вначале оно казалось не многообещающим, принято сравнивать с княжением Симеона в Болгарии⁷². Е. Голубинский отзывался о заслугах сына Владимира таким образом: "Русь, крещенную Владимиром, он сделал книжною и грамотною"⁷³. Он основал культуру древней Руси, заменяя простую грамотность на более высокий уровень, на уровень просвещения.

С нашей точки зрения, можно определить важнейшие моменты просветительной деятельности Ярослава Мудрого следующим образом. 1/ Организация школ, 2/ постройка новых церквей и первых монастырей в Киеве, 3/ организация "переводческой мастерской" и скриптория в Киеве, 4/ стремление освободить русскую церковь от греческого влияния.

В дальнейшем мы отдельно остановимся на этих моментах деятельности Ярослава Владимировича.

1. В "Повести временных лет" отсутствует сообщение о Ярославе как организаторе школы в Новгороде /нет такого и в Ипатьевской летописи/. Однако в Патриаршей летописи под 6538 /1030 г./ читается следующее: "и прииде Новугороду и собравъ отъ старостъ и отъ прѣвитеровъ дѣти 300 и повелъ учити книгамъ"⁷⁴. В специальной литературе высказано мнение, согласно которому здесь идет речь о такой школе, задачей которой была подготовка священников⁷⁵. Естественно, это предположение может быть целиком приемлемым только тогда, если будет определена разница между оборотами учити книгамъ и учение книжное. Несомненным является также и то, что 300 учеников для подготовки священников -- это "цифра не маленькая даже для такого города, как Новгород"⁷⁶. Целью создания школы было "обеспечение" города священниками и грамотными людьми, что вполне понятно. Это стремление Ярослава увенчалось крупными успехами, ведь берестяные грамоты, найденные в Новгороде, свидетельствуют о широком распространении грамотности. Памятником новгородской школьной жизни и обучения грамоте являются берестяные грамоты, исполнителем которых был мальчик Онфин на рубеже XII--XIII вв.⁷⁷ Возможно, дети этой школы учились по болгарским книгам и по ним усваивали древнеболгарский язык⁷⁸.

2. "Повесть временных лет" подчеркивает, что Ярослав кроме киевских церквей строил и другие церковные здания: "и нмѣи църкви ставаше по градомъ и по мѣстомъ, поставляша попи и даша нмѣи отъ мѣныа своего уронъ, велѣи нмѣи учити люди"⁷⁹. В столице Руси он построил Золотые ворота, над которыми был сооружен храм Благовещения. Он основал два монастыря: мужской св. Георгию и женский св. Ирине, недалеко от крупнейшего сооружения, возведенного Ярославом в Киеве

-- от собора Софии, который был основан в 1037 г. Новые церкви и особенно новые монастыри без книг не могли выполнять своих функций. Нехватка книг явно была ощутимой, что объясняется полным покорением Болгарии /1018/ Византией: болгарские рукописи русским уже не были доступны; или же ввоз книг на Русь значительно затруднялся. В такой ситуации русским приходилось обращаться к уже существовавшим в древней Руси более ранним спискам древнеболгарских рукописей и заниматься их списыванием. Сам князь сознавал затруднения с ввозом болгарских книг и предпринимал необходимые меры.

3. "Повесть временных лет", характеризую Ярослава Мудрого, красноречиво описывает его книголюбие: "И книгамъ прилежаша, и почиташа о чести въ мѣстѣхъ и въ днѣхъ. Ярославъ же сени, ѿкоже речедохомъ, любилъ быти книгамъ"⁸⁰. Однако не только книголюбие заставило Ярослава создать переводческую мастерскую в Софийском соборе, но также и реально ощутимая нехватка книг. О крупных мероприятиях князя мы читаем в "Повести временных лет": "И собра писцы мнози и прекладаше от грѣкъ на словѣньское писмо. И списаша книги мнози", "И мнози написавъ /т.е. книги/ положи в святѣхъ Софѣхъ церквехъ, юже созда самъ"^{80а}. У специалистов на это сообщение летописи выработались разные точки зрения относительно того, идет ли речь о переводе греческих книг, или же летописец имел в виду лишь списывание книг. По нашему мнению, здесь речь идет о двух типах деятельности писцов: 1/ о переводе книг с греческого языка на древнеболгарский язык русского извода и 2/ о списывании рукописей древнеболгарских памятников письменности, так как новые церковные учреждения нуждались в книгах в большом количестве. Что касается переводов с греческого языка, то, вероятно, они представляли собой прежде всего "мирские" книги. Еще А.И. Соболевским был отмечен круг тех произведений, которые были переведены на Русь. К ним относятся такие переводы, как Житие Андрея

Юродивого, Топография Козьмы Индикоплова, История иудейской войны И. Флавия и многие другие⁸¹. Была высказана интересная гипотеза относительно того, что хроника Георгия Амартола и История иудейской войны были переведены в Киеве в эпоху Ярослава⁸².

Особенно важной для нас является "техническая сторона" основания мастерской, созданной Ярославом Мудрым. Больше всего этими вопросами занимался Е. Голубинский, указавший на то, что Ярославу потребовалось приобрести прежде всего греческие оригиналы для перевода, обеспечить писцов писчими материалами, пергаменом, материально их обеспечить /платить им/. Но для нас самым важным является вопрос о том, откуда набрал князь самих писцов, ведь "в тогдашнем Киеве он ни под каким видом не мог найти более десяти писцов"⁸³. Е. Голубинский предполагает, что часть переводчиков Ярослав пригласил из Болгарии, что является весьма правдоподобным. По мнению В.И. Истрина, в этой переводческой школе переводчиками могли быть обрусевшие болгары и выросшие "нарочитые чади"⁸⁴. Из русских книжников, по всей вероятности, со скрипторием и библиотекой Ярослава Мудрого был связан будущий митрополит Иларион⁸⁵. Переведенные книги /или только их часть/ были переданы Софийскому собору, где они и хранились. Таким образом, первая "публичная" библиотека на Руси была создана в соборе Софии. Нам кажется, что сама "мастерская" и скрипторий находились также в соборе или недалеко от него. Несомненно, что мероприятия Ярослава имели важные последствия и в том отношении, что в Киеве зародилось сословие ремесленников--писцов.

4. При Ярославе Мудром в Киев прибыл новый митрополит -- грек из Византии -- Феопемпт /ок. 1039 г./. Известно, что Ярослав после смерти новгородского епископа Иоакима Корсунянина /1036 г./ назначил новгородским епископом не грека, а русского Луку Жидяту, что вряд ли обошлось без осложнений⁸⁶. Ярослав не желал быть вассалом византийско-

го императора. Его стремление к самостоятельности нашло отражение и в его церковной политике: он назначил епископом русского. К началу 40-х годов, по-видимому, отношения Руси с Византией ухудшились. В 1043 г. вспыхнула не-продолжительная русско--византийская война, оказавшаяся неудачной для русских. Военные действия, с одной стороны, и стремления Ярослава к церковной независимости, с другой, несомненно, сыграли значительную роль в том, что Ярослав на место удалившегося в Византию митрополита Феопемпта поддержал избрание своего кандидата Илариона, как об этом свидетельствует сообщение "Повести временных лет" под 6559 /1051 г./: "Постави Ярославъ Илариона митрополитомъ, русина въ сѣвѣнѣ Софїи собравъ епископы". Возведение Илариона в митрополиты с точки зрения Ярослава было совершенно законным делом. Собралось совещание русских епископов в соборе Софии, где епископы выбрали митрополитом Илариона -- талантливого, ученого церковного проповедника. Однако, по византийскому церковному праву возведение Илариона было незаконным, поскольку его избрание было совершено без согласия константинопольского патриарха. Естественно, патриарх отказал в утверждении русского митрополита, и Иларион должен был оставить свой сан. Новым киевским митрополитом стал Ефрем.

Попытки Ярослава Мудрого завоевать церковную независимость Руси оказались неудачными. Однако на этом пути он сделал первый шаг. Некоторый успех был достигнут преемниками князя: еще при Ярославе почти все епископы были греками, но после его смерти большинство епископских кафедр было занято русскими несмотря на то, что митрополиты приезжали из Константинополя⁸⁷. Стремлением освободиться от греческого влияния, очевидно, можно объяснить и тот факт, что Ярослав собрал значительное количество писцов, чтобы они переводили книги с греческого языка.

Несомненно, что роль, функция и авторитет "книжного почитанья" выросли на Руси при Ярославе. Уважение к книгам и чтению книг выражается и автором "Повести временных лет", который красноречиво излагает большую пользу "от ученья книжного".

Бесспорным является факт, что при Ярославе просвещение действительно ярко процветало в Киеве и других крупных городах древней Руси, что скрывало в себе дальнейшие возможности роста и распространения просвещения.

При Ярославе и его преемниках несмотря на княжеские междоусобицы и войны значительно возросло число церквей. Рост церквей означает не только то, что в больших городах увеличивалось количество церквей. Рост церквей выражался и в том, что церкви, зачастую значительно по своему размеру, строятся и в тех русских городах, где раньше их вообще не было или, если они и были, то были просто деревянными. Так, в 1045 г. Владимир Ярославович основал Софийский собор в Новгороде. Строится церковь и в Полоцке. Новые епархии были учреждены в Юрьеве, Переяславле. Рост числа церквей означал, что растет спрос на церковные книги. По подсчетам В.В. Сапунова, "предельный минимум" книг для приходской или домово́й церкви приближался к восьми /что считается некоторыми специалистами слишком скромным/⁸⁸. Быстрый рост церквей повлек за собой возрастающее число церковных книг.

В древней Руси до конца XI в. так сложился процесс постройки церквей в больших городах:

Киев: Десятинная церковь /освящена в 996 г./, Святая София /1037 г./, церковь Благовещения над Золотыми воротами, собор Георгиевского монастыря, собор Ирининского монастыря /основанные Ярославом Мудрым/, собор Дмитриевского монастыря /до 1062 г./, собор Николаевского женского монастыря, собор Симеоновского монастыря, основанный Святославом Яро-

славичем до 1075 г., собор Михайловского Выдубицкого монастыря /1070--1088 гг./, собор монастыря Печерского /ок. 1070--1080 гг./, собор Михайловского Златоверхого /1108 г./, собор Спасского монастыря /ок. 1072 г./. Таким образом, в Киеве до конца XI в. было построено 12 каменных церквей, из которых 9 находилось в разных монастырях.

Переяславль: собор архангела Михаила /освящен в 1089 г./, церковь св.Андрея /упоминается под 1089/1090 гг./, церковь Богородицы /1098 г./.

Чернигов: Спасский собор /1036 г./.

Полоцк: церковь св.Софии /до 1101 г./.

Смоленск: Собор Успения Богородицы /до 1101 г./.

Новгород: кафедральный собор св.Софии /1045--1053 гг./, церковь Благовещения /1103 г./, церковь Николая /1113 г./, церковь Феодора Тирона /1115 г./, церковь Николая Стратилата /1118 г./, церковь Рождества Богородицы /1117--1119 гг./, церковь монастыря св.Георгия /1119 г./.

Интересно, по данным составленного нами списка каменных церквей Руси, что в Новгороде значительно запаздывает постройка каменных церквей, чем в Киеве: в XI в. в Новгороде была построена только одна каменная церковь /собор св. Софии/, тогда как в Киеве за этот период было построено 12 каменных церквей. Конечно, деревянные церкви могли быть как в Киеве, так и в Новгороде. По-видимому, при такой "некаменной" церкви была организована школа, которая предназначалась Ярославом Мудрым в 1031 г. для подготовки священников. По всей вероятности, она находилась при тринадцатиглавой деревянной Софии, построенной еще в 989 г.

Еще больше книг требовалось для монастырей. Для них необходимо предположить наличие большого количества учительских книг. Жизнь монастыря и монастырской братии определялась Уставом. По "Повести временных лет", в 1051 г. игумен

Печерского монастыря Феодосий ввел в монастырь устав греческого Студийского монастыря /в редакции патриарха Алексея/. Устав был списан иноком Ефремом в одном из константинопольских монастырей, откуда рукопись устава он переслал Феодосию⁸⁹. По уставу, чтение занимает значительное место в монашеской жизни. В трапезнице монахи при чтении питаются, и во время трапезы "внимают" душеполезным учениям предлагаемого чтения⁹⁰. В свободное время монахи "собираются в библиотеку и берет каждый книгу и читает до вечера". Сам Феодосий учил братию, как это было предписано уставом, заниматься дочитанием книг⁹¹. По 26-ой статье устава монастыри должны иметь библиотеку и книгохранителя, который заботится о выдаче и водворении книг в библиотеку. В рукописи Студийского устава XII в., хранящейся в ГИМ, на листе 261 читаем советы, как надо "всацѣмъ прилежаннѣмъ книги, блюсти". Здесь предписывается беречь хартию от "остквернения"⁹². В монастырской библиотеке, как правило, имела богатая коллекция рукописных книг. Монастырские собрания книг обыкновенно состояли из рукописей различного назначения: на первом месте следует упомянуть рукописи, предназначенные для богослужения. "Четьи книги" содержали назидательные чтения и были предписаны для монастырской братии. Наконец, имелись книги и для чтения в келии; они составляли "келийную литературу"⁹³. В крупных монастырях имелись и скриптории, где монахи списывали рукописи для библиотеки своего монастыря. По Студийскому уставу, каллиграфы имели своего рода "уступки" в строгой монастырской жизни⁹⁴. По-видимому, грамотность была одним из требований, предъявлявшихся к монахам. Из сказанного выше явствует, что рост монастырей, с одной стороны, означает и рост спроса на книги и рост рукописей, списанных в монастырских скрипториях. С этой точки зрения оказывается небезынтересным рассмотреть процесс постройки известных нам

монастырей до первой половины XII в.

Киев: Георгиевский, Ирининский женский /основаны Ярославом Мудрым/, Дмитриевский, Николаевский женский /построенные Изяславом -- 1078 г./, Печерский, основанный Антонием /вышедший на верх земли в 1062 г./, монастырь св. Мины, Михайловский Выдубицкий, Андреевский Янчин, основанные Всеволодом /1093 г./, Михайловский Златоверхний, построенный Святотополком Изяславичем /1113 г./, Кловский, построенный Стефаном, бывшим игуменом Печерского монастыря, Спасский Берестовский /ок. 1072 г./, Федоровский /1128 г./, Лазарев монастырь /ок. 1113 г./.

Переяславль: Иановский /ок. 1072 г./, Борисо-Глебский /ок. 1074 г./.

Чернигов: Успенский или Болдинский /ок. 1074 г./, Ильинский-Троицкий, построенный Святославом.

Владимир Волынский: Святогорский /до 1074 г./.

Полоцк: Спасский, Богородицкий, построенные Ефросинией Полоцкой.

Смоленск: Борисо-Глебский /ок. 1138 г./.

Новгород: Антониев монастырь /1117 г./, Юрьев монастырь /ок. 1119 г./, Воскресенский женский /ок. 1138 г./, Зверин /1148 г./.

Суздаль: Дмитриевский /ок. 1096 г./

Тмутарокань: монастырь Богородицы, основанный Никоном.

Этот список монастырей, просуществовавших на Руси до первой половины XII в., наглядно показывает, как было необходимо большое количество рукописей для того, чтобы обеспечить монашествующих соответствующими книгами.

Монастыри имели большое значение в деле распространения просвещения, книжности, образованности. Они были "центрами письменности и образования. Более или менее богатый

древнерусский монастырь обычно имел хорошую библиотеку и при ней штаты писцов. Здесь вырабатывались определенные навыки писцов, трудившихся над перепиской книг. Здесь же создавались и оригинальные памятники, напр., жития святых, летописи, различные церковные сказания"⁹⁵.

Наряду с Софийским собором в Киеве центрами образования стали именно монастыри. Из всех киевских и русских монастырей своей крупной просветительской ролью выделяется Печерский монастырь. Печерский монастырь был поддержкой Ярослава в его борьбе за церковную самостоятельность. Здесь жили выдающиеся люди эпохи, которые своей деятельностью содействовали развитию и распространению просвещения, образования и письменности на Руси. С монастырем был связан и митрополит Иларион. Основатель монастыря Антоний был незаурядным человеком. В монастыре проживали такие деятели древнерусской культуры, как Феодосий Печерский /1074 г./, Никон, продолжатель летописи, Мних Иаков, написавший "Похвалу князю Владимиру" и знаменитый Нестор--летописец. Мы имеем косвенные данные относительно библиотеки монастыря: в XIII в. здесь хранились еще греческие книги, привезенные византийскими живописцами еще во второй половине XI в.⁹⁶. Можно сделать вывод и о том, что здесь работал уже при Феодосии скрипторий и мастерская для переплета книг. Известно, что инок Ларион "взялъ дитро писати книги", Феодосий пряд нити для переплета, а Никон переплетал рукописи, списанные в монастыре⁹⁷. Не все признают в Киево-Печерском монастыре существование скриптория. Напр., В.В. Розов предполагает, что книги оформлялись по кельям⁹⁸. О высоком культурном уровне Печерского монастыря свидетельствует тот факт, что, по словам епископа Симеона, около 50 епископов, поставленных на Руси до первой четверти XIII в. были воспитанниками Киево-Печерского монастыря. Действительно, этот монастырь служил "школой" подготовки древнерусских книжников.

Третьим культурным центром Киева был Выдубицкий монастырь, развивший свою деятельность в XII в.

Известно, что в Киеве возникли Изборник 1073 и Изборник 1076 г. Неизвестно, где были списаны или составлены эти рукописи /в случае Изборника 1076 г./. Однако в Изборнике 1076 г. писец, руководивший главной работой по переписыванию, на л. 275б-276а пишет следующее: "изърано изъ мѣ| ногъ книгъ и наж| нѣз". Выходная запись писца Иоанна позволяет установить, что переписывание было совершено там, где хранились "князьи книги", т.е. вне монастырских стен. Нам кажется, что при соборе Софии существовал княжеский скрипторий; там списывались рукописи светского характера. Вторым культурным центром древней Руси в конце XI в. был Великий Новгород, где в Софийском соборе сложилась вторая публичная библиотека на Руси. Здесь своеобразными факелами культуры служили Юрьев, Хутынский, Антониев и Воскресенский монастыри⁹⁹.

Значение Новгорода в истории русской письменности доказывает то обстоятельство, что большинство сохранившихся рукописей X--XIII вв. составляют рукописи новгородского происхождения. В этом можно видеть продолжение рукописной традиции. Известно, что древнейшая, известная нам русская книга была списана в Новгороде в 1046 г. новгородским Упырем Лихим. В других городах древней Руси также возникали центры письменности: во Пскове, Галиче, Смоленске /Зарубский монастырь/.

В сохранившихся до нас рукописях иногда в записях, сделанных писцами, мы находим интересные сведения об их писцах. С XI по XIV вв. известно 144 имени писцов. Писцы по социальному составу делились на три группы: представители белого /39/ и черного /17 имен/ духовенства, а также люди, не указавшие своей принадлежности к духовенству /89

имен/, что скорее свидетельствует о "мирском" происхождении мастеров, писцов книг. Н.Н. Розов установил и то, что в сохранившихся рукописях X--XIII вв. всего лишь один раз указывается, что писец был монахом¹⁰⁰. Этот факт явно противоречит тому, что мы знаем о роли монашествующих в истории просвещения на Руси. По-видимому, среди тех писцов, которыми не была указана их принадлежность к духовному сословию, были и монахи, которые считали неуместным увековечить свое имя.

Введение Студийского устава и в других монастырях Руси, несомненно, сыграло большую роль и в том, что к чтению проявлялся большой интерес. Об этом возрастающем интересе свидетельствует приписка на л. 16 Папдектов Антиоха, рукописи XI в. из Воскресенского собрания ГИМ. Рукопись № 30 Воскресенского собрания содержит Папдекты Антиоха Черноризца, писателя VI в. Папдекты Антиоха предназначались для монашествующих как учительная литература, которая была призвана наставлять монаха на правильный христианский образ жизни. Папдекты составляли, бесспорно, часть той литературы, которая читалась в монастырях. Однако на л. 16 находится другой текст под заглавием "Слово о пользе чтения книг" Иоанна Златоуста. Это "Слово", приписывавшееся Иоанну Златоусту, в действительности вышло из-под пера Ефрема Сирина. Оно попало в Скитский патерик, который /или часть его/ стал известным на Руси уже в XI в. Из утерянного Скитского патерика списали "Слово о пользе чтения книг" в рукопись, предназначенную для ежедневного чтения. "Слово о пользе чтения книг" в действительности не излагает преимущества "книжного почитания", а дает практические советы, относящиеся к технике чтения книг¹⁰¹. По-видимому, неизвестный писец, почерк которого отличается от остальных почерков Папдектов, счел нужным и целесообразным научить братию правилам правильного, эффективного чтения и с этой целью из Скитского

патерика списал "Слово о пользе чтения книг" на свободный лист рукописи с Папдектами Антиоха. Если допустить, что "Слово о пользе чтения книг" было списано почти одновременно с основным текстом рукописи Воскр.30 или немного позднее ее возникновения, но после введения в русских монастырях Студийского устава в 70-х годах XI в., то можно предположить, что "Слово о пользе чтения книг" является очень ранним текстом. Известно, что "Слово некоего калугера о пользе чтения книг", с которого начинается Изборник 1076 г., считается более или менее самостоятельным сочинением, возникшим на Руси¹⁰². Несомненно, что помещенный в рукописи Воскр.30 текст служил источником при компоновке "Слова некоего калугера о пользе чтения книг". Безусловно, советы "Слова о пользе чтения книг" были весьма актуальными для "книжных людей" Руси XII в. и поэтому книжники охотно их цитировали, даже с его помощью сочиняли новый текст -- "Слово" вступило на путь к самостоятельной литературной деятельности. Воскресенский вариант "Слова о пользе чтения книг" попал в Патерик Скалигера. Популярность таких практических советов о технике чтения доказывается и тем, что "Слово" св.Ефрема о том, как надо читать книги, переработано одним из составителей Троицкого списка Новгородской первой летописи¹⁰³.

Среди исследователей нет сомнения в том, что византийно--христианская литература водворилась на Руси прежде всего путем появления болгарской литературы--посредницы. Однако в нашем распоряжении, как и это неоднократно подчеркивается специалистами, нет непосредственных указаний на то, как проявилась и распространилась болгарская письменность. Только косвенным путем можно установить важнейшие моменты русско--болгарских культурных связей. С этой точки зрения заслуживает внимания вопрос о появлении болгарской письменности на Руси. Относительно этого вопроса за последнее вре-

мя было высказано две интересные гипотезы.

Известный текстолог и палеославист Л.П. Жуковская, рассматривая судьбу оригинала Изборника Святослава 1073 г., устанавливает три пути, по которым шли рукописи из Болгарии на Русь. Эти пути иллюстрируются судьбой Изборника Симеона, который стал оригиналом для Изборника 1073 г.

1. Изборник Симеона был захвачен или куплен древнеруссами во время походов в Болгарию.

2. Русские могли получить Изборник как подарок от византийцев, которые захватили Болгарию после победы Цимисхия.

3. Изборник мог быть передан самими болгарами, сбежавшими от византийцев на Русь.

Рассмотрев эти возможности, Л.П. Жуковская предполагает, что сборник Симеона попал на Русь вместе с теми болгарами, которые бежали на Русь в 1001--1014 гг.¹⁰⁴

Слабой точкой гипотезы Л.П. Жуковской является то обстоятельство, что на Русь попал не только Изборник Симеона. Должны были переходить -- и переходили -- в большом количестве и другие древнеболгарские книги. Однако не исключено, что в случае других рукописей имело место первый или второй путь миграции книги на Русь. М.В. Щепкина, один из лучших знатоков древнерусской письменности, разработала весьма интересную гипотезу, по которой она объясняет появление и распространение древнеболгарского языка и древнеболгарской письменности на Руси после крещения Владимира. Болгарское влияние, которое никто не может отрицать, осуществлялось постепенно в несколько фаз. М.В. Щепкина на основании некоторых соображений И.И. Срезневского и А.И. Соболевского предполагает, что 1/ священники, прибывшие с Анной, женой Владимира, вербовались из представителей болгарского духовенства Восточной Болгарии. "Они говорили на старославянском языке, владели славянской письменностью"¹⁰⁵. Епископы Анастас и Иоаким, первые сподвижники Владимира,

были выходцами из Восточной Болгарии. 3/ Император Василий II, пославший опытных священников из Восточной Болгарии, послал с Анной и книги, написанные кириллицей. 4/ Возможно, что по приказанию императора в Киев перевезли роскошную библиотеку царя Симеона, захваченную из Преслава Иоанном Цимисхием¹⁰⁶.

Некоторые списки, выполненные русскими писцами, выдаются роскошно оформленный восточноболгарский оригинал, который с течением времени погиб, был уничтожен на Руси. Такими были оригиналы Изборника 1073 г., Учительного евангелия Константина Преславского XII в., Слово об Антихристе. Общей чертой этих трех списков является то, что в их оригиналах имелось изображение болгарских князей. В Изборнике Святослава изображение Симеона и его семьи заменено миниатюрой о Святославе и его семье. В остальных двух рукописях сохраняется изображение Бориса-Михаила. М.В. Щепкина полагает, что оригиналы этих рукописей составляли часть библиотеки Симеона. Исследователь предполагает, что на Русь перешла вся библиотека болгарских князей, хранившаяся с 971 года в Софии в Константинополе¹⁰⁷. После 988 г. древнеболгарские писцы переселились в Киев. Этим объясняется быстрое распространение грамотности на Руси. Гипотеза М.В. Щепкиной является пока остроумной рабочей гипотезой, однако исследователь подчеркивает: "Нам кажется, что другого способа распространить просвещение в Киевской Руси не было. Как ни мало следов осталось от этого просвещения, но они остались, и они настолько характерны, что другого объяснения найти нельзя. Эти учителя и эти книги внесли просвещение в Киевскую Русь и воспитали таких людей, как Иларион и Феодосий"¹⁰⁸.

Известный специалист в области "миграции болгарских книг" Куйо Куев останавливается на тех моментах русско-болгарских контактов, которые обуславливали появление бол-

гарских рукописей на Руси. Он выделяет следующие моменты:

1. Два похода русского князя Святослава. Русские войска, оставляя Болгарию, вывозили среди других вещей и рукописи.

2. После покорения Болгарии Цимисхием /972 г./ болгарские эмигранты вывозили с собой в Киевскую Русь и болгарские книги.

3. Русско--болгарские связи особенно оживленными стали после крещения Руси Владимиром. Владимир, обремененный византийской церковной политикой, порывает церковные связи с Византией и обращается за помощью к Охридскому княжеству, откуда идут на Русь книги и священники. Первый киевский митрополит -- легендарный Михаил -- был болгаринном из Охрида¹⁰⁹. Он прибыл в Киевскую Русь со своими священниками. Видимо, последнее предположение, основанное не на некоторых данных охридской рукописи, исследованной В. Мошниним, является, в основном, ревизией гипотезы М.Д. Приселкова о принадлежности русской церкви к болгарскому патриархату, что требует дальнейших исследований.

Соображения о конкретных путях и способах появления и распространения древнеболгарской письменности не освещают пока с надлежащей полнотой проблематику русско--болгарских контактов, однако имеются некоторые положения, которые правдоподобным образом могут определить направление и ход дальнейших исследований.

Одним из первых вопросами появления болгарских рукописей на Руси занимался А.И. Соболевский, выдвинувший положение, согласно которому русские рукописи, сохраняющие особенности "азбуки и орфографии" своих оригиналов, могут дать ответ на конкретные вопросы русско--болгарского сотрудничества в деле просвещения Руси. Он указал на то, что "первые" древнеболгарские рукописи были написаны частично кириллицей и частично глаголицей. Среди них были тексты, в которых на месте ѧ, Ѣ пишется буква о, е /напр., Евгениев-

ская псалтирь/. Трудно допустить, подчеркивает исследователь, что русские в X--XII вв. имели значительные сношения с самой Болгарией, поэтому он предполагает, что древнеболгарские книги попали в Киевскую Русь через посредство Константинополя¹¹⁰. Однако, как подчеркивает ученый, среди рукописей, бытовавших на Руси в X--XII вв., "в большом количестве" были рукописи восточноболгарского происхождения. "Из них русские должны были заимствовать азбучную систему и начертание букв"¹¹¹. Последнее заключение, сделанное А.И. Соболевским, имеет принципиальное значение. Из изложения концепции А.И. Соболевского можно было бы сделать вывод о вторичности, о более позднем появлении восточноболгарских рукописей на Руси, хотя этого он определенно не утверждает. В исследованиях А.И. Соболевского большое значение приобретает вопрос о восточно- или западноболгарском влиянии на русскую письменность. В этом направлении работали В. Мошин и Б.Ст. Ангелов.

Б.Ст. Ангелов, рассматривая истоки русско-болгарских литературных связей, приходит к заключению о том, что русская письменность и литература до официального крещения Руси были связаны со славянской письменностью Болгарии, в частности, Западной Болгарии, откуда на Русь шли рукописи, написанные, "по всей вероятности", глаголицей¹¹².

Изучая конкретные исторические условия X--XI вв., В. Мошин приходит к заключению, что существовали непосредственные связи Киевской Руси с Балканами после крещения Руси Владимиром, однако они были недолговечны: они охватывали всего лишь 12 лет. Однако между 989--1001 гг. Самуил, захватив у византийцев Преславскую область, имел непосредственные контакты с Киевской Русью на Дунае. Эти контакты способствовали связям Владимира и Самуила в области культуры и в устройстве русской церкви. Принимая в основном достоверность сообщения Якимовской летописи и восстанавливая ее значение, В. Мошин устанавливает, что при организа-

ции русской церкви Владимир мог получить славянских священников только у Самуила и охридского патриарха¹¹³. Эти связи с Болгарией были весьма интенсивными, поскольку только силой этих контактов было обусловлено бурное развитие письменности на Руси при Владимире и Ярославе, хотя В. Мошин не исключает и роли волны болгарской эмиграции в первом десятилетии XI в.¹¹⁴ Исследователь одновременно подчеркивает значение западноболгарского влияния, не отрицая важную роль Преславской Болгарии¹¹⁵. Гипотеза первичности западноболгарского влияния на русских, конечно, не новая. Она была разработана литературоведами и лингвистами. М.Н. Сперанский, обследовав литературные памятники, перешедшие на Русь, установил, что до-Владимирово христианство может быть охарактеризовано как западноболгарское¹¹⁶. Н. Гринкова, изучавшая языковые особенности Евгеньевской псалтыри, также подчеркивает западноболгарские особенности языка этого ценного памятника¹¹⁷. Первичность западноболгарского влияния была подчеркнута и Г. Кохом, поддерживавшим гипотезу Приселкова с указанием на западноболгарский характер Евгеньевской и Толстовской псалтырей¹¹⁸.

Совершенно противоположная точка зрения была высказана известным русским языковедом Н. Дурново, установившим, что "Русские получили письменность и знание ст-сл. от восточных болгар. Но позднее, при Ярославе и его преемниках, русские, по-видимому, были в более близких сношениях не с восточными болгарскими, как при Володимире, а с западными или скорее, с македонцами и сербами"¹¹⁹. Вопрос о характере ранних русско-болгарских контактов остается и в настоящее время дискуссионным.

Прежде чем закончить наш анализ, следует сказать несколько слов о центрах византийно-славянского, прежде всего русско-болгарского сотрудничества. Этот вопрос также далек пока от полного, удовлетворительного решения. При-

нито говорить, что значительная масса болгарских учителей и священников проявилась на Руси. Однако наши источники молчат о них. Мы нашли только одно упоминание о болгарском монахе. В рассказе Киево-Печерского патерика о пути Никона в Тмуторокань говорится о паломнике--болгарине, желавшем посетить Константинополь, который отправился в путь вместе с Никоном и другими монахами: "Болгаринъ оубо нази изъ изъ Константинограда оубо обрете островъ среди моря и вселенска изъ немъ" /цитируется по книге М.В. Левченко/¹²⁰. Несомненно, однако, что такие центры сотрудничества существовали. В Константинополе проживала значительная масса русского населения. Здесь славяне обыкновенно останавливались в монастыре св. Мамонта. Известно, что инок Ефрем прибыл в Константинополь изучать Студийский устав по поручению Феодосия Печерского. Ваарлам, монах Печерского монастыря, также предпринял путешествие в Константинополь и сделал там покупки для своего монастыря. Около 1114 г. русский паломник игумен Даниил с большой группой паломников посетил и Константинополь. Как паломник побывал там и Дионисий в 1134 г. Известно, что Мстиславово евангелие для переплета было отправлено князем Мстиславом Владимировичем также в византийскую столицу.

Нельзя оставить без внимания Афон, здесь русская монастырская община существовала уже до 1016 г.¹²¹. Сначала русские монашествующие жили в монастыре Древодеда, но потом они переселились в монастырь св. Пантелеймона. Афон посетил и монах Антоний, основатель Киево-Печерского монастыря /до 1050 г./. Славянские монахи жили в Зографском и Хиаландерском монастырях. О том, что в русском монастыре велось списывание, а возможно, и перевод книг, свидетельствует список рукописей, в котором указаны только русские рукописи. По всей вероятности, в монастыре жили иноки, специально занимавшиеся переписыванием книг. Интересно, что

некоторые книги имелись в большем количестве того, что предполагалось для литургии в монастыре. Они были подготовлены для отправки на Русь или в соседние славянские страны¹²².

Как о центре сотрудничества русских с болгарами и с другими южными славянами следует говорить и о монастыре св. Екатерины на Синае, основанном еще в VI в. Русские рано проявили большой интерес к святым местам, к Палестине¹²³. Паломники уже в XI в. побывали в Иерусалиме. Варлаам Хутынский ок. 1060 г. посетил Иерусалим и через Константинополь вернулся на Русь. Русские паломники Даниил /ок. 1115 г./ и Дионисий также ходили в Иерусалим. Женщины также принимали участие в паломничестве. Так, например, Ефросиния Полоцкая посетила Иерусалим и святые места /1173 г./. Известно, что в монастыре св. Екатерины хранились такие драгоценные памятники древней славянской письменности, как Синайский Требник, Синайская псалтырь и часть Добромирова евангелия. С начала 70-х годов /1971 г./ большое количество доселе не известных славянских рукописей было обнаружено М. Альтбауэром. Особого внимания заслуживает рукопись под сигнатурой № 6, которая содержит в себе продолжение известной в литературе Бычковской псалтыри. Бычковская псалтырь, по всей вероятности, относится к концу XI в. или к началу XII в.¹²⁴ Ленинградская часть Бычковской псалтыри состоит из 8-и листов. Синайское продолжение Бычковской псалтыри составляет 135 листов. Недавно новые отрывки этой древнерусской псалтыри были открыты М. Альтбауэром в замурованной кельи монастыря среди 200 рукописей разного происхождения. Таким образом, Бычковская псалтырь /в Ленинграде/ и рукопись № 6 на Синае и третий фрагмент /второе продолжение Бычковской псалтыри/ составляют большую рукопись XI/XII в. Этот древний список псалтыри был списан на Руси, возможно в ее столице, Киеве. Однако он сравни-

тельно рано попал в монастырь св. Екатерины, очевидно, еще в XII в. Факт появления Бычковско--Синайской псалтыри /как эти фрагменты называются в последнее время/ на Синае, свидетельствует о том, что русские монахи, которые привезли с собой эту рукопись, уже в XII в. поселились в синайской обители. Среди славянских рукописей монастыря св. Екатерины хранятся и фрагменты русского часослова XIII--XIV вв. Это обстоятельство позволяет нам предположить, что появление русских монахов не было эпизодическим событием монастырской жизни на Синае. Русские продолжали посещать монастырь св. Екатерины. Этот монастырь был одним из центров сотрудничества между славянами. В этой связи следует указать на приписку иеромонаха Иоанна, которая находится в одной из синайских рукописей. Иоанн списал псалтырь с двух оригиналов, хранящихся на Афоне. Позже рукопись была перевезена в монастырь св. Екатерины, где она хранится и ныне. Перевоз рукописи с Афона на Синайскую гору свидетельствует о том, что в средние века контакты среди славянских монахов были тесными. Несмотря на большое географическое расстояние, русские монашествующие посещали и далекие от Киевской Руси монастыри. Продолжение Бычковской псалтыри, часослов XIII--XIV вв. подтверждают, что русские монахи с XII в. появлялись на Синае, где они сотрудничали со своими славянскими собратьями.

Рассматривая первые два столетия распространения древнеболгарской письменности на Руси, следует остановиться на вопросах моравско--чешского влияния в Киевской Руси. Заслуга открытия и доказательства этого влияния принадлежит А.И. Соболевскому, впервые обратившему внимание исследователей на неоспоримый факт, что среди памятников древнерусской письменности встречаются и такие рукописи, которые списывались с оригиналов моравско--чешского происхожде-

ния¹²⁵. На основании некоторых особенностей, прежде всего лексических, А.И. Соболевский установил моравско--чешское происхождение таких памятников, как "Беседы папы Григория Великого на евангелие", "Житие Вячеслава" и пр.

Что касается времени появления моравско--чешских рукописей на Руси, то А.П. Власто предполагает, что они распространялись в Киеве только после основания сазавского монастыря /ок. 1032 г./, в котором бенедиктинцы пользовались славянским литургическим языком. Основателем сазавского монастыря был знаменитый Прокоп /1053 г./, патрон Чехии. В монастыре существовали как скрипторий, так и библиотека. Сазавский монастырь, несомненно, сыграл важную роль в распространении и чешской письменности на Руси. Однако все-таки возможно, что некоторые памятники, написанные чешской редакцией древнеболгарского языка, могли появиться в Киеве и раньше. Заслуживает внимания сообщение Жития Бориса, который был убит в 1015 г. по велению своего старшего брата Святополка, о том, что накануне убийства Борис "Помышляше же мѹныи и стра|сть... сѹго Вячеслава подобно же сему възвѣшю оуви|ню"¹²⁶. Если это сообщение жития не является выдумкой самого агиографа, а основывается на реальных фактах, то начало проникновения чешской письменности надо перенести на несколько лет раньше основания Сазавской обители. Однако и в этом случае ведущая роль в ранних чехо--русских контактах принадлежит сазавскому монастырю, в котором был известен и культ Бориса и Глеба. Чешские писатели имели с Киевской Русью оживленные связи. Об этом свидетельствует и тот факт, что большинство чешских памятников дошло до нас только в русских списках¹²⁷. Несомненно, что в конце XI в. каноны в честь св. Вячеслава уже были известны даже на Севере Руси, потому что они попали в Минею 1095--1097 гг. Было высказано предположение, что эти каноны возникли в Чехии¹²⁸. Нами был исследован

текст канонов, попавший в новгородскую mineю, представленную рукописью № 159 Синодального собрания ГИМ. При исследовании текста фактом, бросившимся в глаза, было то, что кроме топонима Прага [= Praha/ в тексте не встречается никаких чехизмов, а это может быть объяснено тем, что каноны были созданы за пределами Чехии: в Болгарии или на Руси. К этому предположению был склонен сам Вейнгарт, лучший знаток чешского церковнославянского языка¹²⁹. Нам кажется более вероятным, что каноны в честь св. Вячеслава были созданы на Руси. Не исключено и то, что моравско--чешское влияние было, очевидно, большим, каким оно представляется на первый взгляд. В этом нас убеждает книга проф. В. Мареша¹³⁰. Несомненно, что моравско--чешское влияние имело место на Руси. Бесспорно и то, что оно произвело стимулирующее воздействие на развитие древнерусской письменности на Руси, однако, решающее и определяющее значение принаделит древнеболгарской письменности.

Подводя итоги нашим наблюдениям о предпосылках возникновения просвещения на Руси, мы можем установить следующее:

1. По историческим данным и некоторым соображениям, извлеченным из источников, нельзя сомневаться в том, что славянское письмо существовало на Руси до официального крещения Руси. Однако существование письменности в дохристианской Руси означало лишь истоки грамотности.

2. Водоразделом стало принятие Русью христианства, что было в то время событием прогрессивного характера. После установления на Руси христианства древнеболгарская письменность, просуществовавшая в узких рамках среди христианских русских, приобрела качественно новую функцию как литература--посредница, передавая Руси то культурное богатство, которым обладала Византия.

3. Принятие христианства как господствующей религии вызвало и крупные изменения количественного порядка. Произошел своего рода "информационный взрыв", который повлиял и на миропонимание, мироощущение древних русских. Постепенно расширялся их кругозор, поскольку литература--посредница давала им не только новые знания в области религии, но и передавала им все то богатство, которое было накоплено византийской литературой: русские могли познакомиться с философией, литературой, историей, с достижениями естественных наук и пр.

4. Качественно новым было массовое проявление древнеболгарской письменности, т.к. с течением нескольких /4--5/ поколений оно изменяло облик древней Руси: Русь стала образованным, просвещенным государством, до татарского нашествия, не уступавшего ни в каком отношении западным государствам.

5. Несомненным является то, что древнеболгарское влияние было недолговечным, но очень интенсивным и в основном завершилось к первой четверти XI в., хотя конкретное протекание, конкретные формы проявления этого процесса остаются и останутся, вероятно, неизвестными. Все-таки с полной уверенностью можно предположить, что, несмотря на молчание исторических данных, главным поприщем русско--болгарских связей была территория Киевской Руси. Другие центры русско--болгарского, русско--южнославянского сотрудничества имеют лишь второстепенное значение, хотя временами /после 1018 г./ могли выполнять и важную роль. Их значение возросло именно в период, который следовал за покорением Болгарии Василием II.

6. Исследование древнерусской письменности убеждает нас в том, что в распространении просвещения на Руси имеет большое значение также и чешский церковнославянский язык. Интересным является и тот факт, что исторические

источники определенно молчат как об этом влиянии, так и о древнеболгарском. Однако следует подчеркнуть, что чешское влияние является, по всей вероятности, более поздним и более узким по сравнению с древнеболгарским. Чешское влияние, несомненно, способствовало выработке, развитию просвещения Руси, однако оно само по себе не могло бы вызвать просвещения Руси. Просвещение Руси немыслимо без учета древнеболгарской литературы--посредницы.

7. Ошибочно было бы считать, что распространение грамотности, ее развития, установление просвещения на Руси были пассивными, механическими процессами. Даже самый беглый взгляд на любую древнерусскую рукопись убеждает специалиста в том, что либо в отношении языка и текста, либо в отношении художественного оформления, в компоновке рукописи древнерусский писец вносил и свой "вклад" в списываемую им рукопись. Просвещение Руси было активным процессом, в котором -- сначала менее определенно, ясно, уловимо, но позднее более решительным образом -- отражаются и своеобразные русские черты. Они отражаются в языке, тексте, почерке и в художественном оформлении древнерусских рукописей.

8. Просвещение Руси через стадию грамотности было продуктом постепенного распространения письменности. Распространение и обогащение письменности было вызвано своеобразным "спросом", проявившимся в зависимости от роста христианских учреждений /церквей, монастырей, епископий и пр./. Конечно, это не значит, что мы отрицаем значение мирских, светских факторов в формировании образованности и просвещения на Руси. О значении этих факторов красноречиво свидетельствуют берестяные грамоты, столь многочисленные в Новгороде и известные и в других древнерусских городах. Однако изучение роли светских факторов, способствовавших развитию просвещения, едва ли входит в задачу такого исследования, целью которого является изучение русской редакции древнеболгарского /старославянского/ языка.

Замечания

1. Д.С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М.--Л., 1952, с. 15--16.
2. Д.С. Лихачев. Указ. соч., с. 14.
3. Д.С. Лихачев. Указ. соч., с. 15.
4. Д.С. Лихачев. Указ. соч., с. 24.
5. Д.С. Лихачев. Указ. соч., с. 24.
6. Н.М. Тихомиров. Начало христианства на Руси. Древняя Русь. М., 1975, с. 261.
7. L. Waldmüller. Die ersten Begegnungen der Slawen mit Christentum und der Christlichen Völkern von VI bis VIII Jahrhundert. Die Slawen zwischen Byzanz und Abendland. Amsterdam, 1976, S. 577.
8. М.В. Левченко. Очерки по истории русско--византийских отношений. М., 1956, с. 77.
9. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 78.
10. М.Н. Шапов. Древнерусские княжеские уставы. М., 1976, с. 15, 18, 19, 21, 22, 30 и пр.
11. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 80.
12. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 84.
13. Н.М. Тихомиров. Указ. соч., с. 266.
14. Н.М. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, с. 95, 96, 97, 104.
15. И. Снегаров. Духовно--культурни връзки между България и Русия през средните векове /X--XV в./. София, 1950, с. 31.
16. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 285.
17. Н.М. Тихомиров. Исторические связи..., с. 114.
18. A.P. Vlasto. The Entry of the Slavs into Christendom. Cambridge, 1970, с. 251.
19. Е. Голубинский. История русской церкви. т. I. Первая половина тома. М., 1901, с. 81.
20. История на България. т. II. София, 1980, с. 393.
21. История на България..., с. 398.
22. И. Снегаров. Указ. соч., с. 34.

23. Вл. Мошин. О периодизации русско--южнославянских литературных связей X--XV вв. Русская литература X--XVII веков. Среди славянских литератур. ТОДРЛ, т. XIX /1963/, М., с. 52.
24. Е. Голубинский. Указ. соч., с. 91.
25. А.Р. Vlasto. Указ. соч., с. 99.
26. Е. Голубинский. Указ. соч., с. 91.
27. F. Krás1. Prokop i jeho klášter a památka v lidu. Praha, 1895, с. 107; А.И. Соболевский. Славяно--русская палеография, СПб., 1902, с. 23.
28. Е. Голубинский. Указ. соч., с. 97.
29. Е. Голубинский. Указ. соч., с. 101.
30. Вл. Мошин. О периодизации..., с. 52.
31. Н.М. Тихомиров. Исторические связи..., с. 186.
32. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 341.
33. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 5.
34. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 348, 356.
35. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 366.
36. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 346--347.
37. А.Р. Vlasto. Указ. соч., с. 257; М.В. Левченко. Указ. соч., с. 346.
38. А.Р. Vlasto. Указ. соч., с. 258, 260.
39. Н.М. Тихомиров. Начало христианства..., с. 269.
40. Повесть временных лет. Часть I. М., 1950, с. 77.
41. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 348.
42. Повесть временных лет..., с. 80.
43. Ипатьевская летопись. М., 1962, с. 106.
44. А.Р. Vlasto. Указ. соч., с. 263.
45. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965, с. 57--58.
46. М.Н. Щапов. Указ. соч., с. 15, 16, 18, 19, 21, 22, 30, 37 и пр.
47. А.Р. Vlasto. Указ. соч., с. 278--279.
48. М.Д. Приселков. Очерки по церковно--политической истории Киевской Руси X--XII вв. СПб., 1913, с. 278--279.
49. H. Koch. Byzanz, Ochrid und Kiev /987--1037/. Kyrios. 3 /1938/, с. 253--292. Вл. Мошин. Послание русского

- митрополита Леона об опресноках в охридской рукописи. *Byzantinoslavica*. XXIV /1963/, с. 87--105.
50. И. Снегаров. Указ. соч., с. 25.
 51. В.Н. Татищев. История российская. Том первый. М.--Л., 1962, с. 112.
 52. П.А. Лавровский. Исследование о летописи Якимовской. Ученые записки 2-ого Отд. Академии Наук, кн. 2. СПб., 1856, с. 137, 148.
 53. И. Снегаров. Указ. соч., с. 39.
 54. Р. Павлова. Болгарско--русские и русско--болгарские языковые связи. София, 1979, с. 34.
 55. П.А. Лавровский. Указ. соч., с. 151.
 56. Вл. Мошин. О периодизации... с. 55.
 57. Ипатьевская летопись..., с. 110.
 58. Е. Голубинский. История русской церкви..., с. 232.
 59. Е. Голубинский. История русской церкви..., с. 240.
 60. Е. Голубинский. История русской церкви..., с. 247.
 61. Повесть временных лет, 1951, с. 84.
 62. Патриаршая или Никоновская летопись..., с. 58.
 63. Е. Голубинский. История русской церкви..., с. 179.
 64. Б.Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953, с. 405.
 65. Б.Д. Греков. Указ. соч., с. 405.
 66. Н.М. Тихомиров. Начало христианства на Руси. Древняя Русь. М., 1975, с. 268.
 67. А. Попов. Историко--литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875, с. 188.
 68. И.Х. Тот. Кирилло--мефодиевские традиции в средневековой Венгрии. ВЯ, 1978, № 5, с. 113.
 69. Д.С. Лихачев. Развитие русской литературы X--XVII веков. Л., 1973, с. 30.
 70. Д.С. Лихачев. Ук. соч., с. 15--19.
 71. Патриаршая или Никоновская летопись..., с. 79.
 72. А.Р. Vlasto. Указ. соч., с. 182.
 73. Е. Голубинский. История русской церкви..., с. 188.
 74. Б.Д. Греков. Указ. соч., с. 404.

75. Г.Г. Порфиридов. Древний Новгород. М., 1947, с. 155.
76. Л.В. Арциховский. Берестяные грамоты мальчика Онфима. Советская Археология. 1957/3, с. 223.
77. В.М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы. Петроград, 1922, с. 71.
78. Повесть временных лет..., с. 103.
79. Повесть временных лет..., с. 102--103.
80. Повесть временных лет..., с. 102--103.
- 80а. Повесть временных лет..., с. 102--103.
81. А.И. Соболевский. Лингвистические и археологические наблюдения. Вып. II. Варшава, 1912, с. 167--168.
82. Н.А. Мемерский. Источники древней славяно--русской переводной письменности X--XV веков. Л., 1978, с. 22.
83. Е. Голубинский. История русской церкви..., с. 191.
84. В.М. Истрин. Указ. соч., с. 4.
85. Н.Н. Розов. Книга древней Руси. Л., 1973, с. 13.
86. А.М. Amman. Abriss der ostslawischen Kirchengeschichte. Wien, 1950, с. 25.
87. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 401.
88. Б.В. Сапунов. Книга в России в XI--XIII вв. Л., 1978, с. 8.
89. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 466. По-другому: Б.В. Сапунов. Указ. соч., с. 67.
90. Е. Голубинский. История русской церкви..., с. 617-618.
91. Д.С. Иценко. Устав студийский по рукописи XII в. Источники по истории русского языка. М., 1976, с. 109, 130.
92. Б.В. Сапунов. Указ. соч., с. 24.
93. Е. Голубинский. История русской церкви..., с. 621.
94. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 452.
95. Б.Д. Греков. Указ. соч., с. 410.
96. Б.В. Сапунов. Указ. соч., с. 166.
97. Б.В. Сапунов. Указ. соч., с. 120. Б.Д. Греков. Указ. соч., с. 405.
98. Н.Н. Розов. Указ. соч., с. 46.
99. Б.В. Сапунов. Указ. соч., с. 123, 124, 125.

100. Н.Н. Розов. Указ. соч., с. 99.
101. И.Х. Тот. Слово о пользе чтения книг в списке XI в. *Dissertationes Slavicae*. XIV. Szeged, с. 300, 301, 326.
102. Н.Н. Розов. Указ. соч., с. 26.
103. Б.В. Сапунов. Указ. соч., с. 149--150.
104. Л.П. Жуковская. Изборник 1073 г. Изборник Святослава 1073 г. М., 1976, с. 12.
105. М.В. Щепкина. К вопросу о просвещении Руси. Плиска--Преслав. т. I, София, 1979, с. 201.
106. М.В. Щепкина. Указ. соч., с. 201, 202, 203.
107. М.В. Щепкина. Указ. соч., с. 204.
108. М.В. Щепкина. Указ. соч., с. 204.
109. К.К. Куев. Съдбата на старобългарските ръкописи през вековете. София, 1979, с. 14.
110. А.И. Соболевский. Лингвистические и археологические наблюдения. Вып. II, Варшава, 1912, с. 135--136.
111. А.И. Соболевский. Указ. соч., с. 136.
112. Б.Ст. Ангелов. К вопросу о начале русско--болгарских литературных связей. ТОДРЛ. XIII /1956/, с. 138.
113. Вл. Мошин. О периодизации..., с. 55.
114. Вл. Мошин. Указ. соч., с. 62.
115. Вл. Мошин. Указ. соч., с. 58.
116. С.М. Сперанский. Откуда идут старейшие памятники русской письменности и литературы. *Slavia* VII--VIII /1928--29/, с. 535.
117. Н. Грипкова. Евгениевская Псалтырь как памятник русской письменности XI века, ИЛРЯС. т. 29 /1924/ 1925, с. 306.
118. Н. Ksch. Указ. соч., с. 280--283.
119. Н. Дурново. Введение в историю русского языка. М., 1969, с. 35--36.
120. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 433.
121. М.В. Левченко. Указ. соч., с. 465.
122. Вл. Мошин. Русские на Афоне и русско--византийские отношения в XI--XII вв. *Byzantinoslavica*, XI /1950/, с. 36.
123. Н.Н. Розов. Указ. соч., с. 114.
124. A. Altbauer, H.G. Lunt. An Early Slavonic Psalter From Rus'. Cambridge, Massachusetts, 1978, с. IX.

125. А.И. Соболевский. Церковнославянские тексты моравского происхождения. Русский Филологический Вестник. т. XLIII/1900/. Варшава; с. 150--207.
126. А.Р. Vlasto. Указ. соч., с. 291.
127. Успенский сборник XII--XIII вв. Под редакцией С.И. Каткова. М., 1971, с. 47.
128. V. Chaloupeký. Na úsvitu křesťanství. Praha, 1942, с. 73.
129. M. Weingart. Československý typ cikevnej slovančiny. Bratislava, 1949, с. 118.
130. F.W. Mareš. An Anthology of Church Slavonic Texts of Western /Czech/ Origin. München, 1979, с. 16.

К ОЦЕНКЕ ВЕНГЕРСКО-РУССКИХ СВЯЗЕЙ XII В.

Ф. Макк

В XII веке между венгерским королевством и русскими княжествами сложились разветвленные экономические, культурные и политические отношения. Во внешней политике венгерских правителей того времени значительное место заняли венгерско-русские политические связи. В нашем исследовании мы попытаемся осветить их оценку.

В результате внутреннего развития на Руси в этот период сложилось такое положение, которое не позволяет нам говорить о единой русской внешней политике, поскольку после смерти Ярослава Мудрого /1054 г./ и последующих многочисленных разделов единое Киевское государство распалось. В результате углубления феодальной раздробленности в стране образовывается все большее число отдельных княжеств. Хотя формально вплоть до 1169 г. столицей оставался Киев, лишь титул отличал Великого Киевского князя от остальных князей, самые сильные из которых, как правило, предпринимали попытки захватить киевский престол. О силе местных князей, расширявших свои владения за счет соседних территорий, свидетельствует княжеский съезд в Любече /1097 г./, укрепивший систему удельных княжеств. Участники этого княжеского съезда постановили, что "каждо да держит отчину свою" и это означало, что отныне местные династии свободно, независимо от воли киевского князя, будут располагать своими землями. Несмотря на это, киевские правители пытались распространить свою власть и на удельные княжества, и во время правления Владимира Мономаха /1113--1125/ и его сына Мстислава /1125--1132/ было восстановлено единство русских земель под властью Киева. Однако, вслед за этим на Руси возникло еще больше отдельных княжеств, каждое из которых вело независимую внешнюю политику¹.

В отличие от этого в Венгрии к концу XI века — ко времени правления короля Ласло I /1077--1095/ — внутренние раздоры, длившиеся многие десятилетия, прекратились, в результате чего укрепились централизованная королевская власть. Господствующая верхушка, преодолевшая внутренние разногласия, под руководством королевского двора начала вести весьма активную завоевательную внешнюю политику. В результате проведенных военных акций крупные венгерские феодалы с успехом распространяли свою власть на чужие территории, одновременно защищая страну от попыток иностранных правителей вернуть свои земли. В то же время венгерские правители гораздо активнее, чем раньше, вмешивались во внутренние дела соседних народов. В соответствии с географическим положением и сложившимися политическими отношениями венгерские короли находились в особенно близких — дружеских или враждебных в зависимости от конкретной ситуации — отношениях с соседними галичскими /перемышльскими, теребовильскими/, владимирско-волыньскими и киевскими правителями².

Политические связи этого времени проявлялись в семейных отношениях, в определенных дипломатических шагах и, прежде всего, в военных выступлениях. Начиная с Ласло I до Белы IV включительно /1235--1270/ войска почти всех венгерских правителей побывали на русской территории. Историческая оценка этих походов и стоящих за ними политических побуждений в специальной литературе кажется нам весьма проблематичной. Согласно одному из распространенных мнений, начиная с Ласло и Кальмана /1096--1116/ до Белы IV, венгерские короли стремились к захвату русских земель и вели завоевательные войны в целях осуществления захватнической политики³.

Предваряя один из важных выводов нашего исследования, мы утверждаем, что анализ конкретных событий показывает, что при оценке политики венгерских королей по отношению к Руси

определение "завоевательная" можно принять только начиная с Бельи III. Мы считаем, что со времени правления Кальмана до Бельи III в формировании отношений между венгерскими правителями и русскими князьями определяющую роль играло заключение политических и военных союзов, основанных на желании сторон оказать друг другу помощь.

Разумеется, помощь, оказанная одному из русских князей, как правило, ставила венгерского короля во враждебные отношения с другими русскими правителями. Изменения на международной арене также оказывали значительное влияние на формирование венгерско-русских отношений.

Согласно другому мнению, сложившемуся у исследователей этого вопроса, венгерско-русские связи этого времени -- и особенно политика Гезы II /1141--1162/ -- определялись и направлялись семейными, династическими интересами русских и венгерских правителей⁴. Исследователи, стоящие на этой точке зрения, не принимают во внимание тот факт, что в соответствии с так называемой средневековой практикой семейные отношения всегда и везде служили укреплению и освящению политических и военных союзов, заключенных между отдельными государствами и их правителями, т.е. служили политическим целям⁵. Поэтому выражающее лишь внешнюю форму определение "династически-семейные" при оценке сущности венгерско-русских отношений не применимо.

Первый военный поход на русскую землю предпринял Ласло I. В 1092 году венгерский король начал имевшие характер отмщения военные действия против теребовльского княжества, находившегося на северо-восток от Карпат. Он считал, что кочевой народ половцы, вторгшийся в 1091 г. на венгерскую территорию и разоривший ее, сделал это по совету и наущению князя Василько⁶. Поход 1092 года не имел, таким образом, целью захват русских земель. Военная демонстрация произошла без какого-либо конфликта, и кончилась мирным договором.

Хотя имеющиеся в нашем распоряжении источники немногочисленны, можно, однако, с уверенностью утверждать, что между преемником Ласло, королем Кальманом, и киевским великим князем Святополком /1093--1113/ существовал союз, оказавшийся полезным для обеих сторон. В 1096 г., во время первого крестового похода, один из отрядов Крестоносцев планировал захватить королевство Кальмана, и согласно одному из иностранных источников этого времени венгерский король собирался отправиться на Русь. Очевидно, Кальман хотел заручиться поддержкой русских -- рассчитывая на помощь Святополка -- в борьбе против Крестоносцев. В конечном итоге Кальману удалось своими силами разбить армию немецких рыцарей⁷.

Политический и военный союз между венгерским правителем и киевским князем действовал двусторонне. Показателем может служить тот факт, что в 1099 г. Святополк призвал на помощь венгерского короля. Кальман лично вел свои войска. Киевский правитель в то время боролся с удельными князьями за восстановление единства русского государства. Объективно Кальман, таким образом, оказав военную помощь Святополку, выступал против сил феодальной раздробленности и никаких завоевательных целей при этом не преследовал. Серьезное поражение, которое потерпели венгерский король и киевский князь в 1099 г. у крепости Перемышль, было на руку удельным князьям, стремившимся к разъединению русского государства. На основании сказанного становится очевидным, что поход Кальмана на Русь 1099 года ни в коем случае нельзя считать проявлением бессмысленной завоевательной политики⁸.

Наследники правителей, как правило, продолжали политику отцов. Так, сын Кальмана, наследник его престола, Иштван II /1116--1131/, помогал сыну союзника своего отца, Святополка, во владимирском походе 1123 года. О завоевании не было тогда и речи. Иллюстрированная хроника свидетельствует, что венгерские феодалы не стремились занять русские

земли. Однако бесспорным является факт, что Иштван II -- в результате военного вмешательства -- оказался на стороне удельных князей, выступавших против киевского правителя, Владимира Мономаха.⁹ В то же время своим походом король заложил основу венгерско-галичского союза, который вплоть до середины XII века оставался одним из самых прочных союзов в истории венгерской внешней политики. Венгерско-галичский союз также функционировал двухсторонне, принося успехи обеим сторонам. Все наши данные несомненно подтверждают это. Известно, что в 1139 году войска Бела II /1131--1141/, а в 1144 году войска Гезы II /1141--1162/ поддерживали галичского правителя Владимирко и боролись на русской территории.¹⁰ Но из источников также известно, что венгерские короли делали это не бескорыстно: в 1135 году князь Владимирко, защищая трон Бела II, боролся с польским правителем Болеславом III, который поддерживал притязания на венгерский престол князя Бориса,¹¹ якобы сына короля Кальмана.

К 1146 году венгерское королевство оказалось в одиночестве на международной арене. К этому времени отношения Венгрии с немцами, чехами, австрийцами и отношения между Венгрией и Венецией были враждебными, в то же время возникли серьезные разногласия между венгерским королевством и Византийской империей.¹² В целях укрепления внешнеполитического положения Венгрии Геза II, продолжая поддерживать уже сложившиеся отношения с Галичским княжеством, вступил в союз с волыньско-киевским правителем Изяславом, подтвердив этот союз браком с сестрой Изяслава Авфросиньей.¹³ Между 1148-ым и 1152-ым годами, во время борьбы за киевский престол, войска Гезы II шесть раз отправлялись на Русь, чтобы оказать помощь Изяславу. О завоевательной политике и тогда не было и речи. Во время этих походов с 1150 года Геза II столкнулся со своим прежним союзником, галичским правителем Владимир-

ко, который выступал против Изяслава¹⁴. В междоусобных распрях русских князей Галич пользовался поддержкой Византии, которая к тому времени была одним из главных врагов венгерского королевства. Уже с 1149 года Венгрия и Византия воевали друг с другом на Балканах. Изяслав же делал все возможное для того, чтобы воспрепятствовать распространению византийского влияния на Руси¹⁵. Эта враждебность к Византии укрепляла венгерско--волынско--киевский союз. Однако Геза II не хотел окончательно порывать с Владимирко и даже стремился вновь привлечь галичского князя на свою сторону. Так, после окончания похода, в 1152 году, он воспротивился тому, чтобы Изяслав расправился с галичским князем¹⁶. Во время переговоров Геза выступил посредником между двумя русскими князьями и этим достиг возобновления венгерско--галичского союза, который впоследствии принес большую пользу наследнику Гезы II, Иштвану III /1162--1172/, когда тот оказался в тяжелом положении. В 1164 году сын Владимирко, галичский князь Ярослав, оказал ему военную помощь для отражения нападения византийского императора Мануила Комненоса /1143--1180/. Венгерский король для укрепления венгерско--галичского союза обручился с дочерью Ярослава. Однако галичский князь в 1165 году в новой войне между Венгрией и Византией уже поддерживал Византию, поэтому Иштван III расторг помолвку¹⁷.

В 1188 году в русско--венгерских /галичско--венгерских/ отношениях произошел коренной перелом. В этом году Бела III /1172--1196/ вмешался в галичскую борьбу за престол, со своими войсками занял Галич и захватил в плен его правителя с семьей в Венгрии. На галичский же трон он посадил своего сына, Андраша /будущий король Андраш II/¹⁸. В венгерской истории, таким образом, Бела III был первым правителем, который сделал попытку завоевать русскую территорию. Хотя эта попытка не увенчалась успехом -- в 1190 г. князь Владимир с по-

мощью поляков вернул Галич -- Бела III заложил основу дальнейшей захватнической политики, направленной на завоевание русских земель¹⁹.

В заключение мы хотим отметить, что сущность венгерско--русских отношений указанного периода может быть во всяком случае определена только путем всестороннего анализа конкретных событий.

Замечания

1. В.А. Рыбаков. Киевская Русь и русские княжества XII--XIII вв. М., 1982, с. 446--468. А.Н. Насонов. Русская земля и образование ее территории, М., 1955, особенно с. 216--220. Б.Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953, с. 445--507. История СССР с древнейших времен до наших дней. В двух сериях в двенадцати томах. т. I, М., 1966. /Релевантные части -- с. 519--640 -- написаны Рыбаковым/; с. 519--548., 553--640.; В.Т. Пашуто. Историческое значение периода феодальной раздробленности на Руси. "Польша и Русь". М., 1974, с. 9--17.
2. Makk F. Magyar külpolitika a XII. században. Fejezetek a régebbi magyar történelemből I. szerk.: Makk F. /Egyetemi jegyzet. /В дальнейшем: Makk 1981./, Budapest, 1981, с. 97, 104--105.
3. См., например: Elekes L. -- Lederer E. -- Székely Gy. Magyarország története I. Az őskortól 1526-ig. /Релевантная часть написана Ледерер/. /В дальнейшем: MOT/. Budapest, 1961, с. 98.; Világtörténet tíz kötetben /főszerk. J.M. Zsukov/ III. Budapest, 1963, с. 440; Elekes L. A középkori magyar állam megálapításától mohácsi bukásáig. Budapest, 1964, с. 90--91. Unger M. -- Szabolcs O. Magyarország története. Budapest, 1974, с. 23.
4. Такого мнения придерживается, например: Pauler Gy. A magyar nemzet története az Árpád-házi királyok alatt I. Budapest, 1899, с. 269; Deér J. A magyar törzsszövetség és patrimonális királyság külpolitikája. Kaposvár, 1928, с. 125; Hóman B. -- Szekfű Gy. Magyar történet I. Budapest, 1939, с. 371.
5. Váczy P. A középkor története. Egyetemes történet II. Középkor /szerk.: Hóman B. -- Szekfű Gy. -- Kerényi K./. Budapest, 1936, с. 534; Elekes. Ук. соч., с. 78.
6. E. Szentpétery. Scriptores rerum Hungaricarum I-II. Budapestini, 1937--1938, I, с. 414--415.
7. A.F. Gombos. Catalogus fontium historiae Hungaricae I. Budapest, 1937, с. 40--41, 224.
8. Ср. MOT, с. 98.
9. Szentpétery. Ук. соч., I, с. 437--439. См. еще: В.Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 52--53.
10. Hodinka A. Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai. Budapest, 1916, с. 99--101, 205--207.

11. Hodinka. Ук. соч., с. 179, 253. См. еще: Пашуто. Ук. соч., с. 168.
12. Пашуто. Ук. соч., с. 169; Makk 1981, с. 100, 102, 104, 106, 111; Kristó Gy. Magyarország története 895--1301. Egyetemi jegyzet. Budapest, 1984, с. 141--142.
13. Hóman. Ук. соч., с. 371; Font M. II. Géza orosz politikája 1141--1152. Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Acta Historica 67. Szeged, 1980, с. 35. /В дальнейшем: Font 1980/.
14. История Венгрии. т. I, М., 1971, с. 141--144; /Релевантная часть написана В.П. Шушариным/; Font 1980, с. 37, 38.
15. В.А. Рыбаков. Воярин--летописец XII в. -- История СССР. № 5, М., 1959, с. 70-72. Пашуто. Ук. соч., с. 188--189; Font 1980, с. 35--36.
16. Hodinka. Ук. соч., с. 167--187, 243--259, 262--265, 272--273; Szentpétery. Ук. соч. II, с. 199. -- В связи с политическим фоном и хронологией события см. Пашуто. Ук. соч., с. 169--174. F. Makk. Contributions à la chronologie des conflits hungaro--byzantins au milieu de XIIe siècle. Сборник Радова Византологического Института XX. Београд, 1981, с. 27--31; Фонт М.Ф. Политические отношения венгерского короля Гезы II с Русью 1141--1152. Hungaro--Slavica. 1983, с. 35--37.
17. Pauler. Ук. соч., с. 302, 312--313; Пашуто. Ук. соч., с. 179. Makk F. Magyar--bizánci kapcsolatok a XII. században. Kézírtatos kandidátusi értekezés. Szeged, 1978, passim.
18. Hodinka. Ук. соч., с. 288--303.
19. Пашуто. Ук. соч., с. 180--181; Makk 1981, с. 107; Makk F. III. Béla és Bizánc. -- Századok. 1982, с. 54--55; Kristó. Ук. соч., с. 155--156.

КТО СКРЫВАЕТСЯ ПОД НАЗВАНИЕМ "GUBATUS" В
ВЕНГЕРСКИХ ГРАМОТАХ НАЧАЛА XIII В.?

М. Фонт

Настоящая работа посвящена одной из "загадок" венгерской истории начала XIII в.: кто скрывается под названием "Gubatus", "Gubanus", "Gubasel" в грамотах венгерских королей Имре /1196--1204/ и Андраша II /1204--1235/, какими данными мы располагаем, чтобы ответить на этот вопрос?

Впервые с этим словом мы встречаемся в источнике 1202 г., в письме римского папы к венгерскому королю Имре¹. В сущности, эта грамота представляет собой ответ римского папы на предшествующее -- но для нас не известное -- письмо короля Имре. Однако, благодаря папской грамоте мы можем предположить, что сообщил Имре римскому папе, Иннокентию III. Венгерский правитель приостановил подготовку к крестовому походу из-за нападения "Gubani", который со значительным перевесом язычников напал на христианский народ. Часть этого народа язычники уведут в плен, а другую -- стремятся подчинить своему влиянию. /...propter inimicitias Gubani, qui cum innumera multitudine paganorum quamdam partem populi christiani, tuae coronae subiecti, clam captiuatam deduxit, et partem residuam debellare sine intermissione conatur.../ Так как ответ был написан в папской курии 13 ноября, письмо венгерского короля можно приурочить к осени 1202 г.². Можно предположить, что время написания было близко к времени происшедших событий. Между ответом папы и письмом венгерского короля -- и самим событием --, по нашему мнению, нет значительного промежутка времени. Ведь Иннокентий III хотел убедить Имре в том, что он вынужден изменить свои намерения, поэтому, вполне вероятно, он быстро отреагировал на известия из Венгрии.

Остальные три упоминания появляются в грамотах, написанных на территории Венгрии. В хронологическом порядке первой из них является грамота 1208 г.³, в которой Андрашем II подтверждаются все имения бенедиктинского монастыря в Лебене, основанного ишпанами Пот /из комитата Момон/ и Чепань /из комитата Бач/. В числе имений монастыря упоминаются поселки Бан и Сасон /Ban et Sason/, которыми был пожалован ишпан Александр, брат основателей. Он получил это имение от короля Имре за верную службу /pro suo fideli servicio/, проявленную в битве Gubasel, где его и ранило.

Грамота 1214 г.⁴ является приговором королевского суда, касающегося двух поселков /Stara et Udvari/, примыкающих к землям паннонхальмского аббатства. Села, которые были разрушены и ограблены горожанами из Позони, закрепляются за аббатством. Королевский суд, на заседании которого присутствовал и аббат монастыря Урош, собрался на этот раз у королевы Гертруды. Хотя Андраш II хотел лично принять участие в этом деле, он не смог присутствовать на суде, поскольку он собирался выступить войском против Gubatos [...puta profecturus valida manu in exercitum contra Gubatos.../

Следующим источником, который непосредственно примыкает к предыдущим, является жалованная грамота 1224 г.⁵, переписанная дьерским настоятелем Булчу. В грамоте капитулом удостоверяется дар феодала Этуля из рода Пезе /Etul de genere Pöze/, пожаловавшего свое имение Козар монастырю на горе Марин. Имением Козар Этуль был пожалован при правлении Имре за верную службу королю во время победы над Gubatos [... dominus rex Heinricus pie recordacionis sibi eam pro servicio suo contulisset, dum in Gcia Gubatos expugnasset.../

Несмотря на то, что в источниках упоминается то лицо по имени Gubanus, то битва в Gubasel, то народ Gubatus, по мнению венгерских историков эти названия оказываются между собой связанными, хотя более подробному анализу не подвергаются.

ся⁶. Бесспорно, что во всех четырех словах содержится корень *guba-*, но без подробного анализа мы не вправе принять суждение о том, что все они указывают на одни и те же события.

А. Барталь в своем словаре⁷ приписывает слову "*guba*" два значения: 1/ *penula, guba* /бурка, губа/ /Для объяснения значения слова он цитирует: "... *Rutheni longiore lana vestem, quam Gubam dicunt, valde villosam texunt instar centonis...*/. 2/ *pannus villosus, gubás guapjú, vulgo gubas* /просторечное название одного из сортов шерсти/.

Историко--этимологический словарь венгерского языка /ИЭСВЯ/ дает подробное объяснение этого слова, добавляя: губа является венгерским словом финно--угорского происхождения, и диалектным словом⁸. ИЭСВЯ считает ошибочной теорию о славянском происхождении слова *guba*, поскольку в тех славянских языках, где оно имеется /в некоторых диалектах словацкого и хорватского языков, а также в румынском языке/ представляет собой заимствование из венгерского языка. По ИЭСВЯ, имя *Gubas* появляется в исторических документах начиная с 1321 г. По мнению И. Книежа⁹, слово *guba* в значении "грубошерстная одежда" употребляется с 1387 г. Можно установить наличие этого слова в некоторых диалектах хорватского языка, но и в этом случае оно заимствовано из венгерского. В вышеупомянутой работе И. Книежа слово *guba* появляется и в составе венгерских слов, заимствованных из славянских языков¹⁰. В этом же случае *guba* имеет значение "плесень", "лепра", и исторически относится к группе слов типа *gomba*, происшедшего от церковнославянского ⁺*goba*, заимствованного в очень ранний период нашей истории¹¹.

Если речь идет о характеристике группы людей, об описании целой народности, то, по нашему мнению, надо иметь в виду первое значение слова *guba*. Мы считаем, что одежда определенного типа или из особого материала могла служить для выражения национального своеобразия. Поскольку слово в этом значении очень рано появляется в источниках /в 1321 и

и 1387 гг./, вполне правомерно предположить его существование на столетие раньше. Где же жил этот народ или хотя бы одна из групп этого народа? Для решения этой проблемы мы можем прибегнуть к помощи языков, в словарном составе которых имеется слово *guba*, а именно: к некоторым диалектам словацкого и хорватского языков, а также к румынскому языку. По нашему предположению, народность, которая носила одежду такого типа, мы можем найти среди пастухов высокогорья.

Если источники мы будем группировать по хронологическому порядку, то три из них, безусловно, относятся ко времени правления Имре. Надежной опорой для установления хронологии происшедших событий является письмо папы, Иннокентия III, согласно которому поход Имре против *Gubatos* можно приурочить к осени 1202 г. Более поздние грамоты, где попадаются выражения *prelio Gubasel*, *Gubatos exugnasset*, также безошибочно можно отнести к этому походу, поскольку имена, которыми были пожалованы участники похода, тоже имеют отношение к Имре. Вероятно, здесь речь идет об одной значительной битве, известной дьерскому настоятелю -- переписчику грамоты -- даже двадцать лет спустя. А четвертый источник сообщает об ином событии, происшедшем при Андраше II, в грамоте 1214 г. о нем говорится, что он готовился к походу против *Gubatos*.

Для установления места битвы мы располагаем лишь одной, нечеткой информацией. В грамоте 1224 г. есть выражение *in Ġcia*. По мнению Д. Паулер, его полное, правильное написание *in Graecia* /в Греции/. Однако он указывает и на другое возможное прочтение: *in Galicia* /в Галиче/¹². Точка зрения Паулера подтверждается и тем, что у нас нет сведений о военных действиях венгров при Имре в Галиче. Как венгерские, так и русские источники умалчивают об этом. Таким образом, мы должны считать правильным вариант *in Graecia*. По общепринятому в нашей историографии мнению предводителя *Gubanus* и народ *Gubatus* мы должны искать на Балканах.

На рубеже XII--XIII вв. Балканы не являются каким-либо однородным единством ни в политическом, ни в этническом смысле. На Балканах столкнулись традиционные интересы венгерской феодальной верхушки с интересами римского папы и оживившихся в последней трети XII в. балканских государств, стремившихся извлечь пользу из ослабления Византийской империи. Римский папа принимал активное участие в примирении венгерского короля с братом, герцогом Андрашем, и в связи с этим в 1200 г. он призвал и Имре к борьбе против еретиков--богомиллов Боснии¹³. В этой борьбе венгерский король в результате активной деятельности победил бана Кулина и заставил его признать свою независимость от Венгрии. Из источников Сима Нирковић отождествляет бана Кулина с Gubanus, упомянутым в грамоте 1202 г.¹⁴ Что отождествление такого рода не оправдывает себя, подтверждается, с одной стороны тем, что римский папа ни в коем случае не мог еретиков назвать язычниками. А с другой -- тем, что у нас нет сведений в отношении того, что Иннокентий III был вынужден отменить свое прежнее решение /призыв к борьбе против еретиков/. Как призыв папы к борьбе с ересью, так и обращение к королю Имре о необходимости подготовки к крестовому походу, мы находим в программе папской курии уже с 1200 г. А в вышеупомянутом источнике 1202 г. отражены эти два противопоставленных друг другу положения.

В переписке короля Имре с Иннокентием III четко отражены совместные действия против богомиллов¹⁵. Вслед за военной победой Имре над баном Кулином¹⁶ последовала присяга босанских феодалов -- подчиненных Кулину --, венгерскому королю в присутствии представителя папы¹⁷. В Сербии король Имре поддерживал князя Вука, выступавшего против брата, жупана Степана. В интересах Вука, претендента на великожупанский престол, в 1201 г. Имре отправился в поход против Сербии, за которым последовало столкновение с Gubanus, в отряд которого входили язычники, увозившие в плен христиан. Любопытно, что несмотря

на это римский папа отговаривает короля продолжать военные действия и пытается втянуть его в крестовый поход. Мы полагаем, что для папы было нежелательным обострение отношений венгерского короля с болгарским государством, правитель которого, Калоян /1196--1207/ именно в то время стал склоняться к принятию церковной унии. А прежние столкновения Имре с Калояном, известные и по другим источникам¹⁹, были вызваны нерешенностью принадлежности некоторых сербских территорий. Римский папа в этом конфликте, по-видимому, стоял на стороне Болгарии, что королевским двором Венгрии было расценено как непозволительное, об этом мы можем судить по резкому тону переписки венгерского короля с римским папой²⁰.

На наш взгляд, в грамоте 1202 г. отражено положение, сложившееся на венгерско--болгарской границе: Gubanus напал на сербскую территорию, на которую распространялось влияние венгерского королевства. Однако, отождествление Gubanus с болгарским царем на основе этимологии Gubanus > Gyuvan > Jovan > János²¹ мы считаем несостоятельным. Наше мнение подтверждается и тем фактом, что имя Калояна в латиноязычных письмах римского папы к нему пишется в формах Calojoannes imperator²² и Caloiohanni illustri Bulgarorum et Blachorum rex²³. По нашей гипотезе, "таинственный" Gubanus является одним из воевод болгарского царя, но он мог принадлежать и к другим народностям болгарского государства. Известно, что этнический состав Болгарии на рубеже XII--XIII вв. не был однородным²⁴. Кроме болгар, государство насчитывало существенное количество владх и команов /половцев/, о чем свидетельствует и титул болгарского царя. Из двух последних народностей владхи составляли преобладающее большинство, но все-таки не они обеспечивали основную военную мощь болгарского государства, а команы²⁵. После 1091 г., когда Алексея Комнина /1081--1118/ разгромил и уничтожил печенегов, на их месте появились команы, дунайские группы которых занимали террито-

рию между следующими границами: от Дуная на юге до верхнего течения Прута на севере; от Карпат на западе до Черного моря на востоке. В 1186 г. у них нашли убежище Петър и Асен, склонив их на свою сторону, им удалось одержать победу над Византией. Команы служили военной опорой для всех болгарских правителей, в том числе и для Калояна, несмотря на то, что они только осенью и зимой были готовы включаться в военные действия. Однако без их военного содействия болгарское государство вряд ли могло бы достичь значительных успехов²⁶. Так как команы не представляют собой единый народ, а только совокупность более или менее независимых друг от друга народностей, можно предположить, что именно часть, вторгшаяся осенью 1202 г. в Сербию, называли Gubatus. Не исключено, что Gubanus был предводителем войск. Наши аргументы подтверждаются еще одним моментом: гонение людей в плен и частые вторжения указывают на кочевой образ военных действий, что в данном районе было характерно лишь для команов.

В источнике 1214 г., в котором нашли отражение ранние обстоятельства, речь идет о событии времени правления Андраша II. По мнению Д. Кришто²⁷, отражен период царствования Бориля. Новые моменты, касающиеся политических отношений между Андрашем II и Борилем, освещены в работе Г. Эрсеги²⁸, поскольку автор опирался на новый, до сих пор не использованный, источник. Работа Г. Эрсеги помогает раскрыть и более точно установить суть связей между двумя правителями. Судя по источнику, Андраш II хотел обручить своего сына с дочерью Бориля, и тем самым получить в качестве приданого города Белград и Баранч, подвластные в то время Болгарии, а также относящиеся к ним территории. Мы можем предположить, что воины Gubanus поддерживали внутреннюю оппозицию царя Бориля. Бориль стал царствовать после насильственно устраненного от власти и убитого Калояна и хотел сразу же укрепить свое государство установлением военных союзов²⁹. Именно этими причинами объясняет-

ся сближение венгерского и болгарского правителей, а также намерения Бориля, готового в случае необходимости уступить часть территории Венгрии взамен военной помощи.

Мы пришли к следующему выводу. Мы предполагаем, что события развивались в той последовательности, которая нами установлена на основе источников. Мы считаем, что народ Gubatus был одной из групп команов /половцев/, находившихся на рубеже XII--XIII вв. под властью болгар, и в интересах болгарского государства они боролись с венграми. А при царе Бориле эта группа, усиливая мощь оппозиции, сражалась с Андрашем II. Название Gubatus они получили по типичной для них одежде. Тот факт, что у нас нет больших сведений о них, объясняется тем, что в период подчинения Византии они не играли значительную военную роль, а только лишь после образования болгарского государства. Позднее значительно изменило этнический состав данной территории нашествие татар.

Конечно, свой вывод мы считаем лишь одним из возможных вариантов, требующих дальнейших исследований в области тюркологии.

Замечания

1. G. Fejér. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. /в дальнейшем: CD/ Budae 1829, p. 393--394.
2. I. Szentpétery. Az Árpád-házi királyok okleveleinek kritikai jegyzéke. Regesta regum stirpis Arpadianae criticor-diplomatica. /в дальнейшем: RA/ I., Bp., 1923--1930, 61., 201.sz.
3. Urkundenbuch des Burgenlandes. I. Band. Graz--Köln, 1955, p. 53.
4. A pannonthalmi Szent Benedek-rend története. I. Bp., 1902, p. 628.
5. Urkundenbuch. I., p. 98--99.
6. Gy. Pauler. A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt. II., Bp., 1899. 25; B. Hóman -- Gy. Szekfű. A magyar nemzet története. I., Bp., 1941. 7 492. /цитируемая часть работы B. Hóman/; Gy. Kristó. A korai feudalizmus "klasszikus" évtizedei. /рукопись/ Szeged, 1978. 106--107.
7. A. Bartal. A magyarországi latinság szótára. Bp., 1901. 300.
8. A magyar nyelv történeti--etimológiai szótára. I., Bp., 1960, 1100. /ИЭСВЯ/.
9. I. Kniezsa. A magyar nyelv szláv jövevényszavai. I--II. Bp., 1964, IX. 830--831.
10. Там же, I. 203.
11. Там же, I. 197.
12. Gy. Pauler. Ук. соч., 488. 22. jz.
13. Там же, 21; B. Hóman. Ук. соч., 427.
14. С. Тиркорич. Историју средњовековне босанске државе. Београд, 1964, 48.
15. RA I. 67., 208.sz.; Árpád-kori és Anjou-kori levelek.
16. XI--XIV. század. sajtó alá rend. L. Makkai és L. Mezey. Bp., 1960, 124--129.
17. B. Hóman. Ук. соч., 429.
18. CD II. 411--412.
19. RA I. 152., 471.sz.; Gy. Pauler. Ук. соч., 487. 23. jz.; Gy. Hóman. Ук. соч., 429.

19. В. Златарски. История на българската държава през средните векове. том III. София, 1972, 149--150.
20. RA I. 68., 212.sz.
21. Gy. Pauler. Ук. соч., 488. 22 jz.
22. цитирует Златарски 158. 2.jz.
23. И. Дуйчев. Българско средновековие. София, 1972, 267.
24. Там же. 264--267; История южных и западных славян. М., 1957, 42.
25. Ph. Malingoudis. Die Nachrichten des Niketas Choniates über die Entstehung des zweiten bulgarischen Staates. Thesssaliniki, 1978, 99--100.
26. Там же. 101--105.
27. Gy. Kristó. Ук. соч., 107.
28. G. Érszegi. Eine neue Quelle zur Geschichte der bulgarisch--ungarischen Beziehungen während der Herrschaft Bulgarian Historical Review, 1975/2, 91--97.
29. Там же.

ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ СТАРОПЕЧАТНЫХ
СЛАВЯНСКИХ КНИГ И СЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЕЙ МЕСТНОЙ РЕДАКЦИИ
В СЕВЕРОВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ВЕНГРИИ

Э. Ойтози

"Духовные семена надлежит мне по свету рассеивать"
/Иван Федоров/

На северовосточной части Венгрии в новое время национальные и религиозные отношения были сложные, среди венгров жили и славяне: украинцы¹ и сербы², перешедшие с православия на церковную унию, так называемые грекокатолики /"Graecis ritus catholici"/униаты, пользовавшиеся византийским обрядом и церковнославянским литургическим языком. Они -- по причине отсутствия славянской типографии в Венгрии³ -- вынуждены были импортировать литургические книги из-за границы, с восточнославянских земель⁴.

Первым венгерским исследователем, собиравшим данные о фондах импортных книг приходских библиотек грекокатоликов был Антал Ходинка /1861--1946/, выдающийся славяновед, ученик В. Ягича. В своих печатных работах он не раз подчеркивал важность более подробного изучения этого вопроса. Его инициатива долго не находила благоприятного отклика среди венгерских специалистов. С одной стороны, славяноведы были заняты исполнением первичных задач: лексикографией, диалектологией, изучением венгеро--славянских языковых, литературных и исторических связей. Их поиски славянской письменности шли главным образом по линии рукописной традиции. С другой стороны, личный состав венгерских библиографов и историков книги в общем характеризовался отсутствием людей, знакомых

с историей кирилловского книгопечатания и владеющих церковно-славянским языком.

В 1957-ом году на совещании венгерских славяноведов Э. Балецкий упоминал о потребности изучения восточнославянских произведений печати⁵.

Исходным пунктом для выделения и опубликования старопечатных славянских книг явилась рекомендация IV-ого /Московского/ Съезда Славистов.

В Венгрии первым вышел в свет список "Slavica" Эгерской Архиепископской Библиотеки⁶, потом следовали работы Доры Готтесманн⁷. В течение семидесятых годов хлопотливой работой автору этих строк удалось реконструировать кириллический рукописный и книжный фонд марияповчанского монастыря Чина Святого Василия Великого, и написать историю монастырской библиотеки и собрания книг ризницы церкви с Иконой Проливающей Слезы Богоматери⁸.

Следующим шагом исследований должно было быть обследование Центрального грекокатолического книгохранилища: Библиотеки Грекокатолической Духовной Академии /БГКДА/ в городе Ниредьхазе и приходских библиотек униатов. /Надо добавить, что церковнославянский язык в 1912-ом году перестал быть литургическим языком униатов⁹/.

В 1979-ом году проф. Э. Иглои, заведующий Кафедрой Русской и Славянской Филологий Дебреценского университета обратился с просьбой к грекокатолическому церковному иерарху разрешить двум дебреценским исследователям вести археографическую работу в его епархии. Епископ, монсиньор Д-р И. Тимко -- человек ученый, страстный библиофил -- обеспечил нам полную свободу¹⁰.

В результате трехлетней археографической, палеографической и каталогизационной¹¹ работы нам удалось спасти, собрать и исследовать около 250 восточнославянских произведений старой печати и 25 рукописей местного происхождения,

среди них много трудно идентифицируемых фрагментов.

Археографическими поездками было обследовано 36 униатских приходов, в комитатах Сабольч-Сатмар, Хайду-Бихар и Боршод-Абауй-Земплен¹², найденный материал был доставлен в БГКДА.

Оказалось, что в центральной и в приходских библиотеках таятся сокровища, о существовании которых мы и не подозревали.

В фондах БГКДА было 3 кириллических палеотипа, два экземпляра шедевра восточнославянского печатного дела: Острожской Библии¹³, работы первопечатника Ивана Федорова и знаменитое произведение Василия Великого "Книга о постничестве", вышедшее в Остроге, в 1594-ом году. Одна из Острожских Библий раньше принадлежала приходу деревни Комлошки¹⁴, она имеет интересные маргиналии.

В общем состав найденного и обработанного книжного фонда характеризуется следующими чертами:

1. Фонд скорее украинский, чем русский. Есть книги с львовским¹⁵, острожским, крилосским, почаевским, уневским, черниговским и киевским выходами, но встречается и московская книжная продукция, к числу которой относятся "Требники иноческий и мирокой" 1639-ого года и Библия 1759-ого года. Даже из далекого, литовского княжества попала книга в епархию: Леитургикон, печатанный в Вильне /1692.г. типография монастыря Св. Троицы/ -- с венгерскими маргиналиями /1/.
2. Половина книг печатана в XVII-ом веке.
3. Почти все книги -- богослужебные, исключение составляют: библии¹⁶, богословская и житийная литература. Произведений светского содержания нет.

В ходе археографических поездок оказалось, что во время обновления приходских церквей много старопечатных книг пропало, особенно в шестидесятых годах, теперь невозможно реконструировать основной книжный фонд древних приходов /"parochiae antiquae"/, хотя эта реконструкция имела бы большой

интерес.

Судя по пометам, владельческим и дарчим записям¹⁷ импортных, старопечатных книг, они долгое время были в употреблении на восточнославянских территориях, потом попадали в северо-восточные комитаты Венгрии. О каналах, по которым восточнославянская книжная продукция проникала в нашу страну, о способах книготорговли мы пока еще располагаем скудными данными.

Все кириллические книги XVI--XVII вв. БГКДА расписаны поэкземплярно¹⁸ на русском языке и описи посланы редакции¹⁹ "Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов" /Москва, Библиотека им. В.И. Ленина/.

Насчет славянских рукописей местной редакции можно доложить следующее: их число меньше ожидаемого, они²⁰ являются копиями печатных богослужебных книг, датируются XVII--XIX веками.

Есть и кодексы, принадлежащие XVI веку. Каталогизация и научная обработка рукописей ведется продолжительно.

Наши планы на будущее: вести археографическую работу в уннатских приходах при поддержке Дебреценского университета и Дебреценского комитата ВАН. Книги и рукописи доставлять в центральное церковное книгохранилище, опубликовать их каталог на венгерском и русском языках, тесно сотрудничать с редакцией "Сводного каталога", написать историю импорта восточнославянских книг.

Замечания

1. Paládi-Kovács Attila. Ukrán szörványok a 18-19. században a mai Magyarország északkeleti részén. -- Ukrainische Streusiedlungen im Nordosten des heutigen Ungarn. Népi kultúra -- népi társadalom VII. Budapest, 1973, c. 327--364.
2. Mődy György. The Migration of Southern Slav Population on the Great Hungarian Plain in the 15--16 th Centuries.-- Ethnographica et Folkloristica Carpathica I. Debrecen, 1979, c. 135--144.
3. Издания ранних, трансильванских, кириллических типографий не могли удовлетворить массовым потребностям позднейшей эпохи.
4. Южнославянские кириллические типографии в начале XVII в. перестали работать.
5. A magyar szlavisztika problémái és feladatai. MTA Nyelv- és Irodalomtudományi Osztályának Közleményei. 1958, c. 97. Хотя Балецкий пользовался термином "инкунабула", из контекста ясно, что он имел в виду старопечатные книги!
6. Pallagi Béláné -- Zbiskó Ernőné. Az Egri Főegyházmegyei Könyvtár szláv anyagából. Eger, 1962--1964.
7. Gottesmann Dorothea. Slavische Bücher der Universitätsbibliothek in Debrecen bis 1850. Debrecen, 1965; и Slavische Bücher in den Bibliotheken der Reformierten Kollegien in Debrecen und Sárospatak bis 1850. Debrecen, 1965.
8. Ойтози Э. Книги кирилловской печати мариупольчанских базилиан. Дебрецен, 1982, с. 138, 44 илл. /Старые библиотеки Затисского края Венгрии 2./ /В печати/
9. Папская булла Пия X-ого "Christifideles Graeci ritus catholici" -- Grigássy Gyula. A magyar görög katolikusok legújabb története. Ungvár, 1913, c. 133--140.
10. Письменное разрешение № 447/1979 получили автор этих строк и Ю. Пандур, старший преподаватель при Кафедре Русской и Славянской Филологий Дебреценского университета. 10-ого мая 1979-ого года Библиотека Грекокатолической Духовной Академии и Библиотека Дебреценского университета заключили договор о сотрудничестве. -- Архив Библиотеки Дебреценского университета, акт № 427 /1--218/ 1979.
11. ВГКДА была основана в 1950-ом году. Должность библиотекаря до 1980-ого года занимали неспециалисты: наставники семинаристов /"patres spirituales"/, подходящего каталога не было!

12. Большинство приходов проехало машиной — по поручению епископа — приходский священник Б. Дудаш, его заслуги в спасении книг и рукописей неоценимы. Вместе с ним ехала -- в течение трех дней -- Э. Ойтози. Денежные ассигнования в 1982-ом году обеспечил Дебреценский Комитет ВАН.
13. Ойтози Э. Два экземпляра Острожской Библии в Библиотеке Грекокатолической Академии в Ниредьхазе. *Könyv és könyvtár XIII. /1982/, на венг. языке /в печати/.*
14. В Комлошке обитали украинцы. -- Балецкий Э. О языковой принадлежности и заселении села Комлошка в Венгрии. -- *Studia Slavica II. 1956, с. 345--354.*
15. Абсолютное большинство книги принадлежит типографии львовского братства.
16. Библия не входит в число типичных богослужебных книг византийского обряда! Narbutt Olgierd. *Historia i typologia ksiąg liturgicznych bizantyńsko--słowiańskich. Warszawa, 1979.*
17. Язык записей в большинстве случаев украинский, но встречаются записи на русском, церковнославянском и венгерском языках!
18. Поземплярным описанием является метод, фиксирующий все особенности экземпляра старопечатной книги: дефекты, владельческие, вкладные, купчие и дарчие записи, характеристику переплетов!
19. Участвовать в работе редакции "Сводного каталога" автора этих строк пригласил главный редактор проф. Е.Л. Немировский, зав. Отделом редких книг Библиотеки им. В.И. Ленина.
20. В этом отношении уже были неожиданности. В последнее время Б. Дудаш нашел сборник народных, духовных песен на честь Богоматери.

AM 04

CO.
111
1190.

1000

1000

[illegible][illegible]

1000

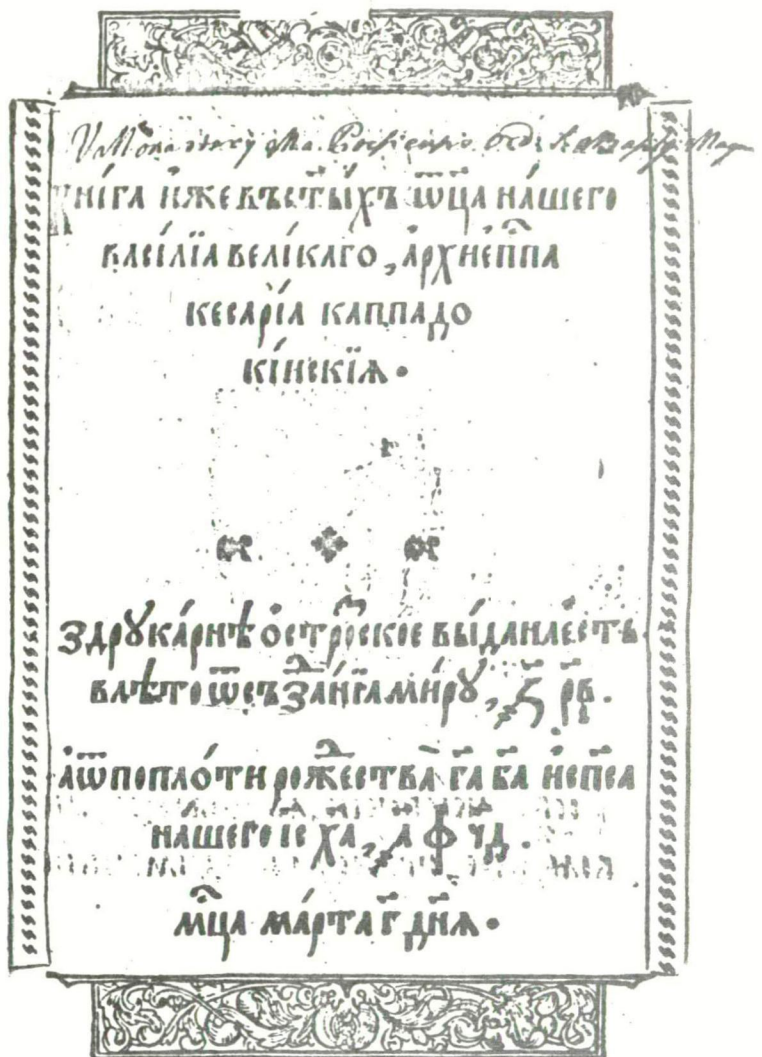

Рис. 2.

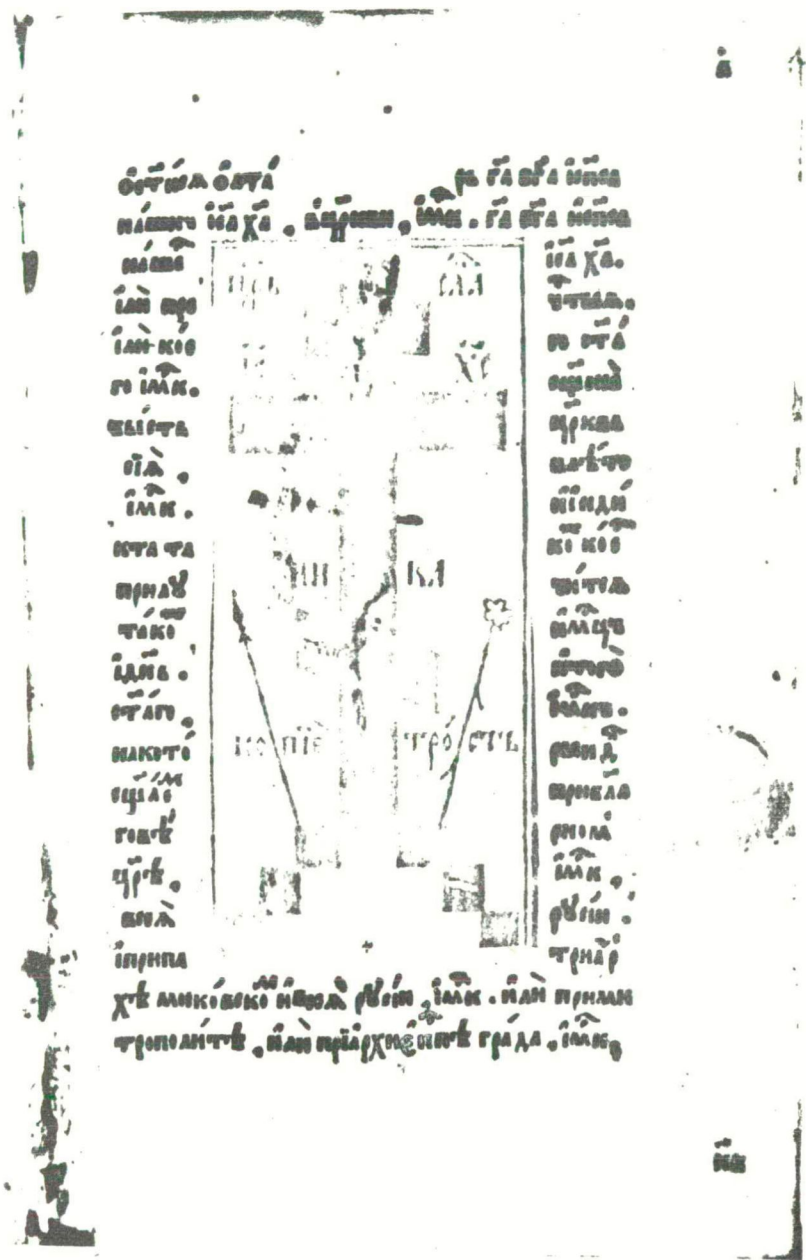

Рис. 3.

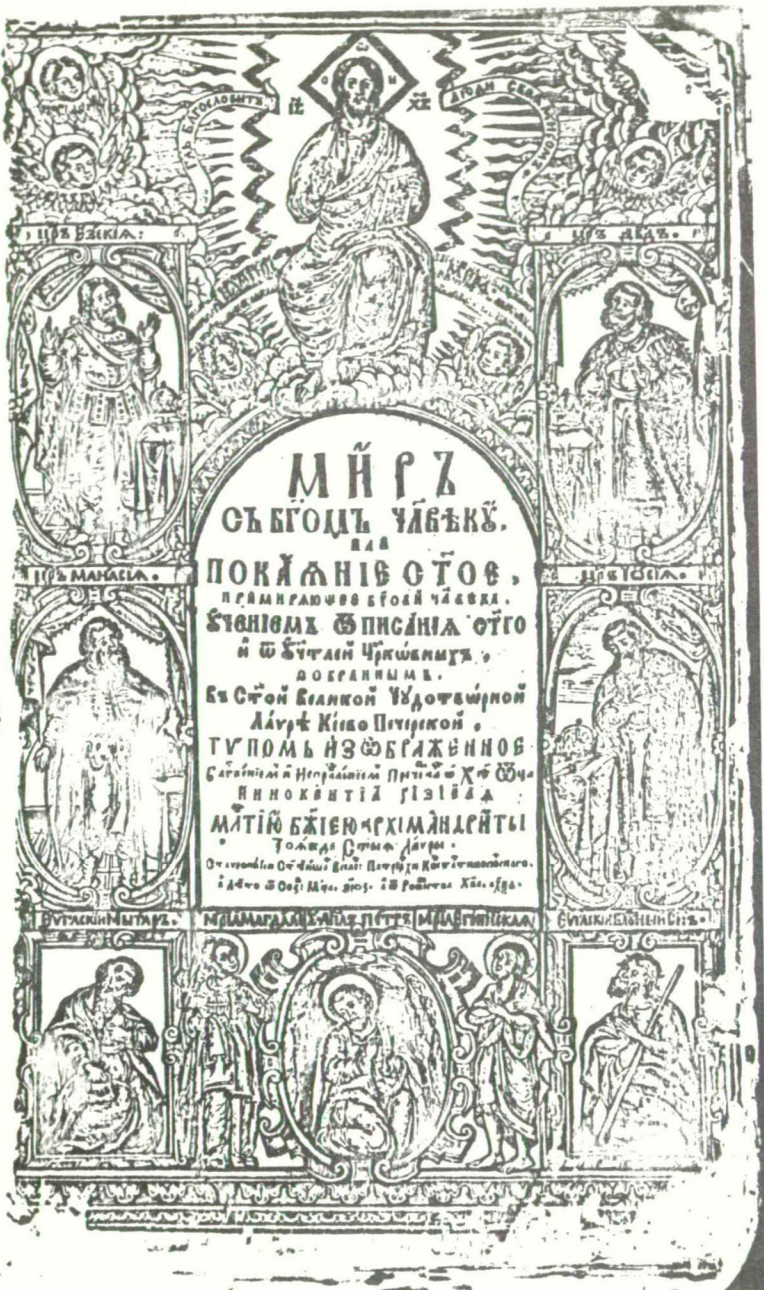

Рис. 4.

Н.А. МЕЩЕРСКИЙ: ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА. Ленинград, 1981, 279 с.

За последние десятилетия — преимущественно с 30-40-х годов нашего века — были предприняты попытки создать обобщающие работы, представляющие путь развития русского литературного языка /отделившегося, как научная дисциплина, от общей истории русского языка/, начиная с появления письменности у восточных славян и кончая языком советской эпохи. /Конечно, и до этого лингвисты занимались вопросами, касающимися этой сферы языкознания; достаточно упомянуть академика А.И. Соболевского, "История русского литературного языка" которого в конце XIX века осталась в рукописи, или В.В. Виноградова¹, "Очерки" которого не охватывают всю историю литературного языка./

Рецензируемая книга ленинградского ученого-языковеда освещает историю русского литературного языка в полном его объеме, в тесной связи с историей и культурой народа. Автор сам определяет цель уже в Введении монографии: "Целью нашей работы является дать краткий очерк истории русского литературного языка ... за все время его развития, с X по XX вв., ... используя при этом новые, ранее не привлекавшиеся к историко-языковому изучению письменные памятники, преимущественно для донационального периода развития русского языка" /с. 14/.

Излагая различные гипотезы известных русистов /А.А. Шахматова, С.П. Обнорского, С.И. Бернштейна и многих других/ об образовании древнерусского литературного языка на восточнославянской почве, но с древнеболгарскими элементами, он дает краткий обзор развития этой дисциплины в послереволюционный период. Здесь же в Введении дается выявление некоторых — в дальнейшем автором часто употребляемых — терминов и понятий, определение лингвистических сфер, по которым следует исследовать языковые свойства исторических памятников.

Монография, обрабатывающая огромный фактический материал и охватывающая генезис и развитие литературного языка свыше тысячи лет, состоит из двадцати глав! Не вдаваясь в подробности, упомянем только тему некоторых из них: начало письменности восточных славян /II/, литературно-письменный язык, язык деловых памятников киевской эпохи /IV--V/, литературный язык феодальной раздробленности /VII/, язык великорусской народности /VIII/, Петровская эпоха /X/, значение трудов М.В. Ломоносова /XI/, А.С. Пушкин — основоположник современного литературного языка, период после А.С. Пушкина /XIV-XV/, В.И. Ленин и русский язык /XIX/.

Подробный анализ отдельных /тщательно и многосторонне разработанных/ глав мы не можем провести в рамках одной рецензии, тем не менее целесообразным считается подчеркнуть и отметить лишь некоторые моменты, — имея перед собой традиционную теорию образования русского литературного языка — сопоставить ее с теорией Н.А. Мещерского, как это показывается уже в первой главе /"Периодизация истории русского литературного языка"/. Здесь автором доказано, что те /в основном пять/ исторических этапы, которые фигурируют в вузовских программах и научных статьях — не выдерживают критики. Учитывая связь истории языка с историей народа, он подразделяет эту тысячу с лишним лет всего на два основных периода: период донационального развития русского литературно-письменного языка и период его развития как языка национального /сохранив при этом мнение о возможных подпериодах/. Границей между обоими периодами он признает время около середины XVII века /см. с. 16—21/.

Во второй главе /"Начало письменности у восточных славян, как основная предпосылка возникновения литературного языка"/ он излагает свое мнение против традиционных взглядов, по которым восточнославянская письменность начинает развиваться только в период крещения Руси. В последнее время многие лингвисты /С.П. Обнорский, П.Я. Черных и др./ пришли к

выводу о том, что договоры с греками, упоминающиеся в "Повести временных лет" под 6420 летом /912 г. при князе Олеге/ и под 6453 летом /945 г. при князе Игоре/, составлялись русскими купцами и не были переведены с греческого на древний славяно-русский литературный язык, как это полагает академик В.М. Истрин.

Тот факт, что письменность на Руси возникла задолго до официального крещения восточных славян и хотя она, конечно, связана с древнеславянской кирилловской письменностью, и ее зарождение объясняется не столько внешним влиянием, сколько внутренними потребностями общественной жизни, подтверждают найденные в большом количестве бересты в древних городах Северо-Западной Руси. Эти грамоты не восходят ко времени ранее XI века, но в старейших слоях уже обнаружены так называемые "писала", которыми нанесены знаки на бересту. Это свидетельствует о том, что письменность у восточных племен была распространена раньше официального крещения Руси.

Особенно спорным является вопрос об образовании древнерусского литературно-письменного языка, который дошел до нас в памятниках XI-XII веков /глава III/. Изложив взгляды ученых, занимающихся проблематикой двуязычия той поры Древней Руси /А.А. Шахматова, С.П. Обнорского, Б.А. Ларина, Л.П. Жуковской/ автор приходит к выводу, что главная трудность в определении характера языка того или иного памятника заключается не столько в лингвистических проблемах, сколько в неточном употреблении и неразработанности терминов, которыми пользуются филологи.

В 1136 г. Киев отделяется от новгородской земли, вслед за тем к концу века происходит отделение Ростово-Суздальской, Галицко-Волынской, Смоленской, Рязанской земель, и эта раздробленность повлекла за собой и падение могущества Киевской Руси /глава VII/. Для XII-XIV вв. характерны тенденции: с одной стороны, — продолжать лучшие традиции киевской эпохи, с

другой — обогащать культуру местными чертами народности; в письменный язык этого периода проникают местные элементы, которые позволяют определить не только время, но и место создания памятника. В этой главе посредством множества примеров, цитированных автором из Новгородской летописи и "Слова о погибели...", показано, как к XV-ому веку осуществляется переход от древнерусского фонетического и грамматического строя к современному русскому языку, хотя эти новые языковые явления пока только эпизодически отражаются в письменной форме языка.

Трактуя возникновение языка великорусской народности /глава VIII/, автор анализирует язык ранней московской письменности, который вследствие второго южнославянского влияния — с конца XIV века подвергся искусственной архаизации. Мещерский указывает на то, что первое южнославянское влияние /и впоследствии функциональное двуязычие киевской эпохи/ должно быть сопоставлено со вторым, но вместе с тем и противопоставлено ему, так как диглоссия в Московском государстве в XVI-XVII вв. служила не столько для обогащения синонимами русского языка, сколько для его "выпрямления", освободив даже древние русские рукописи от русизмов /как отклонений от старославянской общепринятой нормы/. В то время как в книжно-славянской форме литературно-письменного языка продолжали пользоваться старой, отмертвевшей видо-временной системой, в деловой письменности /стоявшей ближе к разговорной речи/, стала господствовать современная, изменявшаяся к этому времени грамматическая система.

В Петровскую эпоху, пополненному иностранными элементами русскому литературному языку еще не хватало стилистической организованности, к середине XVIII века эта система уже была разработана М.В. Ломоносовым в ряде сочинений /см. теорию "трех штилей"/. Он своей многосторонней деятельностью охватил почти все компоненты науки, обновив ее терминологию. В "Российской грамматике" ученым была создана первая научная

книга действительно о /современном ему/ русском языке^е, ведь тема всех предшествовавших грамматик была описание церковно-славянского языка.

Последняя треть XVIII века /"век Екатерины"/ является кульминацией в деятельности А.Н. Радищева, который в "Путешествии..." уже смело использовал слова народного русского языка, синтезируя при этом книжную и простонародную речь, становясь, таким образом, одним из предшественников Пушкина. Национальный язык начинает закрепляться в литературе уже в творчестве русских писателей-реалистов /И.А. Крылова, А.С. Грибоедова и т.п./. Главная заслуга А.С. Пушкина в том, что его языковая образованность, широкий политико-деятельный кругозор, поэтическая сила позволили ему стать "основоположником русского литературного языка". То, что по праву стали так называть Пушкина, излагается автором глубоко и многосторонне изучая поэтический язык гения, раскрывая комплексное владение поэта разными общественными сферами языка. Именно в этой тенденции /в ассимиляции церковнославянизмов современному языку, употреблении разговорно-бытовых слов/ состоит и — столь много критики вызвавшее в то время — стилистическое новаторство Пушкина. Разрушив к тому времени уже устарелую стилистическую систему М.В. Ломоносова, он "... создал и установил многообразие стилей в пределах единого национального литературного языка..." — отмечает Н.А. Межерский /глава XIV, с. 206/.

Предпоследняя часть автором посвящена вопросу о значении произведений В.И. Ленина. Анализируя лингвистическую деятельность вождя революции, он приходит к выводу о том, что Ленин, не отрываясь от разговорной речи простого народа, был одним из крупнейших мастеров русского литературного языка. Он сам не в одной статье и заметке занимался судьбой, выразительной силой, чистотой и грамматическим строем родного языка. Достаточно сослаться на статью "Об очистке языка",

далее на "Заметки публициста". /В этой незаконченной статье им выражено предположение о том, что русский язык движется в направление аналитизма; эти речевые явления были осмыслены специалистами только в 60-е годы! См. об этом с. 262/.

Многогранные замечания даны автором о развитии литературного языка в советский период. В этой небольшой главе /XX/ он рассматривает процесс развития новых значений у старых слов, освещает проблему новых слов, заимствованных из языка народов СССР и новых норм, установленных после старомосковской орфоэпии. Немало внимания уделяется им новым фактам, по-своему отражающим в литературном языке явления социального порядка, эволюции произносительной системы, лексики и грамматического строя.

Подводя итоги, мы можем отметить, что рецензируемая нами книга полностью охватывает сложный вопрос формирования и развития русского литературного языка в разные эпохи. Автор, опираясь на большой фактический материал, огромное количество примеров, многократно и тщательно анализирует характерные языковые черты, изменения, которым подвергался язык в разные эпохи, ссылаясь при этом не только на исследования знатных ученых, но включает в монографию и данные своих ранних статей, посвященных едва ли не всем здесь затронутым темам. Книга в первую очередь обращает на себя внимание ученых, служит важным источником для тех, кто исследует развитие русского литературного языка в разные периоды, но может найти отклик и у широкого круга ценителей русского языка.

Замечания

1. В.В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков. М., 1934.

Х. Шуйок

"АПРАКОС МСТИСЛАВА ВЕЛИКОГО", ИЗД. ПОДГОТ. Л.П.ЖУКОВСКАЯ,
Л.А. ВЛАДИМИРОВА, Н.П. ПАНКРАТОВА, ПОД РЕД. Л.П. ЖУ-
КОВСКОЙ. -- Москва, изд.-во "Наука", 1983, 526 стр.

Издание Апракоса Мстислава Великого -- рукописи конца XI века /рубежа XI-XII вв./, осуществленное Институтом русского языка АН СССР является событием /причем уже давно актуальным/ для историков русского, украинского и белорусского языков, славистов, текстологов, и других специалистов, занимающихся изучением письменной культуры Древней Руси.¹

Апракос Мстислава Великого занимает важное место среди памятников восточнославянской письменности. Рукопись Государственного Исторического музея в Москве /собрание Синодальное № 1203/, написанная на пергамене, является государственным сокровищем с ценнейшим в искусствоведческом отношении и по реальной стоимости находящимся на нем драгоценностей переплетом. Известная с XIX в. в науке под названием "Мстиславово евангелие" рукопись представляет собой Евангелие полный апракос. Она была написана -- как убедительно определяют издатели -- на рубеже XI-XII вв., вероятнее -- в конце 90-х годов XI в. Во всяком случае она не могла быть написана позднее 1117 г., когда Мстислав как будущий великий князь перешел из Новгорода в Белгород. Особенно велико значение изданной рукописи для истории восточнославянских языков, так как она отражает многие восточнославянские языковые черты. Кроме этого, написанный на Руси спустя примерно 250 лет после перевода этого текста на славянский язык, апракос содержит разновременные напластования отдельных славянских языков и диалектов IX-XI вв. Особый интерес может вызвать у исследователей специфическая диакритика, последовательно употребляемая основным писцом книги Алексой, но совсем не применяемая княжеским придворным Наславом и непоследовательно употребляемая златописцем Жаденом и впервые открытым вторым писцом.²

Известно, что успешное развитие истории русского языка как научной дисциплины невозможно без широкого и глубокого исследования памятников письменности. Обязательной предпосылкой таких исследований является издание памятников русской письменности различных веков, и при этом издание, удовлетворяющее современным требованиям науки.

Несомненно, что издание "Апракоса Мстислава Великого" будет способствовать успешному решению целого ряда проблем, связанных с особенностями развития языка восточного славянства, с литературными традициями русского средневековья, с характером литературного языка первых веков русской письменности.

Рецензируемое издание является событием не только потому, что в научное обращение входит памятник, недоступный даже тем исследователям древнерусского языка и письменности, которые изучают свои проблемы по подлинному наследию, но и потому, что благодаря культуре высокому научному уровню подготовки и подачи текста, прекрасно выполненному словоуказателю публикация приумножает число прекрасно изданных Институтом русского языка АН СССР памятников.³

Издание включает: 1/ вводную статью, содержащую сведения о заказчике, кодикологическое и палеографическое описание рукописи, сведения о ее письме и языке, а также о принципах воспроизведения текста и его комментирования /стр. 3 -- 28/; 2/ текст рукописи с разделением на слова, разметкой глав и стихов и примечания к тексту /стр. 29 -- 290/; 3/ указатели всех употребленных в рукописи слов: а/ указатель слов и форм основного текста памятника /стр. 290 -- 472/; б/ словоуказатель к заголовкам чтений и сокращениям месяц-слова /стр. 472 -- 488/; в/ указатель слов и форм к древнерусским записям лиц, создававших Апракос Мстислава Великого /стр. 488 -- 491/; 4/ перечни-таблицы чтений и текстов /стр. 491 -- 523/ и приложения /стр. 524 -- 526/. Также представлено в издании 16 фотокопий отдельных листов рукописи, дающих возможность судить не только о внешнем виде рукописи, но и об общих особенностях графики рукописи в целом и о частных особенностях почерков каждого из писцов.

В предпосланной тексту памятника вводной статье содержатся важные сведения о князе Мстиславе Володимировиче и его апракосе. Рукопись создавалась по заказу старшего сына Владимира Мономаха, будущего великого князя Мстислава Великого /1076-1132/, который был последним сильным великим князем объединенной и блистательной Древней Руси.

В юности он княжил в Ростове, но с 1095 г. Мстислав уже постоянно княжит в Новгороде по воле самих новгородцев. По сообщениям летописей Мстислав заслужил такой авторитет и любовь у новгородцев, что они воспротивились другому князю и проявили твердую волю иметь у себя князем Мстислава. С другой стороны, Мстислав тоже был привязан к Новгороду: даже став великим князем в Киеве /1125-1132/, он продолжал одаривать Новгород. Еще в Новгороде Мстислав проявил себя как крупный полководец, правитель и градостроитель. Построение общественных культовых зданий, вклады в них драгоценных рукописных книг и предметов церковной утвари были в Древней Руси одним из способов снискать расположение соотечественников. Вещественное свидетельство этого обычая -- изданный Апракос, который был написан -- как устанавливают его издатели -- по заказу Мстислава для первой построенной им в Новгороде церкви Благовещения на Городище. Мстислав на протяжении своей жизни построил не одну церковь в Новгороде, а затем в Киеве. Но согласно записи об обновлении Апракоса Мстислава в 1551 г. книга в середине XVI в. находилась в этой церкви и, следовательно, была вкладом Мстислава именно в этот храм.

Поскольку изданная рукопись не содержит точной даты написания, она устанавливается только на основании косвенных данных, и дата построения церкви /1099 или 1103 г./ ° может быть нижней датой при определении времени написания Апракоса. Верхний рубеж определяется концом княжения Мстислава в Новгороде /1117 г./.

Вопрос о месте написания пока не может быть решен однозначно. В своей вводной статье Л.П. Жуковская предполагает, что рукопись не могла быть написана в Новгороде, а скорее она могла иметь киевское происхождение. К такому предположению она приходит учитывая и фонетические особенности и текстологические данные памятника.

В исчерпывающем кодикологическом и палеографическом описании также сказывается огромный опыт автора-публикатора. Здесь сообщаются необходимые сведения о составе и нумерации рукописи. Чрезвычайно интересны в этой связи наблюдения автора над характером полного апракоса, над историей особой по числу листов и тексту 9-й тетради и над типами письма основного писца "Апракоса Алексы Лазаревича" и анонимного второго писца. Все, что пишется о переплете, сохранности, графике и орфографии изданного памятника представляет большой интерес для языковедов, палеографов и других исследователей.

Публикация Апракоса Мстислава Великого рассчитана в первую очередь на лингвистов и других специалистов. Поэтому текст рукописи воспроизводится буква в букву, строка в строку, с разделением на слова. Все, что могло бы хоть в малейшей мере представить интерес для специалиста, бережно фиксируется. В примечаниях к тексту отмечаются случаи утраты текста, в том числе отдельных букв или частей букв, дефекты пергамента, образовавшиеся на листах уже в составе книги. Указываются исправления в письме, время этих исправлений и их содержание. Все это дает возможность любому исследователю свободно судить о тех или иных особенностях письма, текста или даже дефектах рукописи.

Следующие за текстом указатели охватывают лексический материал рукописи, организованный по определенной, научно вполне обоснованной схеме. Они содержат графические, орфографические, фонетические, грамматические и смешанные варианты написаний одних и тех же слов, встречающиеся в Апракосе Мстислава Великого, а не только перечень представленной в нем лексики. Основной указатель слов и форм

к тексту позволяет проводить языковые и текстологические сопоставления, так как он содержит также пометы о принадлежности слов и их форм к тем или иным главам и стихам памятника.

Словоуказатель ко всем заголовкам чтений и сокращениям месяцеслова составлен по данным заголовков чтений и сокращениям месяцесловных отсылочных указаний. Этот указатель крайне важен для изучения принципов сокращений, принятых в древнерусской письменности.

Указатель слов и форм к записям основного писца — Алексы, златописца Жадена и Тиуна Наслава проливает свет на слова и формы, употребляемые древнерусскими просвещенными людьми, жившими в конце XI и в начале XII в. Указатели с имеющимися в них грамматическими пометами и отсылками исчерпывающе полны и в то же время лаконичны. Они позволяют будущим исследователям этого памятника делать разные наблюдения и вести углубленные исследования языка и вообще письменности Киевской Руси.

Высокий уровень подготовки текста, подробнейший, включающий в себя и историко-культурные сведения палеографический комментарий и великолепно составленный научно-справочный аппарат вызывают уважение, и хотелось бы, чтобы следующие издания древнерусского рукописного наследия были подготовлены и осуществлены на столь же высоком уровне, с такой же тщательностью, а также чтобы число подобных изданий возрастало.

Замечания

1. Работа осуществлялась под руководством доктора филологических наук Л. П. Жуковской. Эю же подготовлен весь текст рукописи со словоделением и определены тексты в соотношении с тетром, написана вводная часть и составлены перечни-таблицы для чтений и текстов. Указатели слов и форм составлены кандидатами филологических наук Н. П. Панкратовой /имя существительное, имя прилагательное, глагол, имя числительное/ и Л. А. Владимировой /местоимение, наречие, служебные слова/. Ими же написаны вводные статьи к словоуказателям.

2. См. рецензируемое издание. стр. 3.
3. Имеем в виду следующие издания: Изборник 1076 г. М., 1965. /Изд. подготовили В.С. Гольштенко, В.Ф. Дубровина, В.Г. Демьянов, Г.Ф. Нефедов. Под ред. С.И. Коткова/; Синайский патерик. М., 1967. /Изд. подготовили В.С. Гольштенко, В.Ф. Дубровина под ред. С.И. Коткова/; Успенский сборник XII -- XIII вв. М., 1971. /Изд. подготовили О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон, под ред. С.И. Коткова/; Назиратель. М., 1973. /Изд. подготовили В.С. Гольштенко, Р.В. Бахтурина, И.С. Филиппова. Под ред. С.И. Коткова/; Выголексинский сборник. М., 1977. /Изд. подготовили В.Ф. Дубровина, Р.В. Бахтурина, В.С. Гольштенко. Под ред. С.И. Коткова/.

Б.В. БРАТУСЬ, Л.А. ВЕРБИЦКАЯ
ПОСОБИЕ ПО ФОНЕТИКЕ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-
ФИЛОЛОГОВ.

"Русский язык", М., 1983. 126 с.

Рецензируемое пособие, как это видно из его заглавия, предназначено для усвоения основных фонетических интонационно-произносительных законов современного русского литературного языка иностранными студентами-филологами.

Книга построена по традиционному принципу — состоит из двух основных больших разделов: 1/ "Звуки речи" /с. 5-75/ и 2/ "Ударение и интонация". В свою очередь, эти две большие части подразделяются на уроки /их всего 21/. В конце учебника имеется фонетическая хрестоматия и таблицы.

При составлении пособия по фонетике авторы учитывали сознательную направленность на усвоение и закрепление навыков и правил русского произношения. В целях более успешного заучивания произношения трудных русских звуков они, во-первых, использовали графики образования звуков мягких и твердых одновременно, во-вторых, здесь же сопоставляли эти звуки с аналогичными звуками других языков /английский, французский, немецкий/. Привлекая материал фонетики других языков /поскольку пособие предназначено "для иностранных студентов, обучающихся на филологических факультетах вузов СССР", то есть предполагается, что студенты владеют уже каким-либо мировым языком/, с помощью звуковых особенностей этих языков авторы стремились показать различия в образовании, артикуляции русских звуков, способов и приемов их правильной постановки и последующей коррекции. Мы считаем этот метод крупным преимуществом рецензируемого пособия, так как по-

следовательность в подаче основного фонетического материала, наглядная иллюстрация способов образования трудных звуков приучают студентов к сознательному усвоению, пониманию изучаемого материала.

В начале каждого урока параллельно с упражнениями на правильную постановку звуков авторы дают правила их транскрибирования по акад. Л.В. Щербе, используя латинский алфавит. Представляется полезным в нескольких словах изложить структуру тренировочно-закрепительных упражнений. Разнообразные по тематике и степени трудности, многие из них уже в начале курса опираются на грамматические знания учащихся, то есть при составлении этих упражнений авторы стремились максимально активизировать учащегося, заставить его творчески работать с материалом. Например, задания на замену несовершенного вида глагола совершенным; на образование формы повелительного наклонения глагола /с. 8/.

Каждый урок содержит "контрольно-повторительные задания", в которых содержатся микродиалоги, стихотворения, пословицы. При составлении их авторы тщательно подбирали материал. При этом они обращали внимание не только на закрепление данного фонетического явления, но всегда учитывали и содержательную сторону материала. Отметим интеллектуальную воспитательно-педагогическую точку зрения, которой руководились авторы пособия. Здесь приводятся высказывания русских писателей о языке, употребляется такая лексика, как "напечатать", "докторская диссертация", "защита". Часто мы находим в этих материалах и элементы страноведения: произнесение названия русских городов и т.д. Этот глубоко содержательный материал включает в себя много интересного, полезного и познавательного для иностранного студента.

С предельной ясностью на современном уровне изложе-

но учение об ударении и интонации. Следует отметить, что проблемы ритмики слова и интонации рассматриваются одновременно в рамках первого урока. Авторы придерживаются классификации интонации по методу Е.А. Брызгуновой /т.е. 7 типов ИК/. Сводная таблица интонационных конструкций, содержащая изображение хода интонации, помогает учащимся быстро ориентироваться в правильном выборе ИК. Раздел содержит богатый учебный материал по интонации и ритмике слова, с интонационно-ритмической разметкой и без нее. Большое внимание уделяется обучению правильному членению ИК и определению ее типа; этому помогают многочисленные и разнообразные по содержанию и степени трудности упражнения.

Большим достоинством пособия является включение в него фонетической хрестоматии, с помощью ее материала авторам удастся осветить на практике ряд фонетико-фонологических и интонационных вопросов, представить материал во всем его многообразии.

В конце пособия находим 7 таблиц, которые показывают классификацию гласных /по подъему и ряду/, классификацию согласных /по акад. Л.В. Щербе/, акцентные типы существительных, прилагательных и глаголов. Три последние таблицы заслуживают особого упоминания: известно, что студенты-иностранцы испытывают большие затруднения при склонении и спряжении русских слов, поскольку русское ударение подвижное. Безукоризненно зная форму /место ударения/ именительного падежа единственного числа существительного или прилагательного, а у глагола — форму инфинитива, учащиеся затрудняются в выборе уже винительного и т.д. падежа. Эти таблицы призваны облегчить усвоение правильной фонетической ритмической характеристики данного слова.

В заключение необходимо подчеркнуть, что пособие по фонетике, учитывая практические и теоретические аспекты обучения, является весьма полезным подспорьем и для преподавателя. Несмотря на небольшой объем книги, читатель получает ясную и принципиальную картину изложения материала, что, несомненно, облегчает практическую работу преподавателя. Следует отметить высокий научный уровень книги, стремление к сжатости, прекрасный стиль изложения. Это пособие рекомендуем фонетистам, работающим в иностранной аудитории.

О. Сеги

М.Я. ГЛОВИНСКАЯ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ
ВИДОВЫХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ РУССКОГО ГЛАГОЛА.
-- Издательство "Наука". Москва, 1982, 155 с.

В своей книге автор поставил перед собой задачу описать "инвариантные и частные" видовые значения русских глаголов с помощью метаязыка, "похожего на язык лексикографических толкований".

Опираясь в своей работе на важнейшие достижения аспектологических исследований предшествующих годов и рассматривая вид как грамматическую категорию, автор пытается описать важнейшие семантические типы видовых противопоставлений русского глагола.

Работа состоит из четырех основных частей. В первой главе автор дает краткий обзор основных аспектологических идей /понятий/, необходимых для описания семантики видов, выдвигает вопросы, которые собирается решить в своем исследовании. Во второй главе автором рассматриваются проблемы, связанные с трудностями разделения видового и лексического значений в глагольных словоформах. В этой части М.Я. Гловинская ставит вопросы: куда отнести потенциальное значение несовершенного вида -- к лексическим или к видовым значениям, куда отнести потенциальное значение совершенного вида -- к видовым или ко временным значениям. Что касается глаголов несовершенного вида, автор приходит к заключению, что для большинства глаголов потенциальное значение является бесспорно видовым, т.е. выражается не основой глагола, а граммемой несовершенного вида. Потенциальное значение форм глаголов совершенного вида автор считает тоже частновидовым, так как "подобные значения являются как бы вневременными". Однако здесь Гловинская не учитывает вербального контекста и аспектуальной ситуации. Разберем следующие примеры: 1. "Он решит эту задачу"; 2. "Он решит любую задачу"; 3. "Он всегда поможет отставшему товарищу". Если действие -- как

это выявляется из первого примера -- приурочено к одному соотносимому моменту времени, то преобладает временное значение формы в позиции конкретного факта, т.е. на ведущее грамматическое значение времени накладывается еще видовой оттенок потенциальности. А если форма совершенного вида имеет вневременное значение -- как во втором и третьем примерах --, тогда в ней преобладает частное видовое значение потенциальности /возможности/невозможности совершения действия/. В видо-временной системе временные значения переплетаются с видовыми, что приводит иногда между частными видовыми значениями к отношениям пересечения. Дифференцирующим признаком в вышеприведенном примере 1 является конкретность, приуроченность действия к одному соотносимому моменту времени.

В третьей главе излагаются основные семантические типы видового противопоставления. Видовое противопоставление граммем совершенного и несовершенного вида проведено Гловинской на основе инвариантов двух главных частновидовых значений, "точечного" и "актуально-длительного". "Во всех толкованиях, соответствующих формам совершенного вида, выделяется особый элемент 'начать'. Будем считать его инвариантом точечного значения совершенного вида... В толкованиях несовершенного вида выделяется общая часть 'существует в каждый из ряда последовательных моментов'. Этот смысл является семантическим инвариантом актуально-длительного значения несовершенного вида" /с. 107/. Противопоставляются "момент возникновения" действия /см. сноску на с. 73/ и момент речи, когда "мы /словами Кошмидера/ находимся в процессе осуществления действия" /см. сноску на с. 107/. Определение инвариантного значения глаголов совершенного и несовершенного вида наминает оппозицию Э. Кошмидера "Eintritt -- Währen" /наступление, или пожалуй "возникновение" -- протекание/, по мнению которого, основные функции имперфективов и перфекти-

вов -- передавать действие либо в своем протекании /"im Währen"/, либо как целостное событие, в своем наступлении /"als Eintritt"/. /Подробнее см. Е. Koschmieder. Durchkreuzungen von Aspekt- und Tempussystem in Präsens. ZfsPh, 1930, S. 314/. Таким образом, Э. Кошмидер в своем толковании делает акцент на левой границе перфективного действия, которое воспринимается говорящим как целостное: "Das perfektive Aspekt... drückt aus, dass das Ausgesagte von Sprechendem als Ganzes /подчеркнуто нами -- И.К./ betrachtet wird" /Е. Koschmieder. Studien zum slavischen Verbalaspekt. KZ. 1929, S. 104/. В противоположность Кошмидеру, В.В. Виноградов в своем определении делает ударение на правой границе целостного действия, утверждая, что "основная функция совершенного вида -- ... сосредоточение внимания на одном из моментов процесса как его пределе" /Виноградов 1947, с. 498/. С.Г. Андерссон синтезирует эти два определения, говоря, что понятия "наступление" /целостность/ и "протекание" совпадают либо с "достижением предела действия", либо с "недостижением предела действия" /Andersson 1972, с. 193/. Выявляется, что инвариантные значения, сформулированные М.Я. Гловинской, представляют собой своеобразную переформулировку определения Э. Кошмидера.

Главными частновидовыми значениями Гловинская считает актуально-длительное и так называемое точечное значения.

Актуально-длительное значение устанавливается ответом на вопрос Миклошича--Кошмидера "Что это ты там делаешь?". Автор упускает из виду позицию постоянно-непрерывного /дуративного/ значения типа: "Я проживаю на улице Пушкина", где глагол имеет политемпоральное значение: "всегда и сейчас" /ср. А.В. Бондарко. Теория морфологических категорий. Л., 1976, с. 221/. Действие или состояние не приурочено к одному соотносительному моменту времени, имеет длительное, но не "актуальное" значение.

Интересно замечание автора насчет глаголов типа прочитывать, съедать, выпивать, которые обладают способностью выступать в позиции актуально-длительного значения, если они включают в себя представление о "порционности объекта": "Он прочитывает уже десятую страницу" и т.п.

Главным /непериферийным/ частновидовым значением глаголов совершенного вида автор считает так называемое "точечное", которое перфектив имеет в контекстах типа "Он писал, писал и наконец написал письмо" /с. 45/. Сам автор в первой главе "точечность" рассматривает как лексическое значение мгновенности /с. II/. Термин "точечности" использует автор и для названия "главного частновидового значения", в контекстах типа вышеприведенного примера. Гловинская имеет в виду определенную "точку" /или момент/ времени, к которой /или к которому/ приурочено перфективное действие. "Точечность" /мгновенность/ -- это лексическое значение. Во избежание двусмысленности мы считаем нецелесообразным говорить и о грамматическом точечном значении. Гловинская не отрицает наличия "конкретно-фактического" значения в предложениях типа: "Он написал статью о борьбе с грузинами" /ср. с. 75 и 116/. Сопоставляя конкретно-фактическое значение с точечным, сам автор признает, что видит "здесь не два разных, а одно значение, разные элементы которого могут подчеркиваться контекстом и, возможно, актуальным членением фразы" /с. 76/. В целях унификации терминологии выскажем пожелание использовать и в дальнейшем вместо "точки" очень хороший термин "конкретного факта", ведь в искусственном предложении "Он писал, писал и наконец написал письмо" временной уточнитель "наконец" обращает наше внимание на правую сторону целостного действия, распространяющегося на весь предмет, а не, скажем, только на "точку" последнего предложения письма. Определенное количество предмета предполагает определенное количество действия.

Поскольку термины служат для точного выражения специальных понятий, нецелесообразно употреблять двусмысленные термины, как это автор делает относительно термина "точечности", когда использует один термин для обозначения двух языковых явлений. Автор действует точно наоборот, когда употребляет два термина для обозначения одной синтаксической категории: временные уточнители /прозаниматься два часа; accusativus temporis/ глаголов пердуративного способа действия на 34-ой странице автор называет объектами /прямыми дополнениями/, а на 35-ой обстоятельством времени.

М.Я. Гловинская в своем толковании глагольных значений не учитывает субстанциональный элемент значения глаголов, так называемый аспектуальный актант, характеризующий глагол "изнутри". Совершенно прав Д. Грубор, когда утверждает, что действие может быть полностью закончено, а результата нет, так как результат зависит от факторов, лежащих вне действия /Грубор 1962, с. 74/, т.е. от аспектуального актанта, претерпевающего качественные или количественные изменения. Автор не указывает на семантическую причину парности таких начинательно-результативных глаголов как заметить//замечать, понять//понимать и др., которые обозначают достижение результата в первой, начальной фазе перфективного действия; не указывает на то, что пассивные глаголы типа заметить//замечать отличаются от тотивных начинательных глаголов семой результативности и тем, что они способны представлять наступление /или пожалуй "возникновение"/ перфективного действия не только точно /как это свойственно тотивным начинательным глаголам типа закричать, заговорить/, но и дуративно: "Он вдруг как-то понял, что... он... ровно ничего не делал и мог бы остаться без обеда" /М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы. с. 582/. "Но, наконец, передо мной прояснилось мое положение, я мало-помалу поняла, что осталась одна совершенно и живу у чужих людей" /Ф. Достоевский. Неточка Незванова. с. 232/.

Четвертая глава посвящена изучению одного периферийного частновидового значения -- так называемого общефактического значения форм прошедшего времени. Автор, в зависимости от лексического значения глаголов несовершенного вида, различает три разновидности общефактического значения: общефактическое результативное, общефактическое двунаправленное и общефактическое нерезультативное. Проводя смысловое различие между формами несовершенного вида /в общефактическом значении/ и формами совершенного вида, автор правильно отмечает, что "глагол совершенного вида обозначает более определенное действие, чем глагол несовершенного вида" /с. 120/, а эта определенность /в корне со словом предел/ действия, на наш взгляд, всегда предполагает достижение качественного или количественного предела целостного действия.

В заключение нам хотелось бы подчеркнуть, что опыт дал положительный результат особенно в разграничении лексических и грамматических значений разных семантических групп глаголов, составляющих видовые пары при помощи имперфективации. Более подробное рассмотрение взаимодействия глагольной лексемы и аспектуального контекста -- дело будущих исследований.

И. Крекич

СОДЕРЖАНИЕ

И.А. Долгих.	Принципы составления толковых словарей....	3
М.А. Корчиц.	Конструкция с <u>будучи</u> в современном русском языке	23
И. Пете.	О взаимосвязи пространства и времени в русском языке	41
Э. Саламин.	К вопросу о т.н. объективной модальности в современном русском языке	51
К. Фабриц.	К вопросу о союзности частиц	63
К. Фабриц.	О разграничении наречий и частиц в современном русоком языке	75
И. Пете.	Към употребата на глаголите от свършен вид в отрицателни подбудителни изречения..	95
К. Восилков.	Характерни особености на ранния етап от развитието на новобългарския книжовен език	103
И. Харалампиев.	Возникновение спряжения на <u>-а-</u> в истории болгарского глагола	119
Г. Балаж.	Опыт применения семиотических средств в исторической славистике	131
Г. Вернке.	К вопросу о возникновении носовых в праславянских флексиях /на материале памятников старославянского языка/	145
И.Х. Тот.	Исторические предпосылки возникновения и распространения древнеболгарской письменности на Руси	149
Ф. Макк.	К оценке венгерско-русских связей XII в... 201	
М. Фонт.	Кто скрывается под названием "Gubatus" в венгерских грамотах начала XIIIв.?	211
Э. Ойтози.	Итоги и задачи исследования старопечатных славянских книг и славянских рукописей местной редакции в северо-восточной части Венгрии	221

Рецензии

Х. Шуйок.	Н.А. Мещерский: История русского литературного языка 231
И. Ференц.	"Апракос Мстислава Великого"..... 237
О. Сеги.	Б.В. Вратусь, Л.А. Вербицкая: Пособие по фонетике для иностранных студентов-филологов 243
И. Крекич.	М.Я. Гловинская: Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола ... 247
Содержание	253

Készült: a Szegedi Magas- és Mélyépítőipari Vállalat

Sokszorosító üzemében.

Felelős: vezető: Mazán Jánosné